

13.527

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ

ТУНДРА

II

П Л А М Я

П Р А Г А

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ — ТУНДРА

Об. ст. ГА Сем.
и Лав. ССР
1949 г.

109286

10

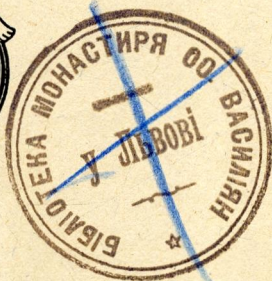
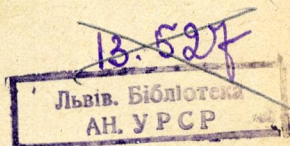
ЕВГ. ЛЯЦКІЙ

ТУНДРА

РОМАНЪ

ИЗЪ БЪЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ

Часть вторая

П Р А Г А

1925

„LEGIOGRAFIE“
Praha-Vršovice, Sámova 665.

ТУНДРА

I

Въ очередной вторникъ, въ клубъ «чешско-русскаго единенія», было людно и шумно. Въ особомъ залѣ обширной гостиницы — ласково принимавшей русскихъ, были разставлены крытые скатертями столы, за которыми сидѣли гости. Чехи говорили по-русски, русскіе вставляли не безъ удовольствія чешскія выраженія; изрѣдка слышалась сербская рѣчь. Залъ былъ длинный, низкій. Въ одномъ концѣ высилась эстрада съ піанино, столикомъ и стуломъ для чтеца. У противоположной стѣны шумѣлъ всероссійскихъ размѣровъ, самоваръ — живая эмблема неоткипѣвшей Россіи. За нимъ, привѣтливо улыбаясь, суетились чешскія дамы, любезно и справедливо распредѣляя чайныя блага.

Общество было разнообразное — старики съ типичными дворянскими лицами, помятые интеллигенты, потерявшіе былую увѣренность, смѣшивались съ молодыми людьми безъ породы, еще не выработавшими типичныхъ манеръ для того класса, который они собирались образовать. И они держались неувѣренно, но по другой причинѣ: имъ не хотѣлось потерять своего достоинства передъ «отцами», съ трудомъ давалось то внутреннее спокойствіе, которое служитъ источникомъ

естественныхъ и свободныхъ манеръ. Старыя и молодыя дамы въ скромныхъ, подчасъ не безъ претензій на моду, платьяхъ, свѣжія личики дѣвушекъ, окруженныхъ молодыми людьми, являлись пріятными оазисами въ сѣрой и хмурой толпѣ запекшихся въ своемъ мужскомъ величій профессоровъ, адвокатовъ, журналистовъ и разныхъ иныхъ дѣятелей разрушенной Россіи. Чѣмъ моложе былъ юноша, попадавшій сюда, тѣмъ яростнѣе пускалъ онъ клубы дыма въ лицо пожилому собесѣднику, стараясь какъ можно болѣе независимо изогнуть лѣвую ногу, и собесѣдникъ снисходительно, въ качествѣ «отца», уступалъ свое мѣсто юному творцу будущаго, и только грустная улыбка его иногда говорила: «а наслѣдство-то, въ видѣ знаній и опыта, ты отъ насъ тянешь, — такъ рано-то насъ въ гробъ укладывать — тебѣ самому не выгодно»...

Гости, чехи и чешки, выдѣлялись и степенностью своихъ манеръ и тѣмъ учтивымъ спокойствіемъ, которое обычно отличаетъ людей, чувствующихъ, что они у себя дома. Большинство изъ нихъ жило въ Россіи до войны и сохранило съ ней глубокія связи, а многіе только и мечтали о томъ, чтобы снова вернуться въ Россію. Изрѣдка въ толпѣ мелькала замкнутая въ себѣ фигура партійнаго человѣка, искавшаго «своего». Развлеченія Jednot'ы, музыку и пѣніе, истинные демократы, конечно, презирали, но пользовались ею, какъ мѣстомъ летучихъ свиданій. Вообще политическіе оттѣнки здѣсь растворялись въ беспорядочномъ говорѣ, въ звукахъ рояля, въ звонѣ чайной посуды, въ клубахъ табачнаго дыма; инымъ казалось даже, что слишкомъ свободный входъ налагалъ на литературныя и артистическія собранія отпечатокъ нѣкоторой пестроты.

Гости или задерживались въ первой комнатѣ, или проходили въ залъ. Тамъ они отыскивали мѣсто, приса-

живались къ знакомымъ, добывали чай съ лимономъ и печеньями. Здѣсь разговаривали только въ антрактахъ, а собственно «единеніе» происходило въ первой комнатѣ, ближайшей ко входу съ лѣстницы. Тамъ, заперевъ дверь въ залъ, бесѣдовали о дѣлахъ на ходу, стоя, тѣ, кого не привлекали ни лекторы, ни музыканты.

Такъ было и въ тотъ вечеръ одного изъ непогодныхъ дней, въ самомъ началѣ мая. Лекторъ только что закончилъ подъ дружный взрывъ рукоплесканій какое-то сообщеніе, когда въ дверяхъ появились Званковъ и Вяльцевъ. Чешскій квартетъ началъ настраивать инструменты, и оба вошедшіе не прошли въ залу, куда двери были уже закрыты, а стали оглядываться и присматриваться къ толпѣ посѣтителей, расположившихся у стѣнъ и группами посрединѣ. Званковъ былъ постояннымъ гостемъ вечеровъ Jednotы, Вяльцевъ появился впервые. На Званковѣ былъ длинный, стариннаго покроя сюртукъ и фуляровый пестрый галстухъ; волосы были старательно взбиты, щеки тщательно выбриты, и вообще онъ имѣлъ видъ человѣка, специально вымытаго къ этому дню. Принарядился и Вяльцевъ, пригладилъ волосы, повязалъ черный галстухъ подъ высокимъ, тугимъ воротничкомъ и приобрѣлъ видъ моложаваго профессора, помышляющаго о женитьбѣ. Онъ застѣнчиво озирался, вглядываясь въ окружающихъ, отыскивая мѣсто, откуда могъ бы, не обращая на себя особаго вниманія, наблюдать присутствующихъ. Поздоровался съ Азбелевымъ, который съ хмурымъ и сосредоточеннымъ видомъ прошелъ въ залу, пожалъ руку профессору Кудрину — его онъ встрѣтилъ впервые послѣ вечера у Клеопатры Ивановны. И сама Клеопатра Ивановна, улыбающаяся, свѣжая, въ перешитомъ, но хорошо сидѣвшемъ на ней костюмѣ, подошла къ нему и дружески погрозила пальчикомъ:

— Противный! Забылъ меня... Но сегодня — она путала «ты» и «вы», оглядываясь на сосѣдей, — вы такъ легко не отдѣляетесь, сударь... Вы будете ужинать у меня. Я въ цѣлой квартирѣ одна...

Вяльцевъ улыбнулся.

— Я, Клеопатра Ивановна... я, право, не знаю.

Она обожгла его взглядомъ своихъ темныхъ и ласковыхъ глазъ и прошептала страстно, такъ, что только онъ одинъ могъ слышать:

— Но я-то знаю.. Я знаю и за тебя, мой глупый...

И прибавила, повышая голосъ:

— Получите стаканъ вина и холодную котлету...

Улыбнувшись еще разъ, упорхнула въ другой уголъ комнаты.

Вяльцева представили моложавому чешскому профессору, бритому блондину, строгому и корректному. Застѣнчивый профессоръ хотѣлъ что-то сказать, потупился, уступая слово Вяльцеву, а Вяльцевъ, не зная, кто былъ передъ нимъ, ожидалъ отъ него начала бесѣды. Такъ они съ полминуты выразительно смотрѣли другъ на друга. Потомъ оба опустили глаза и, поклонившись, раздвинулись, не произнеся ни слова. «Даже о погодѣ нельзя — думалъ Вяльцевъ, — потому что здѣсь — онъ потрогалъ руками стѣну — и погоды никакой нѣтъ».

Музыка неожиданно ударила по нервамъ. Многіе вздрогнули, только экономистъ Кубицкій нахмурилъ брови. Віолончель, о чемъ-то страдая и жалуясь, рассказывала скрипкамъ, а скрипки и смѣялись, и плакали, и звенѣли какимъ-то чужимъ и далекимъ горемъ; рояль развертывалъ широкую волну разсыпчатыхъ звуковъ, то обгоняя, то отбѣгая отъ віолончели и скрипокъ, и разливался своей печалью и ловилъ какія-то свои уле-

тавшія отъ него воспоминанія, о чемъ-то тоскуя и что-то любя — безпредметное, непонятное.

Званковъ сидѣлъ у стола съ шахматами и усиленно шипѣлъ и шикалъ на тѣхъ, кто разговаривали слишкомъ громко:

— Ш-ш, — по совѣсти говоря... — играютъ вѣдь...

Онъ любилъ музыку и особенно пѣніе. На его шиканье не обращали вниманія и говорили еще громче. Въ этой комнатѣ прочно утвердились свои обычаи, и тѣ, кто приходилъ сюда, какъ въ клубъ, упорно отстаивалъ права непринужденной бесѣды. Говорили, впрочемъ, въ общемъ степенно, молодежь съ барышнями — шопотомъ.

Кубицкій доказывалъ сѣдому господину съ накрашенными усами, что цифры, приведенныя его оппонентомъ, — сущій вздоръ. Кругомъ прислушивалась молодая наука. И только что испеченный, несмотря на свои «подъ-сорокъ», юноша-ученый, съ лицомъ мало выразительнымъ и грубоватымъ, и лысенькій, чистенькій, гладенькій блондинчикъ съ хитрыми и злыми глазками и сладенькой, въ себя уходящей улыбочкой—тоже ученый, готовый пойти далеко. И еще общающій молодой человѣкъ, худощавый, съ котлетками на щекахъ, одѣтый изящно и не безъ претензіи, дѣлавшій академическое лицо.

Всѣ они не столько вдумывались въ то, о чемъ говорилъ Кубицкій, сколько незамѣтно втягивали въ себя его особую кастовую манеру выражаться, ставившую собственное я средоточіемъ всего міра. Особенно послѣдній, еще юнецъ, жадно и почтительно слѣдилъ за Кубицкимъ. Онъ еще до пріѣзда въ Прагу прочиталъ гдѣ-то нѣсколько лекцій, и теперь, когда Кубицкій отошелъ, началъ что-то внушительно говорить учтивому блондинчику, безпрестанно повторяя:

— Мои слушатели... требовалъ отъ моихъ слушателей... Я представлялъ въ факультетъ...

Онъ говорилъ это громко, такъ, что его слышали почти во всей комнатѣ.

Блондинчикъ ёрзалъ плечомъ по стѣнѣ и неопредѣленно повторялъ:

— Тээкъ-съ... Понимаю.

Вяльцевъ все это видѣлъ, слышалъ, наблюдалъ и старался не осуждать. Но думалось невольно:

— Ну, что они дадутъ молодежи? Держатся пока одни старики.

Его окружили дамы. Пристала особенно одна въ небольшой черной шляпѣ, еще молодая, съ кокетливо-задорными глазами, съ губами малиноваго цвѣта.

Она ударила его по рукѣ.

— Monsieur Вяльцевъ... Это очень мило, monsieur Вяльцевъ, что вы посѣтили Jednot'у...

Ее перебила другая, тоже въ шляпѣ колпачкомъ, съ лентами вверхъ, что дѣлало ее похожей на курицукохинхину. Она поминутно подносила кружевной платочекъ къ лицу, играя блескомъ электрическихъ лучей на кольцахъ.

— Monsieur Вяльцевъ здѣсь человѣкъ новый, — скороговоркой залепетала она, оттирая первую даму и протискиваясь къ стѣнѣ. — Вотъ, смотрите, — она указала на молодого человѣка въ сѣрой курткѣ и высокихъ сапогахъ: — это бывшій студентъ, теперь учится въ автомобильной школѣ. Когда-то былъ миллионеромъ, а теперь чуть съ голоду не умираетъ... Вонъ та барышня, вонъ, что стоитъ у вѣшалки, это его amie... Подумайте, только: самимъ ѣсть нечего, а туда же, вмѣстѣ на вечера ходятъ.

Вяльцева мало интересовали эти подробности. Онъ слушалъ молча, думая:

— Все одно и то же... Какъ имъ не надоѣсть!

— А вотъ этотъ господинъ, — продолжала дама, — вонъ тотъ, съ лысиной, что курить трубку, получилъ, говорятъ, стипендію благодаря монархистамъ... На самомъ дѣлѣ онъ кадетъ, я его знаю; можетъ быть, даже еще лѣвѣе, потому что идей своихъ не высказываетъ. Съ нимъ интересный случай вышелъ. Онъ пріѣхалъ съ одной барыней, съ которой живетъ двадцать лѣтъ, назвалъ ее женой и получилъ на нее семейную прибавку... Но кто-то донесъ, что барыня не его законная жена, и прибавку отняли... Многіе возмущались, а я нахожу, что власти правы. Какъ вы думаете?

Вяльцевъ пожалъ плечами.

— Не знаю обстоятельствъ... Зависитъ отъ усмотрѣнія властей...

Въ это время въ дверяхъ показался низенькій, пожилой священникъ въ рясѣ, съ крестомъ на серебряной цѣпи. Подстриженные волосы кудрявились. Неправильныя, некрасивыя черты лица смягчались доброй и какъ бы беззубой улыбкой; сѣрые неуклюже врѣзанные глаза свѣтились умомъ и благородной привѣтливостью. Онъ подошелъ къ двери и поздоровался со смуглой брюнеткой въ бѣлой шляпѣ.

— Кто это? — спросилъ Вяльцевъ, котораго поразило это примѣчательное лицо духовнаго званія.

— Это католическій священникъ восточнаго обряда, отецъ Иринархъ Воеводскій... Ряса къ нему не идетъ, а между тѣмъ служить, говорятъ, артистически... Да, впрочемъ, онъ и поэтъ, стихи сочиняетъ. Одной дамѣ сонетъ сочинилъ про любовь.

Вяльцевъ вглядывался въ лицо священника. Тотъ, слегка наклонивъ голову, что-то говорилъ черной дамѣ, восторженно на него глядѣвшей.

— Новые священники пошли, — замѣтила первая

дама: — впрочемъ, я за то его и люблю, что онъ чловѣкъ жизни.

— А дама, съ которой онъ говорилъ, — продолжала вторая, — одна изъ его жертвъ. Онъ пользуется огромнымъ успѣхомъ. Она, говорятъ, пріѣхала изъ Каира, чтобы помогать ему пропаганду дѣлать...

— Интересно, — сказалъ Вяльцевъ, отвѣчая болѣе своимъ мыслямъ, чѣмъ дамѣ.

— А вотъ это, смотрите — молодожены. Онъ — бывшій полковникъ, теперь студентъ, къ богатой булочницѣ подѣхалъ и женился на ней. Еще мѣсяць назадъ не каждый день обѣдалъ, а теперь на автомобиляхъ разъѣзжаетъ...

Вяльцевъ разсѣянно посмотрѣлъ на плечистаго браваго мужчину въ усахъ, заботливо освобождаваго жену отъ манти и мѣха. Жена, значительно его старше, полная, грудастая, горделиво оглядывалась на свои могучія руки и плечи съ такимъ независимымъ видомъ, какъ будто въ комнатѣ она была одна.

Квартетъ въ залѣ закончился шумнымъ аккордомъ, и большинство гостей, толпившихся въ передней, воспользовалось антрактомъ, чтобы пройти въ залъ.

Къ дамамъ возлѣ Вяльцева подошли молодые люди — слащавый, очень полный адвокатъ Синицынъ, общій любимецъ докторъ Вальцъ, знатокъ русской поэзіи, студентъ Розовъ, застѣнчивый и робкій, ловившій удобную минуту, чтобы переговорить съ Вяльцевымъ, пріятный и вкрадчивый Молодовскій, ступавшій столь осторожно, словно боялся произвести сотрясеніе воздуха. Молодовскаго не замѣчали, а Синицына подозрѣвали въ сношеніяхъ съ большевицкой миссіей и побаивались.

Завязался общій безпорядочный разговоръ.

— Вернулась Анна Ивановна — видали? Говорятъ, новаго мужа съ собой привезла... Перебѣнить трехъ въ одинъ годъ — какъ будто много! Какъ вы думаете, Марья Павловна?

— Ну, что же! Могій вмѣстити, да вмѣститъ, — снисходительно отозвался адвокатъ.

— А Барашковыхъ снова изъ квартиры на улицу выставили, со скандаломъ, съ полиціей...

— За что?

— Не знаю точно. Кажется, за то, что бѣлье въ ванной стирали.

— Ахъ, это ужасно... Мнѣ за газъ и уголь набабили.

— И мнѣ тоже.

— Вы пойдете сегодня въ «Рому», макароны ѣсть? — освѣдомился адвокатъ, ласково щуря свои маслянистые глазки на дамъ.

— Monsieur Вяльцевъ, и вы съ нами?

Вяльцеву не дали говорить.

— Увы! Monsieur Вяльцевъ приглашенъ къ Клеопатрѣ Ивановнѣ... Тамъ его ждетъ котлета и вино. Не такъ ли, monsieur Вяльцевъ?

— Да, кажется, Клеопатра Ивановна... — началъ онъ, смутившись, но дамы снова перебили его:

— Ну, конечно, конечно... Кто устоитъ противъ очарованія Клеопатры Ивановны? Впрочемъ, вы, вѣдь, кажется, старые друзья...

Дамы многозначительно посмотрѣли другъ на друга.

Снова зашикали, и въ залѣ началось пѣніе. Красивый, сочный контральто загрузилъ давно знакомой печалью:

Западъ гаснѣтъ въ дали блѣдно-розовой....

Званковъ оторвался отъ шахматнаго стола и восторженно прошепталъ, растягивая полуоткрытый ротъ до ушей, словно это онъ посылалъ изъ залы чувствительные звуки:

— Поетъ-то, поетъ-то какъ, Господи! Ахъ, ты... по совѣсти говоря...

Молоденькій студентъ, воспользовавшись затишьемъ, приблизился къ Вяльцеву:

— Дмитрій Павловичъ, нашъ кружокъ просить васъ притти завтра. Онъ не согласенъ съ основнымъ тезисомъ вашего доклада и считаетъ его безсильнымъ непротивленствомъ. Но коллеги хотѣли бы потолковать съ вами о частныхъ вопросахъ. Я лично готовъ васъ поддерживать. Повѣрьте, готовъ...

Онъ говорилъ еле слышнымъ шопотомъ, но въ голосѣ чувствовалась волнующая дрожь.

— Можетъ быть, ячейка и создастся...

Вяльцевъ ласково пожалъ ему руку.

— Хорошо, я приду.

Пѣвица допѣла. Похлопали. Снова раскрылись двери, и въ переднюю ввалилась публика курить и отдыхать отъ концерта.

Къ Вяльцеву подошла Клеопатра Ивановна.

— Что, ваши дамы вамъ измѣнили? — спросила она, кокетливо улыбаясь и указывая на дамъ въ шляпкахъ, которыхъ окружили мужчины. — Такъ всегда бываетъ съ тѣми, кто зѣваетъ. А теперь ѣдемъ!

Вяльцевъ въ нерѣшительности переступилъ съ ноги на ногу.

— Да я, Клеопатра Ивановна, собственно, хотѣлъ...

Она перебила его:

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, чего ты — она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ — хотѣлъ. Я знаю, чего

я — она указала пальцемъ на грудь — я, Клеопатра Ивановна, хочу. Гдѣ твоя шляпа?

— Утащила птенчика, — услышали они за собой, пробираясь къ выходу.

— Кто этотъ Вяльцевъ? спрашивалъ Синицынъ у маленькой толстушки украинскаго типа, съ выпущенными на щеки локонами и папироской въ пухлой рукѣ съ оттопыреннымъ мизинцемъ.

— Ахъ, не знаю, — кокетливо отвѣчала дама, — я никогда не обращаю вниманія на мужчинъ, у которыхъ такъ мало вкуса, что они могутъ ухаживать за дамами вроде Клеопатры Ивановны.

— Чѣмъ же она вамъ не нравится? — насмѣшливо, играя глазами, спросилъ Синицынъ.

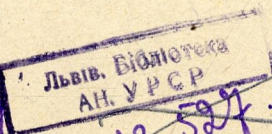
Дама сдѣлала презрительную гримаску.

— Ахъ, не представляйтесь такимъ наивнымъ! Хотите знать что-нибудь о женщинѣ, посмотрите, съ кѣмъ она... Около нея все какіе-то подозрительные...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ? Ну, этотъ Нордманъ... Нравится онъ вамъ? Говорили про него, что онъ сумку съ деньгами въ вагонѣ нашель... а это вздоръ... чистый вздоръ: ну кто въ вагонѣ сумку съ деньгами забудетъ? Я про него другое узнала, совсѣмъ другое... только могу по секрету сказать... — Она остановилась оглядывая сосѣдей, и прибавила шопотом:

— Просто у богатой старухи на содержаніи, а самъ отъ скуки къ этой Клеопатрѣ бѣгаетъ... Ну, да онъ у нея не одинъ... Этотъ Азбелевъ — знаете? Говорятъ, на польскомъ фронтѣ столько людей перебилъ — страсть! Сначала большевиковъ, потомъ своихъ, ни за что, ни про что! Каждый мѣсяць, говорятъ, по человѣку... Какъ его сюда пустили! И того этой дамочкѣ мало: теперь вотъ этотъ Вяльцевъ...

Синицынъ закурилъ папиросу. Улыбка сбѣжала съ его лица.

— Знаете что, — сказалъ онъ, слегка наклоняясь, — мнѣ этотъ Вяльцевъ тоже подозрителенъ.

А самъ ласковымъ, соблазняющимъ взглядомъ впивался въ ея синіе, манившіе его глаза, думая: «а что, если?..»

Дама подняла брови, изобразивъ крайнее изумленіе:

— «Подозрителенъ»? Какъ вы наивны! Онъ просто агентъ, скверный агентъ какой-нибудь скверной державы.

И улыбнулась, а глаза сказали увѣренно:

— Ну, конечно, если позовешь, буду твоя...

— Вы пойдете ужинать? — спросилъ онъ, нервно дрогнувъ кончикомъ рта и опуская глаза.

— Не знаю, — небрежно протянула дама и тоже опустила глаза: — если куда-нибудь зайду, такъ въ такую «каварну», чтобы не было русскихъ.

— Тогда пойдемте вмѣстѣ, и вы расскажете мнѣ о Вяльцевѣ все, что вы знаете...

Въ это время молодой человѣкъ, игравшій роль распорядителя, захлопалъ въ ладоши и объявилъ, что беллетристъ Снѣгурочкинъ прочтетъ начало своей новой повѣсти. Это было сигналомъ повального бѣгства. Въ залу вошло нѣсколько человѣкъ, и то большею частью чеховъ, не желавшихъ забыть русскую рѣчь. Гости стали расходиться.

II

— Ты не отодвигайся отъ меня, слышишь? Я не чума какая-нибудь... — говорила Клеопатра Ивановна, усаживаясь около Вяльцева на диванъ.

— Я не отодвигаюсь, Клеопатра Ивановна, а только... не нужно все это.

— Знаешь, что я тебѣ скажу? Нѣтъ, я тебѣ ничего не скажу, потому что ты философъ, а ужъ извѣстно, что философы за умомъ далеко въ городъ посылаютъ...

Вяльцевъ смущенно улыбался, стараясь глядѣть на занавѣску, которой прикрыта была посуда на полкѣ. На столѣ стояло вино, сыръ, холодное мясо. На другомъ столѣ, у постели, красовался большой букетъ. Нѣсколько кардонокъ изъ модныхъ магазиновъ, еще не разобранныхъ, занимали видную часть угла между окномъ и кроватью. У печки на полу лежалъ старенькій чемоданъ.

— Вы уѣзжаете? — спросилъ Вяльцевъ.

Клеопатра Ивановна улыбнулась.

— Можетъ — ѣду, можетъ — нѣтъ... не все ли тебѣ равно? Вѣдь ты меня не любишь? Не отвѣчай, не говори ни слова, пока не выпьешь вина.

Она охватила его за шею одной рукой, а другой поднесла стаканъ къ его губамъ.

— Пей, пей, мой дурашка... Ну, а теперь повернись ко мнѣ. Нечего опускать глаза... Помнишь, какъ тогда... въ соловьиной рощѣ? Кто первый поцѣловалъ, а?

— То было другое дѣло... молоды мы были.

Клеопатра Ивановна тряхнула волной подстриженныхъ волосъ.

— Вздоръ, теперь лучше, чѣмъ тогда было. Теперь мы — вольныя птицы. Что вздумаемъ, то и сдѣлаемъ. А что до молодости — такъ никогда еще я такъ молода не была, какъ теперь. Вонъ у таракана спроси — вишь, какъ усищами на тебя моргаетъ...

И смѣясь, не снимая руки съ шеи Вяльцева, она указывала на усача, застывшего на стѣнѣ у печки.

— Видите ли, Клеопатра Ивановна, — началъ было Вяльцевъ, но она ударила его пальцами по губамъ:

— Не «видите ли», а видишь ли, и не «Клеопатра Ивановна», а Клео... какъ тогда — помнишь?

Вяльцевъ засмѣялся и махнулъ рукой.

— Ну, пусть по-твоему, будемъ снова на «ты»... Ты говоришь — молоды, пока душа молода... Вотъ еето, душу, и надо беречь для молодости и чистоты.

Клеопатра Ивановна вопросительно посмотрѣла на него, подумала и усмѣхнулась.

— Что же и сбережетъ душу лучше, чѣмъ любовь? И на что мнѣ душа, если я никого не люблю?

Отъ вина и близости женщины забилося сердце у Вяльцева. Давно не испытывалъ онъ женской нѣжности, и теперь чувствовалъ, что ему становилось и хорошо и тревожно, мутнѣло и теплѣло на сердцѣ и въ мысляхъ. Однако, онъ не сдавался, хотя и не замѣчалъ, какъ рука его сама собой нѣжно ползла вокругъ стана Клеопатры Ивановны, ощущая ее упругое, сильное тѣло.

— Любовь разная бываетъ, — замѣтилъ онъ.

— Всегда одна, если это только любовь... Вотъ та, которая сейчасъ, въ данную минуту, горячитъ наше воображеніе и нервы. Выпьемъ же за любовь!

Онъ жестомъ остановилъ ее руку со стаканомъ.

— Нѣтъ, погоди... Любовь, о которой ты говоришь, — минутная любовь. А завтра...

Она засмѣялась:

— А кто училъ меня, что для философа нѣтъ ни вчера, ни завтра?

— Но позволь...

— Не позволю! И что такое «завтра» для бѣженца? Сегодня здѣсь, а завтра — Богъ знаетъ гдѣ. Итакъ, Митя, отпразднуемъ настоящее, вотъ эту минуту, когда я вижу тебя и люблю тебя, или, если и не люблю, такъ думаю, что люблю... вѣдь ты одинъ здѣсь изъ всѣхъ, кого я знаю, чистый и честный, стоящій моей любви!

Они чокнулись и выпили. Потомъ она притянула къ себѣ его красивую голову и поцѣловала. Онъ отвѣтилъ.

— Ты думаешь, Митя, что я люблю тебя отъ женской похоти или — она засмѣялась — съ голодухи? Ни-ни-ни! Народу за мной волочитъ тьма. И еще какіе! Да всѣ они для меня — соръ, шелуха... Съ ними свяжешься — въ грязи выкупаешься... Не оттого я тебя позвала. Отъ тоски моей, отъ горя сердце къ тебѣ повернулось, однимъ твоимъ взглядомъ ты снялъ съ меня всю грязь, всю мерзость, что налипла на мнѣ за эти годы одинокихъ скитаній, и стала я сама для себя такою, какою ты зналъ меня у насъ, въ нашей родной Сибири... Вотъ и сейчасъ, нѣтъ у меня ни прошлаго, ни дѣтей, ни этой мерзости — она обвела глазами комнату и остановилась на кардонкахъ — ни... ни... того, что будетъ завтра...

— А что будетъ завтра?

— Не знаю... не скажу... все равно! Пей, цѣлуй, люби меня!... Вотъ такъ! еще, еще....

У Вьяцева застлало глаза. Ему показалось, что свѣтъ погасъ въ комнатѣ, что темная и слѣпая сила толкнула его въ бездну. Тысячи молній прожгли мозгъ и бросили тѣло въ мятежное море забвенія и страсти.

Исчезло все, что тихо лежало въ душѣ,—воспоминанія, трезвые чувства и мысли. Крикъ страсти, властной и кипучей, вырвался изъ давно застывшихъ глу-

бинъ и залилъ сознаніе яркостью счастья. Словно лазурная зыбь ласкала и нѣжила душу, мучила и пѣствовала, озаряла на взлетахъ и бросала въ долину забвенья. Искры вскипали въ крови, страсть одна говорила, и пѣла, и плакала, и смѣялась надъ жизнью, и терзала, и лелѣяла, какъ пьяная, горячая волна... Вотъ взметнулась высоко-высоко, сверкнула на солнцѣ... и пала, и разметалась въ истомѣ восторга и нѣги... Надыхавшись и бурей и солнцемъ, рванулась къ утесу и покорно легла у подножья, исходя мягкой лаской и пѣной...

И много ли минутъ пробѣжало съ тѣхъ поръ, какъ глаза Вяльцева затянуло туманомъ, кто ихъ знаетъ! — и стоило ли считать ихъ, эти жалкія минуты! И когда угаръ страсти разсѣялся, и глаза снова стали различать предметы, онъ разглядѣлъ, что Клеопатра Ивановна смотрѣла на него не прежнимъ мутнымъ, бѣшенымъ отъ желанія взоромъ, но умиленно и грустно. Тихая и кроткая, она точно нѣжила его напряженной и ласковой думой. Рѣсницы чуть замѣтно вздрагивали, губы шевелились...

Она глубоко вздохнула, провела рукой по его лицу, отодвинулась и произнесла неопредѣленно:

— Да, да...

Хотѣла еще что-то сказать — и не сказала. Потянула платокъ на плечи и прошлась по комнатѣ. Еще вздохнула и снова сѣла.

Вяльцевъ съ трудомъ приходилъ въ себя. Пышный букетъ красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ обозначился ярко и заигралъ передъ нимъ пятнами чуждаго, зловѣщаго лика. Еще сознаніе боролось съ любовной истомой, и не хотѣлось отвѣчать на мелькавшій вопросъ:

«Откуда этотъ... недобрый... невѣрный букетъ?»

Кто подарилъ ей эти... общающіе мракъ, лживые цвѣты?»

— Да, да, — повторяла Клеопатра Ивановна, прижимая свои тонкіе пальцы къ вискамъ.

Хрипѣли часы въ сосѣдней комнатѣ. Вернулась полная ясность, а съ нею и время, и воспоминанія, и заботы. Но ясности еще не хотѣлось. Жадными глотками пилъ Вяльцевъ вино и теперь уже самъ, повинаясь внутреннему побужденію, говорилъ нѣжныя слова, глядя волнистую, стриженую голову, лежавшую у него на плечѣ:

— И будемъ мы жить съ тобой душа въ душу... по-христіански. Хочешь — повѣнчаемся, хочешь — такъ... Но чтобы вмѣстѣ, все вмѣстѣ — до гробовой доски...

Она поймала и поцѣловала его руку.

— Милый мой... милый...

— Конечно, Клео, у меня ничего нѣтъ, но я умѣю работать... Я найду работу. Ты не думай, что я такой... абстрактный...

Она блаженно улыбалась.

— Мальчикъ ты мой ненаглядный...

Гладила свою голову его рукой.

— Я и дѣтей твоихъ воспитаю... когда они постарше будутъ... Теперь они у тебя въ школѣ? Пусть поучатся. А мы съ тобой по свѣту побродимъ, божьей правды поищемъ...

Клеопатра Ивановна поднялась съ плеча Вяльцева, тряхнула волосами и, опершись голымъ локтемъ о столъ, строго, словно и не пила и не ласкалась, взглянула ему въ глаза.

— Нѣтъ, Дмитрій Павловичъ, за божьей правдой пойдете вы одинъ. Тутъ я вамъ не попутчица. Я, Дми-

трій Павловичъ, иначе, какъ во второмъ классѣ скорого поѣзда, и въ рай не поѣду.

Она рѣзко поднялась и отошла на середину комнаты, потягиваясь, словно приходила въ себя послѣ долгаго сладкаго сна.

Вяльцевъ смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами. Шутить она? Смѣется? Вотъ — думалось ему — подойдетъ сейчасъ, обойметъ... горячая, трепещущая, прижметъ къ нему, и онъ снова услышитъ музыку ея ласкающихъ, тающихъ словъ. Но она нервно, ломая пальцы, прошла по комнатѣ, отпила у печки воды изъ чайника и остановилась у стола напротивъ.

— Ты не сердись, Митя, я не со зла бѣшенная, а съ горя. Ты — мой миражъ, моя мечта, вспыхнулъ на минуту, какъ спичка, и погасъ. Ты правъ: каждому на роду написано, чему и какъ быть... Тебѣ за божьей правдой гоняться, а мнѣ домашняго покоя и мужа по сердцу искать. Ни ты, ни я, вѣроятно, не найдемъ того, чего ищемъ.

Вяльцевъ вздрогнулъ отъ внутренняго холода.

— Постой, Клео, — сказалъ онъ, протирая глаза, стараясь привести въ ясность свои мысли: — постой, тутъ что-то не такъ... Я плохо выразился: *наша* — онъ подчеркнулъ это слово — божья правда всегда останется съ нами, и я не о нашей съ тобой правдѣ говорилъ... Міръ не нами держится, и мы безъ чело-вѣчества ничто... а наша съ тобой правда — чистая и ясная, въ нашихъ сердцахъ, она здѣсь — въ этой комнатѣ, съ нами. Скажемъ, что отнынѣ нашъ союзъ ненарушимъ — и все тутъ, вотъ она и правда!

Клеопатра Ивановна медленно обошла столъ, приблизила свое лицо къ смущенному, растроганному лицу Вяльцева, долго глядѣла, какъ слезинка за сле-

зинкой скатывалась у него по щекѣ, потомъ поцѣловала въ лобъ медленнымъ, холоднымъ поцѣлуемъ.

— Праведникъ ты мой, праведникъ! А я — грѣшница...

И, усмѣхнувшись, спросила:

— А можетъ ли твоя божья правда завтра мои счета оплатить? Если оплатить, я — твоя, твоя безраздѣльно, навсегда! Клянусь, мнѣ другого не надо. Сошьетъ ли она платица дѣтямъ, заплатитъ ли за квартиру, дастъ ли мнѣ покой и уютъ домашней жизни?

Вяльцевъ опустилъ голову.

— Богъ поможетъ, — упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— У Бога есть кому помогать и безъ меня, я же грѣшница, повторяю тебѣ.

Вяльцевъ чувствовалъ, что тупѣетъ, и безуспѣшно искалъ выхода изъ того положенія, въ которомъ оказался. Онъ испытывалъ не то стыдъ, не то досаду и на себя и на эту женщину, его соблазнившую.

— Да, — сказалъ онъ тихо, — я все понимаю, все понимаю, повѣрь мнѣ... И этотъ букетъ... Я молчу, молчу... Но я думалъ, что послѣ того, что случилось...

— А что такое случилось, мой милый?

И, подойдя къ нему близко, сдѣлала вопросительное и наивное лицо, съ глазами дѣтски-невинными, безъ улыбки, безъ намека на мысль:

— Что случилось? Я ничего не помню...

И вдругъ, бѣшено охвативъ его шею руками, впила въ губы такимъ острымъ и жгучимъ поцѣлуемъ, что у него снова все замутилось въ головѣ, и мысли, какъ сухой песокъ, посыпались въ какую-то бездну.

— Милый и глупый, — страстно шептала она, отрываясь отъ его губъ, — любимый, незабвенный...

Больше всего глупый... Ничего не было между нами... А что и было — забыто, вмѣстѣ забыто, поняль?

Въ глазахъ была страсть и тоска, тоска, которая разступалась передъ страстью. Высоко вздымалась грудь. Губы, покраснѣвшія и дрожавшія, еще томились жаждой поцѣлуя. Не справляясь съ собой, она въ изнеможеніи опустилась на стулъ:

— Не могу... Уходи теперь... уходи сейчасъ... не говори больше ничего...

— Клео, одно слово... — почти простоналъ Вяльцевъ.

— Ни одного!.. Уходи, не то — я за себя не ручаюсь... И обоимъ намъ будетъ плохо... — пожалѣй меня... До завтра. Нѣтъ, не до завтра, до послѣзавтра... Завтра не приходи.

И, когда, ничего не понимая, съ жуткимъ чувствомъ боли и жалости къ себѣ и къ этой женщинѣ, онъ пробирался по темному коридору, она еще разъ, передъ тѣмъ, какъ закрыть дверь, быстро обняла его и поцѣловала.

— Любимый... не забуду тебя!..

Губы ея были холодны, какъ ледъ.

Вяльцевъ не помнилъ, какъ онъ шелъ по свѣтавшимъ улицамъ и какъ добрался до дому.

III

Вяльцевъ съ трудомъ разыскалъ студента Немѣшаева въ домикъ огородника, на окраинѣ города. За домикомъ, прилѣпившимся къ косогору, разстилались поля, огороды, вѣяло просторомъ и душистымъ запахомъ травъ. Направо внизъ уходила лощина, крившая широкой, темной линіей рѣку; только вдали, почти на горизонтѣ, рѣка дѣлала дугу, открывалась и ослѣпительно

сверкала на солнцѣ. День выдался на рѣдкость хорошій, теплый и яркій — такихъ дней было немного въ то непогодливое лѣто. «Боже, какъ здѣсь хорошо!» — думаль Вяльцевъ, охваченный просторомъ и знойнымъ весельемъ яркаго дня. Прага, съ ея копотью и шумомъ, осталась за горой и представлялась такой далекой. И все то же, что тамъ, въ этой прекрасной и странной Россіи, которой, казалось ему, онъ не увидить никогда. И то же блѣдное, прозрачно-лазурное небо, и тотъ же жаворонокъ, беззаботно бросающій живое серебро своей пѣсни на землю, и та же зелень тыковъ на плетняхъ, и та же сирень и звенящія пчелы. Все то же... «И люди вездѣ все тѣ же — тѣ, что трудятся, — думаль онъ, — все тѣ же на всемъ земномъ шарѣ... Различія начинаются тамъ, гдѣ начинается праздность. Какъ научить людей этой простой истинѣ?»

Когда по каменнымъ ступенькамъ домика, уходившаго въ землю, онъ спускался въ небольшую комнату, которую занималь Немѣшаевъ, ему показалось, что онъ попалъ въ подвалъ овощной лавки. Его обдалъ запахъ грибной плѣсени, моркови, какихъ-то сухихъ травъ. Послѣ яркаго свѣта комната показалась ему темной — небольшое окно, выходившее вровень съ землей на сѣверную сторону, скупо струило свѣтъ. Онъ прищурился, отыскивая хозяина, и услыхаль голосъ Немѣшаева, нѣсколько хриплый, но бодрый, почти веселый:

— Сюда, сюда пожалуйте. Вотъ здѣсь найдемъ вамъ мѣсто.

Вяльцевъ скоро привыкъ къ темнотѣ и къ запаху. Ему даже стала нравиться эта обстановка: узенькая дощатая кровать у одной стѣны, у окна на «козлахъ» три доски, изображавшія столъ, въ углу, у двери, на обрубкѣ дерева жестяной тазъ съ ковшомъ.

На столѣ нѣсколько книгъ, по стѣнамъ на гвоздяхъ — пальто, пиджакъ, фуражки. Только голосъ и лихорадочный взглядъ Немѣшаева не понравились ему — ихъ онъ не замѣтилъ при первомъ свиданіи. «Здѣсь впору жить только здоровому», — подумалъ онъ.

— Не сыро ли у васъ? — спросилъ онъ, усѣвшись на какомъ-то подобіи табурета, приставленномъ къ стѣнѣ.

— Нѣтъ, ничего: хуже живутъ, — улыбнулся Немѣшаевъ. — Хозяева у меня чудесные люди, на зиму печурку ставятъ.

— Вы бы на воздухъ вышли! Вонъ какая благодать...

— Да я все утро на воздухѣ былъ, у хозяевъ на огородѣ работалъ. Руки у меня, поглядите — что у заправскаго землероба...

Его широкое некрасивое лицо играло добротой и весельемъ. Онъ и кашлялъ какъ-то бодро, и лихорадочные глаза блестѣли не столько болѣзною, сколько вѣрой въ какую-то ясность, въ тихую благость жизни. Бѣлокурые волосы кудрявились ласково, шея и нижняя часть лица загорѣли. Онъ былъ въ ситцевой рубахѣ и старыхъ продранныхъ сапогахъ.

— Я поджидаю только товарища. Онъ рефератъ готовить, такъ я ему кое-какія книжки подобралъ.

— По какому предмету?

— По философіи. Этотъ предметъ въ Прагѣ прекрасно представленъ. У насъ довольно большой кружокъ, работаемъ много и дружно.

— И въ этихъ занятіяхъ то настоящее, о чемъ мы говорили съ вами?

Немѣшаевъ отвѣтилъ не сразу. Онъ взялъ книгу,

перелисталъ ее, не читая, и потомъ сказалъ все такъ же тихо и бодро, улыбаясь:

— Нѣтъ, Дмитрій Павловичъ, настоящаго изъ души не вынимаютъ. Тамъ, въ философскихъ занятіяхъ, только лѣсенка на высоту, откуда міръ шире кажется.

— Да, это такъ.

Оба помолчали. Немѣшаевъ продолжалъ перелистывать книгу. Вьяльцевъ взялъ другую и, поднеся ее къ окну, увидѣлъ, что то былъ какой-то комментарий къ ученію Толстого о христіанствѣ. Комментарии всегда казались ему букашками, ползающими по тѣлу гиганта, но теперь онъ подумалъ, что по отношенію къ Христу и самъ Толстой былъ еще меньшей букашкой. Ему казалось, что Христосъ у Толстого — очень умный человѣкъ, но не живой, не воскресшій.

Немѣшаевъ словно угадалъ его мысль. Онъ положилъ книжку, которую держалъ въ рукахъ, и сказалъ, не переставая улыбаться:

— Я вспоминаю слова вашего знакомаго, того, кто такъ удивительно игралъ на вечеринкѣ: нельзя комментировать музыку, но музыкой можно комментировать мысль. И мнѣ кажется, что нельзя. Точно такъ же нельзя брать евангелія умомъ, надо брать его тѣмъ же чувствомъ, что и музыку, только настроеннымъ еще выше. Вы какъ думаете?

— И я думаю, что нельзя.

— А для того, чтобы представить историческую обстановку, комментарий нуженъ.

— Да, историческій комментарий всетаки нуженъ...

— И такъ на всѣхъ путяхъ нашей науки, особенно той, что имѣетъ дѣло и соприкасается съ фило-

софіей: что неясно и постигается интуиціей, то ясно для постигшаго и безъ комментарія. Тотъ, кто овладѣтъ только комментариемъ, будетъ читать ноты, не слыша звуковъ. Вотъ и выходитъ: и нужно и не нужно...

Онъ засмѣялся беззвучно, растягивая свои длинныя, тонкія губы. За нимъ разсмѣялся и Вяльцевъ. Ему было легко съ Немѣшаевымъ. Онъ чувствовалъ въ немъ простого, открытаго и безконечно добраго человѣка.

— Да, — повторилъ онъ за нимъ, — и нужно и не нужно. Тропа идетъ въ темнотѣ. Чувствомъ отринешь, умомъ подбирай, умомъ отринешь, чувство подберетъ...

Немѣшаевъ понялъ:

— Пожалуй...

Потомъ онъ пересталъ смѣяться и серьезно, насколько ему позволяли его горячіе и улыбающіеся глаза, уставился на Вяльцева.

— Дмитрій Павловичъ!

— Что, дорогой мой?

— Я все хотѣлъ васъ спросить: какъ и зачѣмъ вы перестали быть русскимъ?

— Я не переставалъ. Я ни отъ чего не отказывался. Я только преодолѣлъ въ себѣ національную идею во имя другой, безконечно большей...

— А вѣдь это, быть можетъ, нехорошо...

— Даже навѣрно нехорошо, но я не могу итти противъ себя. Я много думалъ объ этомъ, сидя въ тюрьмѣ...

— Значить, страданіе повліяло на васъ, и большевики вытравили любовь къ родинѣ?...

Вяльцевъ покачалъ головой. Глаза стали грустными, Немѣшаеву показалось — лучистыми.

— О, нѣтъ, не страданія. Страданія очищаютъ душу. Это давно и вѣрно сказано. А большевики? Что-жъ, и среди нихъ я встрѣчалъ прекрасныхъ и по-своему честно убѣжденныхъ людей. Да я, впрочемъ, съ ними не считался... Я былъ самъ въ себѣ...

— An sich und für sich, — снова засмѣялся Немѣшаевъ.

— Приблизительно. Я думалъ: что значило для меня быть русскимъ? Добывать хлѣбъ насущный — этого для меня мало. Отрицая зло, творить его по чужой волѣ, на той или другой службѣ? Защищать границы, которыя я принципиально отвергаю?

— Слиться съ народомъ, — вставилъ Немѣшаевъ.

— Что это значить? Жить съ двумя-тремя десятками загнанныхъ, темныхъ и грубыхъ тружениковъ, которые васъ не понимаютъ и въ непониманіи презираютъ? Для насъ, вкусившихъ чувства истины изъ премудрости человѣческой и божеской, это невозможно. Развѣ народолубіе интеллигенціи не кончилось крахомъ? Вѣдь поймите: не мы должны итти къ народу, а онъ къ намъ, а на это уйдутъ вѣка...

— А я не могу такъ, — сказалъ Немѣшаевъ, разглядывая свои загорѣлыя, мозолистыя руки: — мнѣ съ народомъ легко. За работой сходимся. Не говоримъ, а понимаемъ и чувствуемъ одно. Тутъ и у него учишься и его учишь...

— Да, вы нашли, чего у меня нѣтъ, — сказалъ Вьяльцевъ и подумалъ: «какой изъ него чудный учитель выйдетъ!»

Немѣшаевъ отпилъ воды изъ кружки и возобновилъ прерванный разговоръ.

— Простите, я васъ перебилъ. Вы не кончили о себѣ. Продолжайте, пожалуйста. Я только, чтобы не

забыть, сейчасъ скажу вамъ, что и я васъ понимаю, только ваше преодоленіе никогда не будетъ мнѣ по силамъ.

— А если васъ на войну позовутъ?

— И на войну пойду. Ничего. Гдѣ народъ, тамъ и я.

Вяльцевъ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Вамъ дадутъ винтовку и прикажутъ стрѣлять... Вы будете стрѣлять?

— Да вѣдь это же будетъ врагъ моей родины!

— У мыслителя нѣтъ враговъ, кромѣ невѣждъ и глупцовъ.

Немѣшаевъ пересталъ улыбаться. Выраженіе лица сдѣлалось напряженнымъ и сосредоточеннымъ. Только глаза горѣли прежнимъ лихорадочнымъ блескомъ.

— Да, здѣсь есть что-то, чего я въ настоящемъ своемъ положеніи разрѣшить не могу. А когда придется рѣшать, буду рѣшать чувствомъ, какъ мы съ вами говорили... Куда вы направляетесь изъ Праги?

— Я общалъ моимъ друзьямъ въ Россіи побывать въ Лигѣ Націй и узнать, дѣйствительно можно ли ждать чего-нибудь отъ этого учрежденія для людей, которые ищутъ права и мира. Въ Россіи говорятъ разное. Печать, по обыкновенію, или замалчиваетъ или лжетъ...

— А потомъ?

— Потомъ или въ горы куда-нибудь, или въ пустыню, вѣроятнѣе всего — въ Африку. Тамъ я буду ближе къ своему «я», а то оно — онъ улыбнулся при этихъ словахъ — засоряется и пылится у васъ въ городахъ.

— А потомъ? — допытывался Немѣшаевъ.

— Потомъ — не знаю. Пустыня скажетъ...

Наступило молчаніе словъ, но не мыслей.

Сердце Немѣшаева сильно билось. Онъ то улыбался, то хмуриль свои свѣтлыя брови, видимо — хотѣль что-то сказать, да выраженіе сразу не шло на языкъ. Наконецъ онъ справился съ охватившимъ его волненіемъ.

— Дмитрій Павловичъ, — заговорилъ онъ медленно, — во всемъ, что вы говорите, есть какая-то страшная правда. Но вѣдь *правда* есть и въ томъ огромномъ комкѣ понятій, что мы называемъ родиной. Кто васъ освободилъ отъ этой правды?

Минутное раздумье прошло по лицу Вяльцева. Потомъ онъ спокойно отвѣтилъ:

— Человѣкъ знаетъ или, вѣрнѣе, долженъ знать лишь одну правду. И ту часто нести ему не по силамъ. Моя правда—то «я», передъ которымъ я долженъ быть безукоризненно чистъ и честенъ. Кромѣ него не знаю иныхъ обязанностей и путь. И потомъ — почему вы думаете, что въ горахъ или въ пустынѣ я буду жить одиноко, какъ шакаль? Ко мнѣ придутъ и другіе, мыслящіе такъ же, какъ я. Но то должны быть люди, а не русскіе, нѣмцы, евреи.

— И когда васъ будетъ много, вы оснуете монастырь?

— Можетъ быть, и монастырь...

— Или даже религіозное сообщество, можетъ быть — орденъ?

— Можетъ быть, и орденъ... Не знаю. Создастся то, что подскажетъ разумъ и чувство.

— И начнется эволюція и обычный историческій кругъ?

— Пусть себѣ и кругъ! Пусть себѣ и историческій. Все вѣдь идетъ кругами. И земля кругла, и сводъ небес-

ный — какъ онъ представляется глазу. И мы всѣ во власти круга. Ничего не подѣлаешь...

Снова оба смѣялись, ласково поглядывая другъ на друга.

Вяльцевъ собирался уже проститься, чтобы итти, когда раздался рѣзкій стукъ въ дверь, и въ комнату вошелъ высокій, стройный молодой человѣкъ въ черной рабочей блузѣ и длинныхъ сапогахъ. По тому, какъ онъ вошелъ и поздоровался, съ любопытствомъ и подозрительно покосившись на Вяльцева, было видно, что это — бывший военный. Онъ держался прямо, въ движеніяхъ былъ увѣренъ, какъ человѣкъ, прошедшій хорошую школу гимнастики и спорта. Худое, блѣдное лицо со строгимъ, нѣсколько сухимъ выраженіемъ черныхъ, слегка безпокойныхъ глазъ говорили о внутренней выдержкѣ, умѣ и волѣ.

— Коллега, я возвращаю вамъ книги, — сказалъ онъ, ища мѣста, куда бы положить пакетъ. — Мнѣ надобно довольно спѣшно на нѣкоторое время уѣхать изъ Праги.

Немѣшаевъ не выразилъ особаго удивленія.

— Да?.. Ну, ладно, очередной рефератъ прочтеть тогда Локтевъ... Вы въ Парижъ?

Вошедшій покосился на Вяльцева.

— Можете говорить, — успокоилъ его Немѣшаевъ. — Позвольте васъ познакомиться: Вяльцевъ, Дмитрій Павловичъ — коллега Второвъ.

Пожали руки. Взглянули другъ на друга.

— Нѣтъ, я не въ Парижъ. Въ другую сторону... на востокъ...

— А... значить, по нашимъ студенческимъ дѣламъ придется выбрать другого представителя?

— Придется...

Наступило минутное молчаніе.

— Тамъ... у меня на квартирѣ,—сказаль Второвъ,
— я оставлю кое-что, чего не удастся взять съ собою.
Такъ распорядитесь — распределите среди коллегъ,
какъ знаете... кому побѣднѣе.

— Ладно.

— Затѣмъ прощайте.

— Прощайте.

Второвъ ушелъ, какъ вошелъ — рѣшительно и
быстро.

Всталъ и Вяльцевъ. Немѣшаевъ пошелъ проводить
его. Пріятная теплота лѣтняго, уже вечерѣвшаго дня
охватила Вяльцева, когда они вышли изъ подвала. На
приступкѣ у крыльца сидѣла старуха и что-то растира-
ла въ мискѣ. Она привѣтливо поздоровалась и спросила,
не хотятъ ли «молодые господа» кофе со свѣжимъ хлѣ-
бомъ. Вяльцевъ отказался. Они вышли за ворота, и сно-
ва просторъ полей и неба наполнилъ душу Вяльцева
радостью жизни.

— Скажите, — заговорилъ онъ, — вашъ това-
рищъ — вотъ тотъ, что былъ у васъ, — вѣроятно боль-
ше занятъ политикой, чѣмъ наукой?

— У него на все времени хватаетъ. Это человѣкъ
необыкновенно дѣятельный, ни минуты не пропадаетъ у
него даромъ. И лекцій не пропускаетъ, и уроки даетъ,
и въ газетахъ пишетъ. Впрочемъ, въ послѣднее время
онъ что-то отъ всего отошелъ, говорятъ — занялся хи-
міей и, видите, куда-то ѣдетъ...

«Новая жертва!» — подумаль Вяльцевъ и вспом-
нилъ Азбелева: «горячее сердце, пылкій, самоотвержен-
ный умъ — не болѣе, какъ микробъ, — лопнетъ — и
нѣтъ ничего»...

И какимъ-то непонятнымъ протестомъ вспыхнуло
его сердце, когда онъ глянулъ на луга и нивы, раскинув-
шіеся по холмамъ. «Господи, сколько простора для

жизни, если научить людей, какъ жить, а не сажать ихъ въ неволю государствъ и границъ! А они»...

Не кончивъ мысли, махнулъ рукой и зашагалъ бы-стрѣе.

IV

Вяльцевъ не ошибся, связавъ въ одномъ представленіи Азбелева и Второва. Азбелевъ выискалъ его и сдѣлалъ изъ юноши, какъ говорилъ Вяльцевъ, свою жертву. Въ этотъ же вечеръ они долго и серьезно говорили о дѣлѣ, ради котораго Второвъ долженъ былъ, въ качествѣ представителя торговой фирмы, съ купленнымъ паспортомъ ѣхать въ Москву. Паспортъ былъ добытъ въ Берлинѣ. Второвъ говорилъ по-нѣмецки такъ, что его никто не отличилъ бы отъ нѣмца, и съ внѣшней стороны все, казалось, обстояло благополучно. Но оба понимали смертельную опасность этой поѣздки, и оба не говорили ни объ опасности, ни о смерти. Въ сущности смерть ожидала Второва и при удачѣ и при неудачѣ предпріятія, потому что то, зачѣмъ онъ ѣхалъ, было чистымъ безуміемъ. Но попутно предстояло установить «связь» и, если окажется возможнымъ, свидѣться съ однимъ изъ командировъ красной арміи. На случай, если бы пришлось попасть въ лапы чекистовъ, подъ рукой была горошинка съ ядомъ: моментальное дѣйствіе его было испытано Азбелевымъ не на однѣхъ собакахъ... Не говорили они и о главномъ, что ихъ связало: о томъ, что слѣдовало создавать не партіи стараго типа, на три четверти состоявшія изъ всякаго хлама, но союзы «личностей» съ желѣзной волей и презрѣніемъ къ смерти. Оба они рѣшили, что русская революція сошла со своего историческаго и національнаго пути. Вслѣдствіе этого она выдвинула на первый планъ мелкихъ и жал-

кихъ людишекъ изъ интернаціональнаго сброда, которые еще болѣе закрѣпостили народъ и стали избивать людей, готовившихъ органическую, свою, русскую революцію. За годы пребыванія за границей Азбелевъ многое перечиталъ, передумалъ. Большевики, съ его точки зрѣнія, были безсильны и бездарны что-либо создать въ быту и культурѣ, что отвѣчало бы національнымъ потребностямъ народностей, населявшихъ Россію, — они должны были убраться съ капитанской рубки въ трюмъ — учить негровъ дѣлать табакъ поровну. Азбелевъ давно слѣдилъ за двуликой англійской политикой, какъ она одной рукой помогала противобольшевицкимъ организаціямъ окружающимъ Россію государствамъ, чтобы въ нужный моментъ задушить совѣтскую власть чужими руками. Онъ вѣрилъ пока еще одной Франціи. Тамъ онъ подолгу жила въ прежніе годы, и сохранилъ много знакомствъ и связей въ разныхъ кругахъ общества. И теперь, закончивъ дѣла, которые привели его въ Прагу, собирался уѣхать въ Парижъ, оттуда, можетъ быть, — въ Англію. Въ общемъ же ясной программы у него не было. Онъ не зналъ даже, остался ли онъ монархистомъ послѣ пережитыхъ за династію оскорбленій, не сдѣлался ли республиканцемъ по духу. Въ одномъ былъ убѣжденъ: надо было вернуть Россію русскимъ, сдѣлать ее сильной, а затѣмъ показать Европѣ, что подлость и предательство даже въ политикѣ не остаются безъ отмщенія. Всѣ эти мысли онъ постарался передать Второву и встрѣтилъ горячій откликъ со стороны юноши. Онъ, по знакомству, жилъ у своего пріятеля чеха-врача, который въ это время былъ на дачѣ. Комната была уютно обставлена мягкой мебелью, съ цвѣтами, картинами и раскрытымъ роялемъ въ углу. Противъ обыкновенія Азбелевъ былъ одѣтъ въ щегольской черный костюмъ, который краси-

во охватывалъ его стройную, хорошо развитую фигуру. Онъ вообще хорошо одѣвался, но въ русскомъ обществѣ не любилъ выдѣляться и, появляясь тамъ, надѣвалъ затасканный пиджакъ — «эмигрантскій мундиръ», какъ онъ говорилъ. Оба собесѣдника давно уже сидѣли въ глубокихъ, мягкихъ креслахъ. Темнѣло. Азбелевъ зажегъ люстру. На яркомъ желтомъ свѣтѣ лицо его казалось на десять лѣтъ старше, вокругъ глазъ обозначались темные круги, вдоль похудѣвшихъ щекъ пролегли тѣневые линіи. Наканунъ онъ не спалъ, всю ночь игралъ и выигралъ большую сумму, часть которой отдалъ Второву.

Второвъ смотрѣлъ на него съ нѣмымъ обожаніемъ, хотя во все время разговора не проронилъ ни одного душевнаго слова.

— Итакъ, помните,—говорилъ ему Азбелевъ, внимательно вглядываясь въ выраженіе его лица, — война только начинается, и наша роль — впереди. И тѣмъ значительнѣй она будетъ, чѣмъ независимѣе мы останемся отъ всѣхъ, что идутъ иными путями. И помните также, что споръ рѣшится не народными массами, но поединками вождей. Вы — одинъ изъ нихъ.

— Не объ этомъ говорить сейчасъ, — тихо замѣтилъ Второвъ, напряженно слушавшій.

— Почему — не объ этомъ? Я зналъ, на комъ остановить мой выборъ.

Второвъ опустилъ глаза, губы сложились въ чуть замѣтную грустную улыбку.

— Не въ этомъ дѣло. Отъ принятыхъ рѣшеній я не отступаю. Но если...

— Если будетъ «если», васъ замѣнитъ другой, вотъ и все. Не такъ ли?

Онъ улыбнулся. Улыбнулся и Второвъ.

— Да, такъ.

— Значить, объ этомъ говорить не стоитъ. Поѣздъ когда уходитъ?

— Завтра въ шесть.

— Проводы?

— Никакихъ.

— Версія отъѣзда?

— Буду на границу товарищей выручать.

— Хорошо.

Второвъ поднялся и протянулъ руку:

— Итакъ, прощайте.

Азбелевъ не двинулся съ мѣста и не поднялъ руки. Второвъ съ удивленіемъ взглянулъ ему въ лицо. Оно поразило его. Азбелевъ смотрѣлъ на него страннымъ, блуждающимъ взглядомъ, блѣдныя, впалыя щеки показались желтыми, восковыми, какъ у мертвеца. Второвъ взялъ его за руку. Пульсъ лихорадочно бился, но рука была холодна и влажна.

— Владиміръ Ивановичъ, что съ вами?

Азбелевъ не отвѣчалъ, только губы стали вздрагивать, словно хотѣли что-то сказать. Потомъ глаза приняли выраженіе тихаго восторга, и пальцы задрожали.

Второвъ въ нерѣшительности стоялъ передъ нимъ. «Переутомился! Летучій обморокъ!» — думалъ онъ и ждалъ.

Вдругъ рука Азбелева сдѣлала движеніе и со спинки стула упала на колѣни. Потомъ она медленно поднялась, глаза расширились, точно видѣли что-то въ правомъ углу за пальмой, и губы раскрылись.

— Колокольчики бѣлые, — зашепталъ онъ быстро, — бѣлые, бѣлые... Земля, какъ невѣста... Солнце никто не отниметъ...

«Галлюцинируетъ!» — рѣшилъ Второвъ и тронулъ Азбелева за плечо.

— Владиміръ Ивановичъ, очнитесь, нето я доктора позову!

Азбелевъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и схватился за голову руками.

— А!.. Что такое! Вы — кто такой?

— Вы меня не узнаете?

— Я васъ не знаю. Уходите!

— Я не уйду. Гдѣ у васъ вода?

— Колокольчики бѣлые... да...

Второвъ открылъ окно и принесъ воды.

Когда онъ наливалъ воду изъ графина, стоявшаго на ночномъ столикѣ, его поразило обиліе пузырьковъ съ разными жидкостями. Нѣкоторые изъ нихъ распространяли одуряющій запахъ. Онъ заставилъ Азбелева выпить нѣсколько глотковъ, смочилъ ему виски. Вдругъ Азбелевъ произвелъ надъ собой какое-то усилие воли и пришелъ въ себя. Онъ протеръ глаза и смущенно улыбнулся.

— Простите. Я куда-то ушелъ отъ васъ — въ другой міръ... Это со мной бываетъ...

— Вы переутомились.

— Да, да. Но теперь все хорошо...

Жадно пилъ воду и тяжело дышалъ.

— Итакъ, завтра въ шесть?

— Въ шесть.

Оба встали.

Станнымъ блескомъ играли глаза Азбелева.

— Второвъ!

Онъ приблизилъ къ нему свое лицо. Въ глазахъ свѣтилась безумная радость.

— Второвъ!

— Да?

— Я знаю...

— Что?

— То, что и вы знаете, и чего кромѣ насъ двоихъ никто не знаетъ. Теперь идите.

Второвъ отвернулся. Къ горлу подступали слезы, но онъ справился съ охватившимъ его волнениемъ. И сказалъ только:

— А вы покажитесь-ка своему доктору, когда онъ вернется...

— Лишнее...

— Прощайте...

Они пожали другъ другу руки. Азбелевъ проводилъ его по темной лѣстницѣ и заперъ дверь.

V

Било одиннадцать, когда онъ вернулся въ гостиную. Убавилъ свѣтъ, принесъ на подносѣ мѣдный арабскій кофейникъ, зажегъ спиртъ и сталъ готовить кофе. Закрылъ окно, погасилъ еще двѣ лампочки. Смотрѣлъ, какъ въ темномъ углу стола, за грудой книгъ дрожали и плясали блѣдные язычки.

— Пляска жизни и смерти! — сказалъ онъ громко и взялъ нѣсколько аккордовъ изъ «*Danses macabres*».

— А эти мѣшки со всякой дрянью, именуемые людьми, — продолжалъ онъ говорить самъ съ собой, — воображаютъ, что слова и звуки можно мѣнять по желанію...

Взялъ книжку современнаго поэта, раскрылъ и съ досадой швырнулъ на полъ. Вычурность, грубая ложъ въ поддѣлкѣ подъ народность, бессмысленное нагроможденіе словъ! Взялъ другую и въ ней ничего не нашелъ кромѣ кривлянья и словесной ломки.

— Ищутъ, видите ли, новыхъ словъ и звуковъ! Самихъ ихъ мѣнять нужно, а не слова и звуки! Учитесь по-новому жизнь въ себя втягивать, и не придется

вамъ продавать свою душу, гоняясь за новыми звуками, и пѣсни ваши будутъ вѣчно новы! Нашимъ поэтишкамъ, этимъ рабамъ улицы, нужны новые бубенчики!

Огоньки спиртовки погасли. Ароматъ крѣпкаго, душистаго кофе распространился въ комнатѣ. Онъ поставилъ подносъ съ кофейникомъ и маленькой арабской чашкой на столъ, принесъ флакончикъ съ бѣловатой пахучей жидкостью и отсчиталъ пять капель. Осторожно перелилъ густую, темную жидкость изъ кофейника въ чашку и съ наслажденіемъ вдыхалъ двойной ароматъ — кофе и какихъ-то невѣдомыхъ травъ или цвѣтовъ восточнаго безумія.

— Имъ подавай новую красоту! — продолжалъ онъ прежнюю мысль. — Олухи! Развѣ красота бываетъ новая или старая? Ты изъ собственныхъ мозговъ и нервовъ вытягивай новыя формы ея постиженія, а не требуй, чтобы она распоясалась передъ твоей свиной башкой и канканъ плясала. Ты самъ постигни, замри въ молчаніи — и въ безуміи создай... А развѣ они знаютъ, что такое безуміе творчества!

Еще не пилъ, а глаза уже вспыхивали предвкушеніемъ видѣній иного міра. Зналъ, что все, что испытаетъ сегодня, покажетъ нечеловѣческую мощь его духа. Преобразится душа въ иномъ мірѣ? или только постигнетъ ту простую истину, что мы живемъ съ закрытыми глазами, не знаемъ чудесъ, которыя носимъ въ себѣ?

Взялъ пузырекъ, посмотрѣлъ на свѣтъ и вдругъ засмѣялся добрымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

Заигралъ рапсодію Листа. Оборвалъ... перешелъ на «Лунную сонату».

Остановился. Осторожно глотнулъ нѣсколько капель изъ чашки. Лицо поблѣднѣло, по нервамъ ударила

острая дрожь. Золотыя искры засыпали всѣ прежнія мысли. Старался что-то вспомнить.

— Да, да... Хорошо это у старика Горация:

Odi profanum vulgus...

— Старикъ чувствовалъ красоту и огня, и пепла, пока этотъ пепелъ еще горячъ и въ глубинѣ его гаснутъ послѣднія искры.

Взялъ другую книгу. Медленно и вдумчиво, словно самъ съ собой разговаривая, прочелъ:

Moi, mon âme est fêlée, et lorsqu'en ses ennuis
Elle veut de ses chants peupler l'air froid des nuits,
Il arrive souvent que sa voix affaiblie

Semble le râle épais d'un blessé qu'on oublie
Au bord d'un lac de sang, sous un grand tas de morts,
Et qui meurt, sans bouger, dans d'immenses efforts.

Кто знаетъ эти слова? Кто чувствуетъ ихъ кромѣ меня и...

Мысли не кончилъ.

И снова заигралъ, продолжая время отъ времени словами истолковывать свою игру. Нѣжная и грустная мелодія нарушалась всплесками скорби и горя. Слабѣла, казалось — неслась откуда-то издалека, разсыпалась трелями жаворонковъ, собиралась бѣлыми облачками и плыла дальше и дальше — въ лазурь и безбрежность. Великая тоска воспоминаній охватывала душу.

Поблѣднѣвшія губы шептали:

— Помнишь мирное озеро и недостроенный домъ? Помнишь вишню противъ окна, усыпанную бѣлымъ цвѣтомъ, гдѣ ты любила сидѣть съ рисункомъ въ рукахъ? А розы вокругъ террасы и зеленѣющіе холмы на горизонтѣ? Вдоль крутого берега бѣжала дорожка, голубыя бенгальскія ели, охорашиваясь, видѣли, какъ

мелькаютъ складки твоей бѣлой одежды. И помнишь скамью въ тѣни склонившихся вѣтвей, на самомъ краю сказочно-красиваго мыска? Помнишь все это? Помнишь... если живешь!

Глухой аккордъ ворвался и разрѣшился величавой погребальной пѣснью. Торжественно ударили колокола, ему отвѣтило серебристое трепетанье ангельскихъ крылъ, радостное, какъ пробужденіе майскаго утра. Лепестки райскихъ, бѣлыхъ, какъ бѣлые ландыши, цвѣтовъ посыпались съ неба навстрѣчу свѣтлой изстрадавшейся женской душѣ...

Мысли рвались, какъ птицы, на волю изъ клѣтки. По жиламъ струился огонь. Прочь уносилось реальное, сущее въ настоящемъ, открывалось прошлое съ яркостью вчерашняго дня.

«Да, ты живешь, ты жива... я увижу тебя... я буду цѣловать край твоего платья и слѣды твоихъ ногъ! Съдая, состарѣвшаяся, усталая, больная, — ты взглянешь на меня, ты улыбнешься мнѣ еще разъ, — и въ послѣднемъ свиданіи мы повторимъ все, о чемъ говорили такъ радостно, во что вѣрили на зарѣ нашей жизни! И я буду читать и перечитывать твои любимые стихи»...

Задумался. Рука потянулась къ чашкѣ. Нѣсколько капель — нѣсколько ударовъ огнемъ и мукой. Мыслямъ еще тѣснѣе, но больше простора чувствамъ. Пьянѣли, туманились предметы вокругъ, но сердце билось острѣе. Видѣлъ сквозь пламень мечты, какъ медленно выплывали синія, желтыя, зеленыя волны, золотыя нити причудливо рѣзали ихъ. Лучи вились, какъ змѣи, и развертывались цвѣтами, прекрасными и ядовитыми, какъ безумные маки на сказочныхъ берегахъ священной рѣки. Раздвинулись стѣны, въ небо уплылъ потолокъ, цѣлый лѣсъ пальмъ перешелъ пустыню и тѣсной стѣной об-

ступилъ бѣлыхъ и черныхъ лебедей, бившихся подъ рукой, рождавшей вдохновенные звуки.

Потомъ все затихло — ни шелеста пальмовыхъ листьевъ, ни шума лебединыхъ крыльевъ... только далекія звѣзды поютъ о людяхъ, затерявшихъ пути къ небесамъ. Взгляни! Но ему не до звѣздъ — звуки снова струятся сквозь пальцы, въ душѣ иная, близкая сердцу картина, только затуманенная далью.

Что это? Черныя тѣни побѣжали отъ лѣса и залили лугъ надъ водой. А на лугу — огоньки, огоньки... Ночное. Фыркаютъ кони, перекликаются молодые и старые голоса. Черные звуки не любятъ бѣлыхъ, черные лебеди бросаются на бѣлыхъ, и начинается поистиннѣ страшная битва...

Шепчутъ губы простыя, но внутренней страстью страстные слова:

— Поздняя осень. Листья шуршатъ, шелестятъ, шлепаютъ, ломаясь и лопааясь подъ ногами. Впереди — огоньки. Ухаетъ филинъ за озеромъ. Зажигаются блѣдныя, застѣнчивыя звѣзды русскаго сѣвера. Откуда-то доносится пѣсня... Но ты не любишь ни пѣсенъ вечернихъ, ни звѣздъ. Ихъ любить кто-то другой, черный, черный, какъ ночь... кто-то шагающій рядомъ... Листья шелестятъ. Шуршатъ и шевелятся листья. И очи страстные, огневые, свѣтятся рядомъ, какъ угли костра, какъ звѣзды. Стелется черная тѣнь, а ты любишь раннее утро, ясное солнце, ландыши, свѣтъ и радость солнечнаго дня. Черныя тѣни пугаютъ тебя, терзаютъ и мучатъ.

Надрываются струны и стонутъ. Душа разгорается тоской о невозможномъ. Пронесются новые образы. Нѣтъ ни пустыни, ни пальмъ, ни звѣздъ, ни огней... есть только больная, разбитая жизнь... есть сердце, исходящее кровью. Кругомъ бушуетъ буря, гибнутъ тысячи

людей, грязных, черная волны среди бурной ночи разливаются по улицамъ. Огромный городъ — вѣнецъ культуры, краса столѣтій, во тьмѣ, въ униженіи, въ оковахъ самаго омерзительнаго рабства. Въ убогой коморкѣ огромнаго дома, во тьмѣ, среди промерзшихъ стѣнъ, борется со смертью гордая, прекрасная душа. Вѣрой жива, совершаетъ великій подвигъ самоотреченія и любви. И шепчетъ добрыя, ласковыя слова, въ которыхъ нѣтъ ни упрека, ни гнѣва...

— А я? Помнишь? — Мы читали съ тобой:

Не далека воздушная дорога:

Еще лишь мигъ — и я передъ тобой.

— Я съ тобой, какъ прежде, я твой навсегда! Вотъ ты подходишь ко мнѣ, и я говорю, касаясь губами твоей руки: «какъ хорошо ты сыграла Шумана!» Проникновенно и нѣжно, какъ твоя молитва — безъ словъ, безъ желаній и просьбъ, какъ свѣтлое стремленіе...

Съ необычайной легкостью падали тонкіе пальцы на клавиши. Начинало казаться, что руки отдѣлились, и управляетъ ими чья-то другая воля. Стало легко и свободно. Все тяготившее прежде ушло далеко-далеко.

— «Не далека воздушная дорога»... Гдѣ ты, мой ангель-хранитель, гдѣ та, которой я пѣлъ когда-то:

И вся души моей святыня

Къ тебѣ одной обращена...

— Приди и спаси меня! Вотъ они, мстители, змѣи отравленной совѣсти, рвутъ мое сердце на части, и отняли волю у рукъ. И звуки уже не повинуются мнѣ... Приди!.. или будетъ поздно...

Красный свѣтъ то вспыхиваетъ, то гаснетъ... Кто здѣсь? Мой ангель-хранитель? Пришла? Спасаетъ? Хочешь спасти? Тише, тише!

И тихо все стало.

Руки упали. Послѣдняя нота отзвучала. Въ сосѣдней комнатѣ пробили часы.

Хотѣлъ повернуться — и не могъ. Услышалъ за спиной тяжелое, безпокойное дыханіе. Ощутилъ, какъ чьи-то мохнатые или шершавыя губы прикоснулись къ щекѣ и уху. Услышалъ голосъ, тихій и шелестящій, какъ тѣ осенніе листья:

— Спасись отъ себя...

«Спасись» или «спаси» — не разслышалъ. Повернуть голову сразу не рѣшилъ. Если «спасти», то кого? Не было страшно, но стало стучать въ виски, и сердце билось часто и больно. Скорѣе брало любопытство.

— Кого? — спросилъ онъ громко и хотѣлъ положить руку на клавиши.

«Stabat Mater или Ave Maria...» — подумалось. Но рука отяжелѣла, точно и впрямь была не своя.

За спиной былъ кто-то, кто дышалъ хрипло и зловѣще. Сознаніе двоилось: мысль не боялась, даже смѣялась злорадно, но тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ души, вставалъ такой ужасъ, темный и холодный, что волосы шевелились.

— Это забавно, — громко произнесъ онъ. — Ну, что же, скажи: если «спасти», то кого и какъ? И кто ты такой: другъ или врагъ?

Отвѣта не было. За окномъ прогудѣлъ автомобиль, жалобно прозвенѣла струна, и снова стало тихо. Дыханіе продолжалось надъ самымъ ухомъ — тяжелое, хриплое, давящее.

— Да говори же, чортъ тебя возьми! — крикнулъ и, сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе воли, обернулся...

Никого не было.

Протеръ глаза.

Страшная рѣшимость, безуміе гнѣва и вдохновенія охватили его. Волны голубого тумана плыли и застилали предметы.

Въ простѣнкѣ между окнами что-то шевелилось на матовой прозрачности зеркала. Какія-то свѣтлыя точки въ странной игрѣ перемигивались съ хрустальными подвѣсками люстры и то появлялись, то исчезали.

— Разстройство нервовъ, игра воображенія! — подумалъ — и громко разсмѣялся:

— Вотъ и ничего нѣтъ. Я такъ и зналъ. Чепуха какая!

Оглядѣлся и снова сѣлъ у рояля. Не думая, дотянулся рукой до остывшей чашки и выпилъ все до послѣдней капли...

VI

Снова темная, страстная сила огнемъ пробѣжала по нервамъ. Оттянуло кровь отъ мозга. Ободрился. Въ глазахъ просвѣтлѣло, только плоскія клавиши изъ бѣлыхъ стали голубыми. Руки снова приобрѣли свободу. Звуки побѣжали мирной, успокоительной идилліей.

Свирѣль или звенящія косы? Пчелы ли то или и впрямь косари? Гдѣ-то кукушка гадаетъ, сколько кому жить на вѣку. Въ пахучей травѣ такъ много цвѣтовъ... бѣленькихъ... синенькихъ... и лиловыхъ, и такихъ, какъ вотъ этотъ туманъ...

И зашепталъ, словами догоняя звуки:

— Помнишь? Я подъѣзжалъ медленно къ дому по песчаной дорогѣ, на нашей сѣрой лошаdkѣ, а ты бѣжала мнѣ навстрѣчу въ желтой соломенной шляпѣ съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ и, счастливая, раскраснѣвшая-

яся, кричала мнѣ: «здравствуй»... — Помнишь вечера и мою книжную полку?

Звуки тянулись широкой, спокойной волной раздумья, но рука вдруг сдѣлала нервное движеніе, и въ мелодію вторгся какой-то чуждый и неровный звукъ. Воспоминаніе исчезло. Онъ оглянулся: никого. Но едва снова взглянулъ на рояль, какъ почувствовалъ ясно-ясно прикосновеніе прежней мохнатой и шершавой морды. Хотѣлъ отмахнуться, но не могъ: чьи-то костлявыя лапы легли на плечи.

Онъ выждалъ минуту и — странно! — не удивился. Или, вѣрнѣе — удивился тому, что не удивился. Чужое, мерзкое дыханіе щекотало шею.

— Ну, ладно, — сказалъ онъ, но звука своихъ словъ не слышалъ. — Ладно: пусти! Я сыграю тебѣ, что было потомъ...

Положилъ руки на клавиши, зажмурилъ глаза. Прежняя жизнь снова глянула въ душу изъ красныхъ, пылающихъ лохмотьевъ. Тряхнулъ головой, увидѣлъ старое, милое и печальное.

— «Прощай!» сказала она. Кругомъ все горѣло и рушилось... «Прощай!»

— Ха-ха-ха! — вдругъ раздалось надъ ухомъ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

Волны голубого тумана отпрянули отъ рѣжущихъ, стонущихъ звуковъ. Рядомъ съ дрожащими руками плясала черная мохнатая лапа, и тамъ, гдѣ она ударяла, вспыхивали и гасли зловѣщіе огоньки. Зарева пожаровъ чудились въ этихъ звукахъ, звѣриныя крики, проклятія, стоны обреченныхъ на смерть...

— Не такъ, — кричалъ Азбелевъ, — не такъ!.. Слушай, чортъ! Я перебью твою проклятую лапу!

Но лапа увертывалась и плясала по клавишамъ неуловимою тѣнью.

Сильно ударилъ по басамъ и вздрогнулъ отъ звѣринаго хаоса рычащихъ и стонущихъ звуковъ. И вдругъ — что съ нимъ такое! — какая-то сила рванула и отбросила на середину комнаты.

— Это что же? — мелькнуло въ мозгу: — схожу съ ума или... и впрямь это ты, мною вызванный? Ты это? Скажи! Откройся!

Замеръ въ нѣмомъ холодѣ ужаснаго образа. Явленно что-то сопѣло, что-то смѣялось то у одного, то у другого уха.

Но страшно не было. Напротивъ, любопытно. Хотѣлось подразнить.

— Игра, такъ игра! Чья возьметъ?

За окномъ было тихо — ни автомобильныхъ рожковъ, ни голосовъ, ни звонкихъ шаговъ по панели. А въ уши дышало звѣриное, сытое, плотоядное. Что-то хрипѣло, беззастѣнчивое и безстыдное.

— Эй ты, послушай! Какъ тебя тамъ? Покажи свою морду!...

Въ разныхъ мѣстахъ комнаты раздались шипящія смѣшки. Слабо горѣла лампочка. Не могъ разглядѣть, что шевелилось и смѣялось въ темныхъ углахъ, подъ пальмой, за столомъ, у камина. Чудилось — нотные значки прыгали, падали, дробились и смѣялись.

И самому было смѣшно.

И все смѣялось и звенѣло глухими отзвуками струнъ, словно по нимъ ударили мягкой тряпкой.

Сердито рывкнули басы. Жалобно, словно мыши, пискнули въ верхнемъ регистрѣ. Неопредѣленно — и нашимъ и вашимъ — метнулись и успокоились средніе.

— Забавно! — громко сказалъ Азбелевъ: — а вотъ я васъ разыграю!

Передъ нимъ слѣва протянулась темная завѣса. «Что тамъ за нею? Каменная стѣна? Хорошо! Кто рядомъ со

мною? Солдаты? Эй вы! Собрать по угламъ эту сволочь, что губила Россію! Вотъ они! Это не ноты, это — люди, подлые, грязные люди въ чистыхъ воротничкахъ и манжетахъ... Въ первую очередь негодяевъ, что посылали намъ пушки безъ снарядовъ, и снаряды безъ пушекъ, кого мы, безоружные и голодные, спасали себѣ на несчастье... Они не хотятъ? Говорятъ, что они иностранцы? Союзники? Тѣмъ хуже для нихъ, черныхъ предателей! Къ стѣнкѣ! Готово! Пли! Убрать эту падаль!» Новая черная масса зашевелилась, запрыгала. «Вы что? Соціальные реформаторы? Раздаватели благъ? Зачѣмъ же вамъ понадобилось растлѣвать души, оскорблять святыни, напускать египетскія казни на честный добрый народъ? Нѣтъ вамъ пощады! Пли! Пусть ваша кровь напоить неотомщенную русскую землю!»

Долго стоялъ, не понимая, что явь исчезла въ безумномъ кипѣніи мести.

— Что это? Гдѣ я? Сонъ или бредъ? — Теръ глаза и виски. Съ трудомъ различалъ предметы. Темная завѣса поднималась. Выплывали бѣлыя клавиши. Комната комнатой стала, какъ прежде. Но была во власти того же нездѣшняго духа.

Одно вспоминалось, забывалось другое. Манило темное зеркало тайной невѣрныхъ огней. Тотъ все дышалъ у самого уха — хрипло и нагло. Хитрая мысль улыбнулась:

— Нельзя ли его заставить служить великой цѣли?

Странный шумъ продолжался — похожій на то, какъ въ отдаленіи въ оркестрѣ настраиваютъ инструменты.

Взглянуть въ зеркало и на минутку замеръ. Увидѣлъ, какъ правильными геометрическими фигурами поднимались цвѣтныя свѣтовые пятна — голубые ром-

бы, зеленые треугольники, желтые квадраты, красные круги за ними — пылающіе, танцующіе языки змѣиныхъ головъ.

Вплотную подошелъ къ зеркалу. Въ странной игрѣ все двигалось передъ нимъ, мѣнялось, разбивалось на новыя формы, дробилось мириадами искръ, собиралось символической непонятныхъ знаковъ и снова дрожало и кружилось — голубое, зеленое, синее, золотое — и звенѣло, и смѣялось, и пѣло.

— Надо заставить служить, — повторилъ Азбелевъ, вглядываясь въ зеркало, и не столько видя, сколько угадывая по отраженіямъ, что творилось за его спиной. Опустилъ руку и нащупалъ въ карманѣ маленькій браунингъ... на всякій случай.

Кругомъ поднимался шумъ, дикая пляска, невообразимая возня красокъ и формъ.

— Эй ты! — крикнулъ онъ, стараясь перекричать нелѣпую смѣсь голосовъ и визговъ. — Эй ты! Сатана! Дьяволъ! Чортъ знаетъ, какъ тебя зовутъ! Тише! я хочу съ тобой говорить...

И разомъ все стихло, такъ, что самому странно стало. Только часы рядомъ простонали три. Темное стекло зеркала тускло отражало одинокую лампочку и нѣсколько трепетныхъ отблесковъ хрусталя.

«Неужели это мои глаза горять, какъ уголья?» — подумалъ и еще придвинулся къ зеркалу.

— Слушай! — началъ онъ снова.

Мохнатая морда ткнулась въ ухо, не отразившись и слабой тѣнью. Сильнымъ движеніемъ руки быстро взмахнулъ, чтобы схватить ее или ударить, и не поймалъ ничего. Услышалъ только прежній сопящій смѣхъ.

— Слушай, убери къ чорту свою поганую морду! Мнѣ нужна твоя помощь...

Было тихо, такъ тихо, что слышалось бѣненіе сердца.

— Помощь твоя, сатанинская... Заклятье на себя положу!

Что-то темное, какъ тѣнь отъ крыла гигантской птицы, метнулось по зеркалу и застлало лучи и искры. Зеркало стало подобно рѣкѣ въ безлунную, беззвѣздную ночь.

— Хочешь служить мнѣ? Твои три дня — моя вѣчность!

Сердце какъ будто не билось. Къ вискамъ только кровь прилиwała, да уши горѣли. Жутко и страшно. Но не въ мысляхъ, не въ сердцѣ, а гдѣ-то въ глубинѣ, темно и далеко. Браунингъ ласковой сталью охлаживалъ руку.

— Идетъ или нѣтъ? — напряженнымъ, шипящимъ шопотомъ, сквозь крѣпко стиснутые зубы, спросилъ.

И услышалъ чужое дыханіе близко-близко. Кто-то сказалъ — можетъ быть, самъ, можетъ быть, тотъ, другой, сопящій:

— Да...

Отлегло отъ сердца. Радостно стало и легко, словно за плечами выросли крылья, но еще сомнѣвался, знаменья требовалъ. Знаменья — какъ въ легендахъ, какъ въ сказкахъ:

— Да? — говоришь ты. Значить, согласенъ. Ну, ладно! Теперь покажись! Безъ этого не повѣрю...

Положилъ одну руку на столъ передъ зеркаломъ, въ другой держалъ холодную, гладкую сталь. Хотѣлъ ли стрѣлять и будетъ ли, точно не зналъ. Зналъ только — придется закрѣпить сдѣлку. Вспоминалъ рассказы, какъ люди видѣли чорта:

— Прежде не вѣрилъ, а теперь самъ увижу... Ну?

И онѣмѣлъ. Что-то огненно-красное, въ широкомъ багряномъ плащѣ, съ свѣтящимся лицомъ, неуловимо переливчатымъ, то прозрачно-яркимъ, то уходяв-

шимъ въ зловѣщую тѣнь, поднималось за нимъ и протягивало длинныя, когтистыя лапы. Чувствовалъ, какъ мягкая волна тяжелаго плаща ложилась на плечи, касалась шеи, и жесткія съ гладкими когтями лапы ползли по головѣ, спускаясь на холодѣющіе виски и щеки.

— Врешь! — крикнулъ не своимъ голосомъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Раздался выстрѣлъ. Осколки стекла брызнули и посыпались на столъ и на полъ.

Глубоко вздохнулъ и медленно поднялъ глаза, смотрѣвшіе безумно и дико. Лампочка слабо, но спокойно освѣщала предметы — и пальму, и столъ, и рояль. Искрились матовыя слезинки на люстрѣ.

«Ужели схожу съ ума? — думалъ онъ, протирая глаза: — все равно, пусть такъ, но для меня... Для меня именно это и есть настоящая жизнь, а для нихъ, для всѣхъ прочихъ, — вотъ эти осколки».

Шатаясь, прошелъ въ сосѣдную комнату и налилъ стаканъ коньяку.

— Будетъ! — сказалъ онъ, овладѣвая собою, надо привести себя въ порядокъ... для *нихъ*, для прочихъ... — обвелъ глазами портреты чужихъ, незнакомыхъ людей.

Выпилъ до дна. Стало сразу ясно и просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ ничто не пропало.

— Вотъ только — зеркало разбилъ. Говорятъ, къ покойнику. Не важно, конечно, что къ покойнику, а важно — къ какому. Черепка не всякій покойникъ стоитъ.

Потушилъ огонь въ гостиной, вернулся къ себѣ, раздѣлся и легъ. Одѣяло сбросилъ — оно показалось мохнатой шкурой — *того...* когтистаго... Старался, пока горѣлъ огонь, не смотрѣть на него. Мохнатое шевелилось и корчило складками какія-то страшныя рожи.

— Теперь довольно, — говорилъ самъ себѣ. — Те-

перь надо дѣло дѣлать... Довольно — надолго! Можетъ быть, навсегда?

Мысли путались и боролись.

— Почему же навсегда? Можетъ быть, иногда, изрѣдка?.. Но это дѣлу мѣшаетъ... Ой, не помогаетъ ли? Чего больше: да или нѣтъ? Они говорятъ: ядъ! А противоядія не придумаютъ... Или — противоядіе то, что сильнѣе всякаго яда?

Сознаніе темнѣло. Слова не шли на уста. Тяжелый сонъ медленно спускался и превращалъ пережитое въ кошмаръ, мучившій душу и ускользавшій изъ памяти.

На слѣдующій день толстая баба, убиравшая квартиру, долго не могла добудиться Азбелева. Она сокрушенно качала головой, стоя у изголовья, и думала:

— Пиль цѣлую ночь. Вотъ такъ и мой покойникъ: выпьетъ подъ праздникъ, потомъ и спитъ, какъ боровъ.

Азбелевъ проснулся только къ вечеру.

VII

Цѣлый рядъ тяжелыхъ и заботливыхъ мыслей охватилъ Вяльцева, когда, вернувшись подъ утро домой, онъ сталъ вдумываться въ то, что случилось. Мысли его двоились. Съ одной стороны казалось, что именно онъ долженъ вытащить Клеопатру Ивановну изъ ея омута. Съ другой — онъ не могъ не сознавать, что взять на свою отвѣтственность молодую женщину съ двумя дѣтьми значило бы самому погрязнуть въ мелочахъ повседневной погони за кускомъ хлѣба. Пришлось бы лично опуститься въ тину бѣженской жизни, что засасывала на его глазахъ благородныхъ и возвышенныхъ людей. «Это было бы необдуманно, даже глупо», —

разсуждалъ онъ. Ему уже представлялось, вмѣсто его бѣдной, но сравнительно беззаботной жизни, возня съ хозяйками, нежелавшими давать пріютъ женщинамъ и дѣтямъ, сложныя потребности семейнаго уклада, о которыхъ люди не семейные и понятія не имѣютъ. Вѣчная нужда, вѣчная забота, страшное рабство духа и желѣзная власть низменныхъ матеріальныхъ запросовъ. Онъ понималъ, что Клеопатра Ивановна должна была ухватиться именно за него, Вяльцева, человѣка, съ которымъ ее связывало что-то хорошее въ прошломъ. Она знала его давно и могла на него положиться. Она знала, что онъ съ его податливымъ и мягкимъ характеромъ будетъ въ ея рукахъ воскомъ, что она сдѣлаетъ изъ него и друга и раба. Но для него не было сомнѣнія въ то же время, что, идя на жизнь съ Клеопатрой Ивановной, онъ долженъ былъ погубить въ себѣ нѣчто духовное и свободное, лучшее, что было въ его душѣ и что требовало сосредоточенія и одиночества.

Однако, думалось ему, выбора не было. Что случилось, то случилось. Упрекать кого бы то ни было поздно и напрасно. Въ его разсужденіяхъ всегда сквозила извѣстная доля фатализма, достаточная, чтобы предотвратить запоздалыя сожалѣнія и упреки. «Значить, такъ и надо было. Значить, и мнѣ, вмѣсто свободного исканія истины, придется пройти суровую школу бѣженской семейной тревоги. Можетъ быть, впрочемъ, для меня это и будетъ той истиной, которую я тщетно ищу на поверхности моря житейскаго. Можетъ быть, она именно не на поверхности, а на днѣ, въ темной гущѣ житейскаго дна. Значить, испытанныхъ мною страданій еще не достаточно, чтобы обезпечить за собою право свободного блужданія по мірскимъ путямъ».

Въ этихъ размышленіяхъ онъ провелъ цѣлый день. Пересматривалъ книги въ бібліотекѣ, обѣдалъ въ сту-

денческой столовой съ близкими ему по духу, потомъ прослушалъ лекцію по философіи знаменитаго петербургскаго профессора, зашелъ къ переписчицѣ, чтобы сообщить ей нерадостную вѣсть, что онъ ничего не могъ для нея сдѣлать у профессора Морковникова. Къ вечеру, растерянный и нравственно усталый, постучался въ дверь къ Клеопатрѣ Ивановнѣ. Дверь открылась, въ ней показалась высокая, плотная дама, спросившая его по-чешски, что ему угодно.

Вяльцевъ оторопѣлъ. Мелькнула мысль, ужъ не ошибся ли онъ домомъ или дверью. Но нѣтъ: дверь была открыта, и онъ хорошо узналъ комнату, еще такъ недавно жившую съ нимъ одной жизнью любви и забвенія.

Дама повторила свой вопросъ по-нѣмецки.

Запинаясь и боясь услышать что-либо недоброе, Вяльцевъ спросилъ о Клеопатрѣ Ивановнѣ.

— Она уѣхала, уѣхала два часа назадъ. Кажется, въ Италію... впрочемъ, боюсь увѣрять васъ. За ней пріѣхалъ на «auto» высокій господинъ — дама саркастически улыбнулась — и они уѣхали на вокзалъ...

— Но позвольте, — едва могъ произнести Вяльцевъ, ошеломленный этимъ сообщеніемъ, — вѣдь она назначила мнѣ притти сегодня къ вечеру...

— Не знаю.

— И она не оставила вамъ никакого письма... никакой записки для меня?

— Нѣтъ, ничего не оставляла.

— Ничего?

— Ничего. Я была дома.

Вяльцевъ все еще медлил отойти отъ дверей. Дама внимательно посмотрѣла на него.

— Я слышала стороной, — косясь на дверь, сказала она, — что ей грозили какія-то непріятности, и, мо-

жетъ-быть, она поэтому покинула Прагу. Впрочемъ, — добавила она, — отъ комнаты она отказалась еще недѣлю назадъ.

— Странно, очень странно, — говорилъ себѣ Вальцевъ, выходя на улицу и испытывая щемящую боль утраты чего-то дорогого и близкаго. — Отказалась отъ комнаты недѣлю назадъ! значитъ, рѣшила уѣхать давно... Зачѣмъ же она... такъ?.. играла со мной, что ли? Или прощалась съ прошлымъ, не съ нашимъ, со своимъ прошлымъ?

Теперь, обратно тому, какъ онъ думалъ прежде, семейная жизнь показалась ему райской птицей, блеснувшей, поманившей и безвозвратно пропавшей въ лазури.

— Въ лазури? Здѣсь и лазури-то нѣтъ, а есть сѣрая закоптѣлая муть... Уйду, завтра же уйду отсюда.

Охватила острая тоска одиночества. Подвернись кто-нибудь свой, если не близкій, то понимающій, онъ упалъ бы ему на грудь и плакалъ, какъ ребенокъ. Но по улицамъ спѣшили чужіе, незнакомые люди. Неслись, оглушая гудками, автомобили, громыхали грузовики. И во всемъ этомъ холодномъ, жесткомъ, гремучемъ скрежетѣ городской жизни не было ни одного звука, ни одного голоса, который лаской влился бы въ душу. Толстая рыжая морда гигантской лошади, стоявшей у панели въ ломовой упряжкѣ, потянулась къ нему. Онъ поднималъ руку приласкать ее, но и она, пригнувъ уши, ощерилась своими могучими бѣлыми, какъ слоновою костью, зубами... Онъ откачнулся и прошелъ съ горькой усмѣшкой.

«И тебѣ не ласка, а кнутъ надобенъ, — подумалъ онъ злобно, — какъ и мнѣ, видно»...

Прошелъ набережную, машинально свернулъ направо, и у подъѣзда Національнаго театра вдругъ столк-

нулся съ Азбелевымъ. Эта встрѣча, особенно теперь, была ему непріятна. Онъ охотно уклонился бы отъ нея, если бы Азбелевъ не остановилъ:

— Дмитрій Павловичъ, вы куда?

— Я еще не знаю... Мнѣ нужно...

Азбелевъ быстро взглянулъ на него.

— У васъ видъ человѣка, — сказалъ онъ, улыбувшись, — который собирается на что-то рѣшиться: вы не рѣшайтесь сегодня, я говорю вамъ серьезно. Давайте побесѣдуемъ — вотъ здѣсь хотя бы, въ этомъ кафэ.

«Ужъ не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Клеопатрѣ Ивановнѣ?» — подумалъ Вяльцевъ и сказалъ разсѣянно:

— Пожалуй... мнѣ впрочемъ все равно, какъ убить это время.

Даже обрадовался, что пересталъ быть одинъ.

VIII

Они вошли въ ближнее кафэ.

Азбелевъ еще разъ посмотрѣлъ на разстроенное лицо Вяльцева.

— Вамъ, можетъ быть, не хочется говорить со мною сегодня? — спросилъ онъ участливо.

— Нѣтъ, все равно.

— Что, и васъ тронула пражская жизнь?

— Нѣтъ, это я ее тронулъ... Впрочемъ, все равно... Скажите, Азбелевъ, вамъ извѣстно, что Клеопатра Ивановна уѣхала?

Азбелевъ улыбнулся.

— Не интересовался... можетъ быть...

Вяльцевъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза:

— Скажите: не вы причина ея отъѣзда?

Азбелевъ нахмурился.

— Возможно, — сказалъ онъ, переводя глаза съ Вьяльцева на бѣлую занавѣску окна. — Возможно... Я намекнулъ, что не мѣшало бы ей убраться отсюда.

Внезапный гнѣвъ охватилъ Вьяльцева, но онъ сдержался и спросилъ только:

— А по какому праву вы сдѣлали это?

Азбелевъ вспыхнулъ. Щеки покраснѣли, мускулы заиграли.

— А по какому праву спрашиваете вы меня, господинъ Вьяльцевъ?

Вьяльцевъ опустилъ глаза. «Развѣ можетъ итти рѣчь о какихъ-нибудь правахъ съ этимъ человѣкомъ?» — подумалъ онъ.

Подали кофе. Размѣшивали сахаръ, избѣгали смотрѣть другъ другу въ глаза.

— Вотъ что, Дмитрій Павловичъ, — сказалъ вдругъ Азбелевъ мягко и властно, — я ничего не знаю... или, вѣрнѣе, все знаю. Клеопатру Ивановну вашу вы не жалѣйте. Не стоитъ. Она тоже не жалѣетъ васъ. Имя такимъ, какъ она, — легіонъ. Она не пропадетъ, а если и пропадетъ — такъ не бѣда. Не будемъ говорить объ этомъ вздорѣ. У меня къ вамъ дѣло по-серьезнѣе.

Вьяльцевъ смолчалъ. Онъ думалъ о Клеопатрѣ Ивановнѣ, и жесткость словъ Азбелева не сразу дошла до него. Въ мысль заплывалъ туманъ безразличія.

— Дѣло? Серьезное? — повторилъ онъ машинально. — Скажите, я васъ слушаю.

Азбелевъ оглянулъ сосѣдніе столики, — подозрительныхъ ушей не было.

— Послушайте, вѣдь въ этомъ состояніи духа, въ какомъ вы находитесь, вамъ оставаться въ Прагѣ нельзя. Вы сами такъ думаете, не правда ли?

«Вамъ - то что до этого?» — хотѣлъ спросить Вяльцевъ, но что-то, независимо отъ сознанія, удержало вопросъ. Онъ отвѣтилъ:

— Да, вы почти угадали!

— Вы мнѣ сказали какъ-то, — продолжалъ Азбелевъ, — что направляетесь въ Швейцарію — посмотрѣть, что дѣлаетъ Лига Націй для спасенія Человѣчества, въ частности Россіи? Не говорю о томъ, насколько вы непослѣдовательны въ вашемъ мышленіи, хотя васъ и почитаютъ философомъ... Простите за грубую откровенность. Вы не сердитесь?

— Ничего, ничего, продолжайте.

— Вы отказываетесь отъ Россіи, которая одна только и спасется въ хаосъ грядущихъ катастрофъ, и идете разыскивать ворожей среди глупцовъ гибнущей Европы.

Вяльцевъ вслушивался съ трудомъ. Страстные глаза Клеопатры Ивановны всплыли въ воображеніи и растворились въ страшной загадкѣ ея судьбы. «Я разыщу ее, какой угодно цѣной» — шепталъ онъ мысленно, словно самъ успокаивалъ свою душу. Лицо Азбелева, казалось, плыло въ клубахъ табачнаго дыма и растворялось въ темной пустотѣ, тамъ, гдѣ расплылись и растаяли глаза и улыбка той, которую онъ любилъ.

— Вы разсѣяны. Вы не слушаете меня? — говорилъ Азбелевъ. — Выпейте вотъ коньяку. Ничего, пройдетъ, со мной тоже бываетъ!

Вяльцевъ пришелъ въ себя.

— Съ вами?—съ удивленіемъ спросилъ онъ и выпилъ незамѣтно появившуюся передъ нимъ рюмку.

— Да, со мною, — отвѣтилъ Азбелевъ.

— Это удивительно, — сказалъ Вяльцевъ и самъ не понималъ, что говорилъ.

— Теперь, когда мы снова въ обладаніи нашихъ

мыслей и чувствъ, благодаря этому напитку, — Азбелевъ указаль на рюмки, — позвольте продолжать?

— Да, да, пожалуйста.

— Итакъ, исхожу изъ мысли, что вы собираетесь въ Женеву исключительно потому, что вамъ безразлично, куда итти. И еслибы я доказаль вамъ съ величайшей убѣдительностью, что Лига Націй есть пока международный ублюдокъ и что она ничего не можетъ сдѣлать для гибнущей Европы, а тѣмъ болѣе для Россіи, то вы согласились бы направить ваши стопы въ другую сторону...

— Куда, напимѣрь?

— Хотя бы туда, — сказалъ Азбелевъ съ легкой усмѣшкой, растягивая слова, — гдѣ вы могли бы встрѣтиться съ Клеопатрой Ивановной.

— Съ Клеопатрой Ивановной?

— Я не утверждаю, но возможно...

— Вы знаете ея адресъ?

— Не знаю, но могу узнать.

Снова воспаленный женскій взглядъ — огоньки въ черной глубинѣ, тонкія дуги бровей — прорѣзалъ табачные клубы и снова растаялъ.

Не сразу заговорилъ Вяльцевъ.

— Владиміръ Ивановичъ, — сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторымъ усиліемъ, словно предолѣвая въ себѣ нежеланіе говорить: — вамъ самому ясенъ тотъ путь, по которому вы идете?

Лицо Азбелева стало серьезнымъ.

— Совершенно. Я ожидалъ вашего вопроса. Вообще я не охотникъ до исповѣдей, но вамъ открою одну маленькую слабость, которая владѣетъ мной. У каждого свой талантъ, есть онъ и у меня. Можете судить его, какъ хотите. Я игрокъ по натурѣ и могу дѣлать только одно — смѣшивать карты въ рукахъ парт-

нера. И, когда я вижу, что игроки въ коммунизмъ разъигрываютъ Россію, я не могу удержаться, чтобы нѣсколько не примѣшаться къ этой игрѣ. Вы презираете меня?

— Нисколько. Но меня интересуетъ вотъ какой вопросъ: неужели вы полагаете, что, путая карты, какъ вы говорите, вы спасаете Россію?

— Никогда! Пожалуйста не смѣшивайте меня со всѣми этими спасителями слѣва и справа. Россія сама спасется. И отсюда помогать ей не надо. По крайней мѣрѣ сейчасъ. Но вы знаете, что когда наступаетъ весна, а тонкій слой льда еще держится, достаточно бываетъ одного камешка, чтобы ледъ треснулъ и раскололся. Какъ знать? Можетъ быть, въ числѣ иныхъ камешковъ, и мой сдѣлаетъ свое дѣло. Впрочемъ, и моя и ваша роль еще впереди.

— Какая же моя роль? — спросилъ Вяльцевъ. Губы его иронически дрогнули.

— Ваша роль — миръ, а моя — война. Ваша роль — успокоеніе, утѣшеніе, уловленіе сердецъ молодежи для будущей культуры духа. Къ вамъ липнуть, какъ пчелы къ меду, лучшіе и чистѣйшіе изъ людей, а ко мнѣ идутъ только такіе уроды, какъ я самъ. Пока вашъ Человѣкъ придетъ, вы не сидите, сложа руки. Вы умѣете находить и объединять «людей», что служатъ ему предтечами. Вѣдь не на старья же партіи и не на генераловъ придется возложить впослѣдствіи тяжесть моральной чистки Россіи. Надо начать подготовительную работу, а для этой цѣли я не знаю человѣка лучше, чѣмъ вы. Я уже отказался видѣть въ васъ химика...

Вяльцевъ слушалъ, не вѣря своимъ ушамъ. Новый человѣкъ вставалъ передъ нимъ, съ глубокой мыслью, съ обдуманнѣмъ планомъ дѣйствія. Такъ ему

показалось, по крайней мѣрѣ. Да... но вѣдь въ этотъ планъ входитъ и уничтоженіе людей, и месть, и ненависть! Какъ согласить все это?

Словно угадывая его мысль, Азбелевъ продолжалъ:

— Вы будете съ Богомъ работать. Я, когда это окажется нужнымъ, — онъ криво усмѣхнулся — чор-та найду...

Азбелевъ говорилъ серьезно. Вяльцевъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ его лица. Ни въ глазахъ, ни въ углахъ губъ — нигдѣ ни признака внутренней ироніи. «Станный человѣкъ!» — подумалъ онъ. Потомъ сказалъ:

— Допустимъ, Владиміръ Ивановичъ, что я принялъ бы ваше предложеніе, что же пришлось бы мнѣ дѣлать?

— Объ этомъ вы узнаете позже, по прибытіи на мѣсто. Главная обязанность — пропаганда вашихъ идей...

Онъ нѣсколько приблизилъ свое лицо къ Вяльцеву и, не глядя въ глаза, добавилъ, понижая голосъ:

— И еще... готовность умереть за Россію.

— Владиміръ Ивановичъ, вы знаете мои убѣжденія, — возразилъ Вяльцевъ, но Азбелевъ перебилъ его:

— Вашъ интернаціонализмъ или, не знаю какъ назвать, — отказъ отъ Россіи есть или болѣзнь, или самообманъ. Думаю, что болѣзнь. Вы такой же русскій, какъ и я. Россіей мы оба и благословлены и прокляты. Уйти намъ некуда. Поэтому, стремясь къ правдѣ — правдой надо и мыслить. Потому-то мы и союзники, что какіе бы турусы на колесахъ мы съ вами ни разводили, какія бы слова ни говорили объ общечеловѣчествѣ, мы оба честны и оба любимъ Россію. Вы можете быть соціалистомъ, я — монар-

хистомъ, но въ этой нашей любви мы съ вами союзники и братья. Съ другой стороны, на какихъ бы прекрасныхъ словахъ вы ни солидаризировались съ врагами Россіи, вы не объединитесь съ ними именно потому, что вы — русскій и, къ тому же, честный человѣкъ. Они или лицемерные ея друзья, или открытые враги — и въ томъ и въ другомъ случаѣ они, именно они, а не вы, истинные интернаціоналисты. Развѣ вы не видите, съ кѣмъ вы въ вашемъ отреченіи отъ Россіи сближаетесь? Вы вмѣшиваетесь въ толпу того интернаціонального сброда, который заражаетъ гнилостнымъ духомъ одну пятую человѣчества, стремясь обратить ее въ рабство. Подумайте!

Вяльцевъ слушалъ, опустивъ голову. Слова Азбелева жгли его и бередили старыя раны сомнѣній. Ему не хотѣлось ни сдаваться, ни спорить темъ болѣе, что то, о чемъ говорилъ ему Азбелевъ, было слишкомъ значительно и серьезно. Въ эти минуты у него не было силъ даже для протеста. Съ другой стороны, ему начинало казаться, что многія мысли Азбелева не противорѣчили его собственнымъ.

— Владиміръ Ивановичъ, — сказалъ онъ, не глядя на него, тихо и застѣнчиво, словно стыдясь того, что онъ говорилъ: — мнѣ кажется, что я началъ понимать васъ... а понять васъ было мудрено... Или, лучше сказать, то, что я понялъ въ васъ, частично можетъ быть принято мною.

Азбелевъ внимательно слушалъ, опустивъ глаза въ пустую чашку, слушалъ напряженно, не шевелясь.

— Только, Владиміръ Ивановичъ, я долженъ предупредить васъ, — съ усиліемъ, шевеля сухими отъ волненія губами, продолжалъ Вяльцевъ, — другими словами, обратить ваше вниманіе, что я... убѣжденный про-

тивникъ кровавыхъ методовъ дѣйствія... я не вѣрю въ то, что строится на крови...

Азбелевъ поднялъ на Вяльцева свои спокойные и, какъ ему показалось, подобрѣвшіе глаза.

— Строить будете вы, а мы будемъ вамъ мѣсто расчищать, чтобы было, гдѣ строить... Не безпокойтесь: на вашей совѣсти крови не будетъ...

— Да, да... Все это важно... все это надо обдумать. Сдѣлаемъ такъ: если завтра приду къ вамъ въ шесть часовъ, значить я вашъ... то-есть, не то, что вашъ, а свой... то-есть, я хочу сказать, что я готовъ получать отъ васъ указанія, гдѣ и чѣмъ я могу быть полезенъ тому, что между нами общаго.

Онъ былъ въ сильномъ волненіи. Ему хотѣлось говорить о другомъ, хотѣлось защищать свои взгляды, въ чемъ-то предостеречь Азбелева, что-то поставить на видъ, но слова, обычно послушныя и точныя, не шли на языкъ, путаясь въ сумятицѣ различныхъ мыслей и ощущеній.

— Въ шесть я васъ жду. Я васъ жду, — увѣренно сказала Азбелевъ и крѣпко пожалъ ему руку.

Вяльцевъ вернулся домой въ сильномъ волненіи и не спалъ всю ночь.

На утро сбѣгалъ къ Немѣшаеву и сталъ спѣшно готовиться къ отъѣзду.

IX

По прежнимъ связямъ своимъ и прежнему богатству, Азбелевъ зналъ многихъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые принимали участіе въ политической жизни Европы. Остроумный собесѣдникъ, когда это было нужно, и блестящій музыкантъ, онъ и теперь поддерживалъ эти связи, гдѣ было возможно, и при случаѣ пользовался

ими для своихъ цѣлей. Въ обществѣ онъ появлялся одѣтый съ исключительной тщательностью и держался на границѣ изысканной и непринужденной учтивости и ледяного равнодушія ко всему на свѣтѣ, какія часто характеризуютъ людей, не теряющихъ своего достоинства ни при какихъ обстоятельствахъ. Даже манеры, казалось, у него были другія, отличныя отъ тѣхъ, какія онъ обнаруживалъ въ бѣженской средѣ. Улыбка была мягче и тоньше, но глаза оставались одни и тѣ же — то вспыхивали, то потухали. Онъ умѣлъ и расположить къ себѣ мужчинъ, чуткихъ къ тонкостямъ свѣтскаго обращенія, и очаровать дамъ, которымъ казался натурой страстной и замкнутой. Особенно нравилась его прекрасная игра на рояли. Вспоминали, что, прежде чѣмъ поступить въ кавалергардскій полкъ, онъ долго колебался, не стать ли ему профессиональнымъ піанистомъ, однако, аристократическіе предрасудки взяли верхъ, и отецъ, старый генераль, настоялъ, чтобы сынъ его сдѣлалъ военную карьеру.

Въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно въ ударѣ. Его окружало нарядное общество. Бронзовая въ стилѣ декадансъ люстра ярко освѣщала большую, богато, нѣсколько тяжело убранную гостиную. Картины хорошей кисти тонули въ толстыхъ золотыхъ рамахъ, ковры въ тонъ мебели, частью старинной, частью современной, не легко укладывались въ одно общее впечатлѣніе ни съ полосами гобеленовъ, ни съ бронзой, украшавшей каминъ и этажерки. Дамы въ открытыхъ туалетахъ, молодыя и казавшіяся молодыми, мужчины нарядные, часто изящные и красивые, въ смокингахъ и фракахъ, создавали пеструю и праздничную толпу, блиставшую улыбками, искрами драгоценныхъ камней, бликами лакированныхъ ботинокъ. Не переставала улыбаться хозяйка дома, свѣтлая блондинка, съ пріятными, мягкими чер-

тами типичнаго славянскаго лица; когда она говорила, приоткрывая свои ослѣпительные бѣлые зубы, казалось, что это была счастливѣйшая женщина въ мірѣ. Въ улыбокѣ было что-то дѣтски-наивное и невинное, но голубые глаза свѣтились умомъ и энергіей. Говорили, что именно она помогла своему мужу, невзрачному и не особенно одаренному труженику, сдѣлать большую бюрократическую карьеру. Обходя гостей, она каждому изъ нихъ дарила нѣсколько любезныхъ и небанальныхъ словъ и каждой дамѣ умѣла бросить общающій взглядъ преданности и дружбы. Особое вниманіе удѣляла она тѣмъ дамамъ изъ чешскаго общества, которыя еще не успѣли освоиться съ новымъ положеніемъ и терялись тамъ, гдѣ было много иностранцевъ. Тамъ были депутаты и дипломаты и просвѣщенные коммерсанты и чиновники высшихъ степеней и два-три художника изъ тѣхъ, что бывали заграницей, и нѣсколько человѣкъ военныхъ, принадлежавшихъ къ французской и чешской арміи. Азбелевъ зналъ многихъ по прежнимъ отношеніямъ въ Петербургѣ, гдѣ въ свое время встрѣчался и съ хозяиномъ дома. Хозяинъ искренно любилъ русскихъ. Приглашеніе Азбелева на вечеръ означало въ его глазахъ своего рода знакъ вниманія, оказываемый и прежней и — какъ знать? можетъ быть, и будущей Россіи. Для концерта была выбрана русская пьеса: знаменитая сюита Аренскаго.

Хозяинъ тоже переходилъ отъ одной группы гостей къ другой, дѣлая видъ, что онъ всѣмъ интересуется и во всемъ принимаетъ участіе. Онъ послушалъ, что говорили въ одномъ углу о политикѣ, и сказалъ, что съ перемѣной правительства въ Англіи все пойдетъ хорошо. Безошибочно можно утверждать, что онъ сказалъ бы то же самое, еслибы говорили о перемѣнѣ, которая произошла на Мадагаскарѣ или въ Австраліи. Францу-

замъ и другой группѣ сообщилъ съ дружеской откровенностью, что такой могучей странѣ, какъ Франція, не страшны никакія перемѣны, на что одинъ изъ французовъ немедленно отвѣтилъ:

— Мы счастливы, что насъ понимаютъ именно здѣсь, въ сердцѣ славянства...

Женѣ онъ шепнулъ по дорогѣ: «пора разносить чай», Азбелева просилъ занять дамъ, расположившихся свѣтлыми пятнами на большомъ угловомъ диванѣ. Онъ представилъ его m-me Claudet, женѣ французскаго банкира, заѣхавшаго въ Прагу по пути изъ Вѣны въ Парижъ, чтобы навѣстить племянника, молодого дипломата, а кстати и получить понятіе о состояніи чешскихъ фондовъ. Мужъ и жена были такъ непохожи другъ на друга! Она — граціозная, маленькая, худощавая смуглянка съ длиннымъ аристократическимъ лицомъ, застѣнчивая, можетъ-быть, скупающая въ этомъ незнакомомъ ей сборномъ обществѣ. Онъ — развязный толстякъ съ вульгарнымъ бритымъ лицомъ. Все существо его говорило: умные люди умѣютъ пользоваться жизнью,—себя онъ, несомнѣнно, относилъ къ числу самыхъ умныхъ. У него были всезнающіе заплышіе жиромъ глаза, толстый животъ, и громкій раскатистый смѣхъ. Она смотрѣла утомленно и грустно. Что могло быть между ними общаго?

Этотъ вопросъ задалъ себѣ Азбелевъ, когда сравнилъ ихъ обоихъ. Онъ сказалъ банкиру пріятную фразу, что Франція занимаетъ положеніе генія міровой культуры, и услышалъ учтивый отвѣтъ, что культура челоувѣчества не двинется впередъ, пока мракъ не разсѣется надъ Россіей.

— Тогда пальмовыя вѣтви обѣихъ странъ навѣки соединятся и обезпечать спокойствіе и свободу всему міру...

Потомъ Азбелевъ очаровалъ двухъ чешскихъ дамъ разсказами о красотахъ Праги и особенностяхъ пражскаго барокко. Разсказалъ содержаніе пьесы популярнаго чешскаго драматурга, накануне прочитанной имъ въ русскомъ переводѣ и услышалъ отвѣтъ:

— Какъ это удивительно, что вы, русскіе, все знаете и за всѣмъ успѣваете слѣдить...

Но болѣе всего его вниманіе привлекла француженка, жена банкира. Онъ заговорилъ съ ней о Парижѣ, о Comedie Française, потомъ перешелъ къ музыкѣ, Она слушала его сначала безучастно, даже — показалось ему — разсѣяннo, но затѣмъ, когда онъ сказалъ, что музыка имѣетъ надъ нимъ роковую власть, взглянула на него пристальнѣе. Она могла бы замѣтить, если бы пожелала, что передъ ней былъ не будничныи посѣтитель салона, одинъ изъ многихъ, но челоѣкъ души глубокой и красиво очерченной. Въ глазахъ у него, когда они вспыхивали, была тревога и мысль, въ улыбка сквозили презрѣніе и горечь. Можно было заранѣе сказать, что онъ много страдалъ. Манеры были безукоризненны, языкъ — тоже. Это былъ челоѣкъ хорошаго, ихъ, парижскаго общества. Но было и еще что-то своеобразное, какіе-то изгибы, извилины, возбуждавшіе желаніе заглянуть въ него глубже...

Однако внѣшне m-me Claudet ничѣмъ не выразила своего любопытства. Разговоръ о музыкѣ продолжался.

— М-г Азбелевъ удивительный музыкантъ, — сказала хозяйка, налету подхвативъ нѣсколько словъ, — вы его услышите, дорогая m-me Claudet...

И упорхнула къ другимъ гостямъ.

M-me Claudet сдѣлала еле замѣтное движеніе головой: значить — учтиво приняла къ свѣдѣнію.

— Вы будете разочарованы, когда услышите меня послѣ такого вступленія, — сказалъ Азбелевъ, улыба-

ясь. — Я дѣйствительно обѣщаль сыграть что-нибудь, но я не профессиональный музыкантъ. Особенно, я не рассчитывалъ на честь быть услышаннымъ вами.

Онъ взглянулъ на ея ласковое, не улыбавшееся, скорѣе грустное лицо и подумалъ: «зачѣмъ я сказалъ этотъ пошлый комплиментъ?»

— Я давно не слыхала хорошей музыки, — замѣтила m-me Claudet, не обративъ вниманія на послѣднія слова Азбелева. — Осень мы провели у себя, на берегу моря, а затѣмъ уѣхали въ Вѣну, тамъ мой мужъ много занимался дѣлами. Я по вечерамъ оставалась одна... одинъ или два раза послушала оперу, но опера давно уже ничего не говоритъ моей душѣ. Вы знаете Вѣну?

— Да, я провелъ тамъ музыкальный сезонъ, занимаясь въ классѣ Лешетицкаго.

— Я слыхала это имя. Онъ умеръ?

— Да, уже нѣсколько лѣтъ...

И всматривался въ ея неправильныя, тонкія, аристократическія черты. Ни тѣни кокетства. Длиныя, подчеркивающія взглядъ рѣсницы. Носъ съ маленькой горбинкой. Маленькій ротъ съ еле замѣтными усиками на губѣ. Такихъ лицъ онъ много видалъ въ своей жизни, но раньше онъ привыкъ соединять съ ними выраженіе гордаго и властнаго женскаго ума, скрытаго обманомъ улыбки, игрой кокетства, паутиной соблазна. Здѣсь было — отсутствіе всякихъ желаній, покой въ себѣ, но безъ гармоніи, безъ счастья и безъ волненія.

Бесѣда продолжалась. Она не любитъ новую музыку, полную крикливыхъ эффектовъ. Она посѣщаетъ концерты, но предпочитаетъ, когда музыканты бываютъ у нея, въ ея маленькой гостиной. Тамъ музыка теплѣе и трогательнѣе, и больше въ ней тайны. Изъ современныхъ композиторовъ она цѣнитъ Равеля. Русская музыка ей напоминаетъ страницы тѣхъ книгъ о Россіи, гдѣ

разсказываютъ чудеса о безконечныхъ степяхъ и лѣсахъ.

— А я почему-то, — *ne trouvez-vous pas, que c'est bien naïf?* — я люблю все безконечное... Океанъ, бѣлая облака, русскую музыку... И — *imaginez - vous* — не люблю горь. Онѣ что-то ограничиваютъ, чему-то мѣшаютъ.

Она въ первый разъ улыбнулась и свѣтлѣе посмотрѣла на Азбелева, лѣниво, но не такъ равнодушно, какъ прежде, хотя онъ не сказалъ ничего особеннаго, только почтительно слушалъ, по временамъ наклоняя голову.

Подходили нарядныя дамы, мужчины, толстые, стройные, молодые, лысые... улыбались, говорили пріятныя фразы, отходили. Потомъ пили чай съ печеньемъ. Они отказывались отъ сладостей и фруктовъ. *M-r Claudet* вдвинулъ свой толстый животъ съ массивной цѣпью, въ пустое пространство между двумя стульями и замѣтилъ съ улыбкой, что о музыкѣ его жена можетъ говорить до утра. И откачнулся, чтобы продолжать разговоръ о важности международного страхованія банковъ. Азбелевъ не испытывалъ желанія отклоняться и вмѣшаться въ толпу гостей, въ поискахъ новыхъ знакомствъ и новыхъ впечатлѣній. Онъ постарался отдѣлаться отъ одного депутата, который поздравилъ его со свѣжей новостью: очередная попытка совѣтовъ завязать политическія связи съ Европой лопнула; любезно отказалъ дамѣ, влюбленно глядѣвшей на него, пріѣхать завтра къ обѣду; наскоро общалъ одному изъ офицеровъ притти на-дняхъ играть въ карты, — все для того, чтобы не покидать своего мѣста около *m-me Claudet*, чтобы не упустить ни одного движенія, ни одного взгляда. Но и движенія ея тонкихъ пальцевъ, перебиравшихъ страницы альбома, и взгляды были все тѣ

же, неизмѣнно учтивые и равнодушные. Подчасъ она улыбалась прівѣтливо и какъ бы свѣтло, однако, она такъ же улыбалась и другимъ.

— Вы много играете сами? — спрашивалъ Азбелевъ и думалъ: «мужа она не любитъ, это ясно, да и какъ любить этого быка?»

Да, она играетъ, иногда играетъ цѣлые вечера, и всегда влюбляется въ какія-нибудь пьесы, повторяетъ ихъ десятки разъ, а потомъ сразу оставляетъ, старается забыть, даже ненавидить.

— Какъ ненавидятъ прежнюю любовь, — сказала Азбелевъ.

Длиныя рѣсницы чуть замѣтно дрогнули и скрыли выраженіе глазъ.

— Не знаю, можетъ быть... Мнѣ кажется, я любила бы прежнюю любовь... Мы, впрочемъ, говоримъ съ вами о музыкѣ...

Х

Хозяйка подошла и просила перейти въ залу, гдѣ долженъ былъ состояться концертъ.

— Я буду играть для васъ, — сказала Азбелевъ.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же? — возразила m-me Claudet: — здѣсь, видимо, такъ много цѣнителей вашего искусства.

Азбелевъ смутно чувствовалъ, что его музыка будетъ воспринята именно такъ, какъ ему хотѣлось — какую бы пьесу онъ ни игралъ. Онъ вѣрилъ, что чувства, какъ парусъ, вздымаемый вѣтромъ, можно направлять въ любую сторону, и что музыка — вѣрнѣйшее средство къ этому господству. Онъ заранѣе былъ увѣренъ, что m-me Claudet глубже восприметъ его игру послѣ тѣхъ немногихъ и въ прямомъ смыслѣ незначи-

тельныхъ словъ, какія онъ сказалъ. Слова должны были насторожить вниманіе, звуки — покорить сердце. Онъ угадывалъ, что покорить это сердце, одинокое и грустное, поможетъ музыка грустная и нѣжная, проникнутая лиризмомъ одинокой, страдающей души.

Гости наполнили довольно просторный бѣлый залъ. Стулья были разставлены полукругомъ, огибая уголь, гдѣ стояли два рояля съ поднятыми крышками. Шумныя рукоплесканія раздались, когда хозяйка подвела Азбелева къ роялю. Въ лестныхъ выраженіяхъ представила его гостямъ, а вмѣстѣ съ нимъ и полную, мясистую піанистку съ оголенными могучими руками, съ большими чувственными глазами, самодовольно смотрѣвшими изъ-подъ низкаго лба. Черты лица — упругія и крѣпкія, какъ плечи и грудь, колыхавшая складки открытаго концертнаго платья. Кожа смуглая, почти темная. На груди, у шеи, усыпанный камнями кулонъ переливался острыми, разноцвѣтными искрами. Азбелевъ почти-тельно поцѣловалъ у нея руку и сказалъ, что онъ проситъ не судить его строго и во всякомъ случаѣ подѣлиться съ нимъ вдохновеніемъ. Она засмѣялась, толстыя губы зашевелились. Азбелевъ не разслышалъ, что она отвѣтила. Онъ отыскалъ въ первомъ ряду справа *m-me Claudet* и глазами улыбнулся ей. На этотъ разъ ему показалось, что и она отвѣтила ему тою же улыбкой, значитъ, она поняла, что онъ будетъ играть для нея.

«Какъ ее зовутъ? — Надо будетъ узнать» — подумалъ, усаживаясь и провѣряя ноты. Ему хотѣлось, чтобы ее звали Ниной... *Ninette...* *Ninon...* «Нѣтъ, по-французски это не такъ красиво — русское «Нина» непереводимо»...

Съ первыхъ же ударовъ Азбелевъ почувствовалъ, что его партнерша вложила блескъ и огонь въ свою

игру, какихъ у нея не было наканунѣ, когда они репетировали пьесу. «Молодецъ толстуха», — мелькнуло у него, и ему стало радостно. Крылья, что высоко поднимали его надъ міромъ, когда онъ игралъ, не будутъ подрѣзаны нечуткой и невдохновенной партнершей. Напротивъ, чѣмъ дальше развертывалась эта радостная, стремительная, какъ волна водопада, сюита, тѣмъ глубже становилось единство гармоніи и ритма, тѣмъ радостнѣе и самозабвеннѣе растворялась душа въ мгновеніяхъ, общавшихъ блаженство и вѣчность. Какъ въ этихъ мгновеніяхъ ликующе и безсмертно переливалась жизнь — своя, чужая, всего человѣчества, что можетъ страдать, наслаждаться и мыслить! Какой радостный и знойный вихрь безгорестной страсти подхватывалъ и опьянялъ душу! Не было ничего вокругъ — ни блага зала, ни нарядныхъ гостей, ни даже *m-me Claudet*... Одна красота сжигала душу тоской о безсмертіи... тоской и страстью жить безконечно, только бы жить — полноцѣнно, полнозвучно, не разрѣшаясь ничѣмъ, даже любовью!

Послѣдній аккордъ! Мгновеніе мрака, паденіе на землю, болезненное и неизбежное. Невѣдомая сила, заживавшая сердце, ушла, руки упали. Артисты оказались во власти толпы. Глаза еще горѣли вдохновеніемъ, но блѣдныя губы, въ отвѣтъ на рукоплесканія и привѣты, произносили уже учтивыя, привычныя, земныя слова. И, какъ всегда, Азбелевъ инстинктивно почувствовалъ, что толпѣ не передалось его настроеніе. Удивлялись, восхищались, благодарили, но не горѣли его огнемъ. И черезъ нѣсколько минутъ его сердце остыло, и онъ сталъ, какъ всѣ. Толстая партнерша убѣждала предпринять артистическое турнэ, жена иностраннаго посланника умоляла сыграть у нея на ближайшемъ праздникѣ, хозяинъ шепталъ то одному, то другому изъ своихъ гостей:

— О, вы увидите, до чего доиграются еще эти русскіе варвары!

Хозяйка принимала комплименты съ такими счастливыми глазами, невинными и нѣсколько смущенными, какъ будто это она вызвала такіе восторги своей игрой. М-г Claudet дотронулся до его плеча и одобрилъ:

— J'ai rarement eu un ainsi grand plaisir, même à Paris. N'est-ce pas, Lise?

М-me Claudet улыбнулась. «Наконецъ-то по-настоящему», — подумалъ Азбелевъ и тоже улыбнулся, наклоняя голову: «значить, ее зовутъ Lise, это, пожалуй, лучше».

— Я надѣюсь, — сказала она, глядя на мужа, — м-г Азбелевъ посѣтитъ насъ въ Парижѣ, n'est-ce pas, Jean?

— Конечно, милости просимъ. Grand artiste et gentilhomme russe... je serai charmé...

Толстый депутат подошелъ и отвелъ м-г Claudet. М-me Claudet помедлила нѣсколько секундъ, не зная, отойти ли ей вмѣстѣ съ мужемъ, или продолжать начатый разговоръ съ Азбелевымъ. Теперь она взглянула на него какимъ-то страннымъ и тревожнымъ взглядомъ, котораго Азбелевъ не понималъ.

— Вы не человѣкъ профессіи... я хочу сказать — вы играете только для себя...

— Въ эту минуту — сказалъ Азбелевъ, внезапно понизивъ голосъ до страстнаго шопота, безъ улыбки, — я хотѣлъ бы играть только для васъ...

Она смутилась, и рука ея нервно заиграла лорнетомъ:

— Я одна изъ многихъ.

Глаза Азбелева вспыхнули. Возбужденіе отъ игры, только что улегшееся, охватило его съ новой силой, и въ порывѣ какого-то изступленнаго вдохновенія, слов-

но опять подхваченный безумной мечтой о красотѣ и безсмертіи, почти не помня себя, онъ заговорилъ, торопясь и обрывая слова:

— Можетъ быть, это вамъ покажется страннымъ, но есть мгновенія, когда одинокіе и непонятые люди находятъ себя въ музыкѣ и говорятъ языкомъ духовнаго сродства, сочувствія, иногда — даже надежды...

Она вопросительно и испуганно посмотрѣла на него, сдѣлала еле замѣтное движеніе, но онъ продолжалъ:

— Я считаю не минуты, но секунды, чтобы сказать вамъ... чтобы закрѣпить этотъ моментъ... Я повторяю, если я буду играть, то я буду играть только для васъ.

По ея лицу пробѣжала тѣнь тревоги, но уже не смущенія. Однако, она постаралась улыбнуться:

— Вы очень любезны...

— О, нѣтъ, здѣсь не любезность...

Подошла сіяющая хозяйка:

— Мы горимъ желаніемъ еще послушать вашу чудную игру.

Онъ поклонился и пошелъ къ роялю. Гостей въ комнатѣ стало меньше. Часть мужчинъ разошлась по другимъ комнатамъ, но дамы тѣснѣе сдвинулись около рояля. Запахъ духовъ, улыбки и взгляды ласкали нервы. Въ залѣ стало уютнѣе и теплѣе. Азбелевъ опустил крышку и повернулся въ ту сторону, куда хозяйка усадила m-me Claudet:

— Что прикажете?

Нѣсколько секундъ молчанія. Потомъ послышались робкіе голоса: Бетховена... Шопена... Скрябина... Онъ пристально посмотрѣлъ на m-me Claudet, но она молчала. Глаза ея приняли прежнее выраженіе учтиваго равнодушія.

— Вашу импровизацію! — раздалось увѣренное, густое контральто толстой піанистки.

M-me Claudet подняла глаза туда, откуда донеслись эти слова, и сдѣлала еле замѣтное движеніе головой, которое Азбелевъ принялъ, какъ знакъ согласія. Онъ на минуту задумался, кладя на клавиши свои тонкіе, сильные пальцы, и назвалъ тему:

— L'inévitable.

Заструилась тихая жалоба. Какая? О чемъ? Набѣгали свѣтлыя чувства, темнѣли, складывались въ образы, не новые, проносились слова, тоже старыя, но поновому зажигавшія душу. Видитъ ли кто одинокій, нѣжный цвѣтокъ, распустившійся на сгибѣ каменной стѣны. До земли не добратся, корни упираются въ мертвую глыбу, а горячее солнце поманитъ, посмѣется и уйдетъ, набросивъ холодную тѣнь равнодушія и забвенія. Только вѣтеръ дышетъ ароматами травъ и лѣсовъ, шепчетъ волшебныя пѣсни объ иныхъ роскошныхъ цвѣтахъ, что гордо блистаютъ, что привлекаютъ къ себѣ прекрасныя взоры живыхъ, восторженныхъ глазъ. Шепчетъ о безконечныхъ просторахъ луговъ и о тайнахъ, манящихъ, соблазняющихъ тайнахъ, обо всемъ, что удастся подслушать вѣтру на вечерней зарѣ, когда для вздоховъ и сладостныхъ словъ открываются любящія сердца. Пѣль вѣтеръ и другую пѣсню бѣдному одинокому цвѣтку... Легкія, прозрачныя облачка соберутся къ ночи въ грозную тучу. Посыплются молніи, эти небесныя стрѣлы, раздадутся страшные раскаты грома, звѣремъ обернется вѣтеръ, размететъ тучи, ударитъ о землю, зашумитъ по крышамъ, чтобы напомнить людямъ о грозѣ и небѣ. Не станетъ послѣ бури случайнаго гостя каменной стѣны — бѣднаго, милаго цвѣтка. Вѣтеръ не пожалѣетъ о немъ, только прошелеститъ: одинокому не жить на свѣтѣ...

Играль Азбелевъ и зналъ: по-своему восприметь m-me Claudet символику его музыки, но чувство проберется въ ея сердце и разбудить въ немъ жуткую мысль, быть можетъ — мечту о свободѣ и солнцѣ. Пусть въ мысляхъ ея не встанетъ цвѣтокъ на сгибѣ сѣрой стѣны! Пусть это будетъ привычный образъ маленькой, хрупкой птички въ золотой клѣткѣ! Пусть женская душа, безъ всякаго образа, сожмется въ ужасъ и холодъ погребенія заживо, — она раскроется вся, всѣмъ пыломъ желаній и грезъ, навстрѣчу ласковой нѣгѣ, обѣщаніямъ страстной и пышной весны. Надо лишь, чтобы усталое сердце повѣрило, что за прутьями клѣтки есть безграничный просторъ, что за стѣнами дворца есть рѣки, лѣса и горы, есть сильные орлы — они могутъ унести то, что полюбятъ, въ недосягаемую высь, на вершины самыхъ высокихъ горъ, гдѣ свѣтъ и просторъ и свобода!

Шумныя рукоплесканія раздались, когда Азбелевъ призывнымъ радостнымъ аккордомъ окончилъ свою фантазію.

— Charmant, délicieux! — слышалось вокругъ.

Хозяйка поднесла ему роскошную темную розу. Смущенный и взволнованный, Азбелевъ улыбался, медленно двигаясь къ тому креслу, у котораго, держась за ручку, стояла m-me Claudet. Она смотрѣла на него умиленно и восторженно, вся преображенная, готовая, какъ жетъся, и смѣяться и плакать.

— Что вы сдѣлали со мной? — тихо, тономъ ласковаго упрека произнесла она, когда онъ почтительно нагнулся и цѣловаль ея руку. — Я не усну эту ночь...

— Я играль для васъ... я хотѣлъ бы безъ словъ, одними звуками разсказать вамъ то, чего не говорилъ и самому себѣ.

Она испытующе посмотрѣла ему въ глаза.

— Зачѣмъ?

Онъ прошепталъ ей стихомъ любимаго поэта, инымъ словомъ не схваченную мысль:

La musique souvent me prend comme une mer!

Помолчавъ, она добавила медленно, словно нехотя, отводя глаза отъ его красиваго лица, еще хранившаго слѣды вдохновенія:

— Я васъ боюсь. Если вы будете у насъ въ Парижѣ, общайтесь мнѣ, что вы уйдете тотчасъ же, какъ я попрошу васъ объ этомъ.

Азбелевъ грустно улыбнулся.

— Ваша просьба напрасна, — сказалъ онъ, любясь прозрачной красотой ея грустно-лучистыхъ глазъ.

— Почему?

— Потому что тамъ, при нашей новой встрѣчѣ, моей воли не будетъ. Тамъ моя воля станетъ вашей.

Къ нимъ подошла толстая піанистка съ двумя другими дамами и насмѣшливо обратилась къ m-me Claudet:

— Берегитесь, сударыня, ваше сердце въ опасности! М-г Азбелевъ — опасный человѣкъ.

Азбелевъ почтительно наклонилъ голову и нарочно выждалъ нѣсколько секундъ, чтобы за него отвѣтила m-me Claudet.

— О, я къ такимъ опасностямъ приучена съ дѣтства, — сказала она. — Я выросла въ очень музыкальной семьѣ, и надѣюсь, что *le bon Dieu* поможетъ мнѣ преодолѣть и эту.

Она засмѣялась, и на минуту глаза ея стали веселыми, мечущими искры.

Смѣялся и Азбелевъ, сдержанно, почтительно и съ той же мѣрой веселости, какую зажигали въ немъ ласковые лучи ея глазъ.

— Вы очень любезны, — сказала онъ, обращаясь къ m-me Claudet, — отъ той опасности, которая вамъ угрожала бы, я берусь васъ легко избавить. Но кто спасетъ меня отъ того, что меня ожидаетъ?

Онъ нарочно выразился неясно. Она пойметъ. Онъ былъ увѣренъ. Вѣдь музыка и то, что было сказано послѣ, создали возможность особаго — тайно вибрирующаго языка, который не требуетъ словъ.

— Съ этой опасностью вы справитесь сами, — сказала m-me Claudet. — Итакъ, до Парижа.

Она взглянула на Азбелева и отошла къ другимъ дамамъ.

XI

Послѣ ужина молодежь танцевала въ залѣ. Люди солидные собрались въ кабинетъ и, уютно размѣстившись на диванахъ и креслахъ, бесѣдовали группами, курили, пили ликеры. Хозяину незачѣмъ было переходить то къ однимъ, то къ другимъ, завязывая бесѣды и знакомства. Группы уже намѣтились. Направо у окна, раскрытаго въ теплую весеннюю ночь, сіявшую звѣздами надъ тихимъ садомъ, сидѣли крупные промышленники и хлопотали около высокаго сухопараго американца съ трубкой въ зубахъ. Толстый, съ обрюзгшими щеками и заплывшими хитрыми глазками заводчикъ что-то живо доказывалъ американцу, на что тотъ неизмѣнно цѣдилъ сквозь зубы:

— O, yes... O, yes... all right.

Потомъ, неожиданно уставившись въ сосѣда справа, который почтительно слушалъ, не говоря ни слова, американецъ спросилъ отрывисто, почти рѣзко:

— Почему у васъ нѣтъ телефоновъ? Въ странѣ, гдѣ нѣтъ телефоновъ, работать нельзя.

И снова обратился къ толстяку, не дожидаясь отвѣта:

— Америка охотно заинтересуется вашей страной, потому что вы — люди здоровые и честные.

И снова заводчикъ говорилъ ему, энергично ломая языкъ, о двигателяхъ и котлахъ, и снова слышалось безконечное:

— O, yes... O, yes... quite right.

У стола, гдѣ сидѣлъ Азбелевъ, текла, пересыпаясь сдержаннымъ смѣхомъ, по временамъ страстно вскипая, бойкая французская рѣчь.

Упитанный заѣзжій дипломатъ, старый знакомый Азбелева, допрашивалъ его:

— Когда же вы вернетесь въ Россію?

Азбелевъ, котораго всегда раздражали подобные вопросы, нервно отвѣчалъ:

— Тогда, когда у васъ во Франціи поумнѣютъ.

Дипломатъ не обидѣлся. Онъ зналъ, что тонъ Азбелева относился къ переменѣ курса французской политики, а переменѣ этой онъ и самъ не сочувствовалъ. Онъ улыбнулся только.

— Не легкую задачу возлагаете вы на насъ... когда же вы откроете Россію?

— Когда вы перестанете намъ мѣшать. Когда вы откажетесь рѣшать шараду, въ какомъ состояніи выгоднѣе вамъ превратить Россію въ игрушку вашихъ экономическихъ притязаній.

Дипломатъ подвинулъ къ нему кресло и протянулъ золотой портсигаръ.

— Не въ насъ, французамъ, дѣло. Вы понимаете, что мы не можемъ остановить движенія, вызваннаго войной. Война продолжается — война всѣхъ противъ всѣхъ. Ареной этой войны служить Россія и Востокъ въ цѣломъ. Недавно мнѣ пришлось говорить въ Парижѣ; я

утверждалъ, что арена эта — фикція, такая же роковая фикція, какъ та, что повела къ міровой войнѣ. Но что вы хотите? Мы не можемъ отстать отъ тѣхъ, что жадными глазами смотрятъ на Востокъ. Здѣсь уже политика отдаетъ ключи вѣсамъ и мѣрамъ.

Азбелевъ помолчалъ съ минуту, задумчиво слѣдя за колечками дыма папиросы и вслушиваясь въ нелѣпые звуки нелѣпаго моднаго танца; сказалъ:

— Да, вы правы. Мы живемъ въ области фикцій или, вѣрнѣе — вы, а не мы. Россія будущаго, какъ Соединенные Штаты, послѣ періода борьбы за свое бытіе, съ иллюзіями покончить, а васъ онѣ погубятъ, потому что вы не знаете ни Россіи, ни Востока.

Дипломатъ внимательно посмотрѣлъ на Азбелева.

— Другъ мой, вы ошибаетесь. Мы уже не такъ глупы, какъ были передъ войной. Мы понимаемъ, что игра съ огнемъ къ добру не приводитъ. Но мы — онъ понизилъ голосъ до шопота — мы... я скажу вамъ странную вещь; мы беспомощны во всемъ, что касается Россіи. Мы, французы, энтузіасты прежде всего. Намъ мало знать, намъ нужно вѣрить, во что вѣримъ. А во что же мы можемъ повѣрить относительно Россіи? Вы говорите, что мы имѣемъ притязанія на Россію. Нѣтъ, мы сдерживаемъ аппетиты другихъ державъ — это политика момента, а сами хотимъ только одного: мира и покоя для Франціи. Всемирнаго владычества намъ не нужно. Нашъ идеалъ на Востокъ — сильная Россія, какое бы правительство ни стояло во главѣ, демократическое или даже монархическое, только безъ этихъ — онъ подыскивалъ слово и не нашелъ — безъ этихъ господъ. Для этой сильной Россіи мы все готовы сдѣлать, но скажите: съ кѣмъ же намъ итти? А въ интересахъ Франціи мы, пойдемъ хоть съ дьяволомъ, если онъ обезпечитъ намъ успѣхъ.

— Это хорошій союзъ, — замѣтилъ Азбелевъ, глаза котораго вспыхнули.

— О да, вы совершенно правы, но мы, французы, несчастливы даже въ поискахъ дьявола.

«Какія у нихъ несвѣжія мысли!» — сокрушенно подумалъ Азбелевъ.

— У насъ всѣ пути къ дьяволу приводятъ къ хорошенькимъ женщинамъ, ха-ха-ха... — продолжалъ французъ, — а хорошенькія женщины даже большевиковъ не боятся. Еслибы вы видѣли, какіе брилліанты были на этой... этой, какъ ее... ну, забылъ... такая, знаете, мужицкая фамилія... Но, — онъ постарался сдѣлать серьезное лицо, — вы знаете силы, на которыя можно положиться?

Азбелевъ улыбнулся глазами, — они у него стали меньше, насмѣшливѣе, какими они всегда бывали, когда ему хотѣлось подразнить собесѣдника.

— Знаю, — произнесъ онъ и загадочно посмотрѣлъ въ окно.

Лицо дипломата выразило любопытство.

— Въ самомъ дѣлѣ? Скажите.

— Ихъ двѣ — Азбелевъ сдѣлалъ удареніе на этомъ «двѣ»: — одна — терпѣніе, другая — богиня Фортуна...

— О да, это очень остроумно, — воскликнулъ французъ, — но у насъ нѣтъ ни той, ни другой.

— Позвольте мнѣ пояснить мою мысль, — полусуто, полусерьезно перебилъ его Азбелевъ, положивъ руку на спинку кресла, гдѣ сидѣлъ дипломатъ. — Всѣмъ управляетъ случай, Фортуна. Конечно, простой случай, за которымъ стоятъ дѣйствія глупыхъ и ничтожныхъ людей, привелъ къ тому, что большевики завладѣли Россіей. Отъ случая они и погибнуть. Наша роль — вооружиться терпѣніемъ и ждать, пока это совершится.

— И... какъ бы это выразиться? — Не ускорять

событій? — осторожно и вкрадчиво, не глядя въ лицо Азбелеву, спросилъ дипломатъ. Азбелевъ тоже опустилъ глаза и загадочно отвѣтилъ:

— По мѣрѣ возможности... кто какъ понимаетъ...

Къ нимъ подсѣлъ высокій, красивый чехъ, еще не старый, плотный, пышавшій энергіей и здоровьемъ. Въ чертахъ лица и въ выраженіи широко и увѣренно открытыхъ глазъ чувствовалась спокойная воля и твердость. Лицо не широкое, не скуластое, носъ съ горбинкой, тонкія губы безъ насмѣшливой складки — все это могло вызвать предположеніе о неславянскомъ происхожденіи, однако онъ являлся представителемъ одного изъ старѣйшихъ чешскихъ родовъ. Французскій дипломатъ тотчасъ же связалъ новое лицо нитью общей бесѣды.

— М-г Патекъ, помогите намъ. Вотъ я и мой старый другъ м-г Азбелевъ не можемъ найти выхода изъ того труднаго положенія, въ которомъ оказалась сейчасъ Европа. Особенно достается намъ, дипломатамъ. Когда старушкѣ Европѣ, чтобы омолодить ее, пускаютъ кровь, насъ бранятъ за то, что мы долго оставляли хирурговъ безъ дѣла. Когда же больная послѣ операціи истекаетъ кровью, насъ упрекаютъ въ безсиліи. Вы, чехи, трезвый и разсудительный народъ. Ваша мудрая политика уже такъ много сдѣлала для европейскаго мира. Вотъ mon ami Азбелевъ говоритъ, что все, comment le dites - vous en russe?... tout s'arrange...

— Образуется, — подсказалъ Азбелевъ.

— Образуется, — повторилъ французъ: — нужны только терпѣніе и Фортуна, прелестная богиня — мой другъ говоритъ только о прелестныхъ женщинахъ — нужны удача и счастье. А я думаю — для мира и благоденствія Европы еще что-то нужно...

Патекъ оживился. Онъ поставилъ кресло такъ, что могъ одновременно бесѣдовать, не поворачивая головы,

и съ Азбелевымъ и съ дипломатомъ, и закурилъ «виржинку».

— Дорогой Chartier, вы знаете мой взглядъ. Въ жилъ Европы надо влить свѣжую кровь, и эту кровь дастъ вамъ славянство. Пока вы будете отдыхать и оправляться отъ ранъ и потрясеній, нанесенныхъ войной, славянство соберется съ силами и заложить новую основу политики. Эта политика въ интересахъ самого славянства будетъ направлена къ миру на Западѣ и на Востокѣ.

Французъ неопредѣленно развелъ руками. Азбелевъ меланхолически улыбнулся.

— Безъ Россіи, — сказалъ онъ — и глаза его загорѣлись темнымъ блескомъ, — все равно никакой нормальной политики не будетъ, кромѣ той, которая заставляетъ кошку отъ преслѣдованія собакъ все выше забираться на дерево. Безъ Россіи нѣтъ ни Европы, ни Азіи, ни Славянства. Чехія одна будетъ героически бороться за свою судьбу.

Лицо француза приняло озабоченное выраженіе.

— Что вы хотите, чтобы мы дѣлали? Дайте намъ вашу Россію...

— Не мѣшайте намъ, — вставилъ Азбелевъ.

— Мы посылали и солдатъ и снаряженіе — и что же вышло?

— Вы поступали именно такъ, — горячо возразилъ Азбелевъ, — какъ было на руку большевикамъ. Вы играли въ интервенцію въ то время, когда вопреки всякимъ дурацкимъ разсужденіямъ она могла быть удачной. Если я послѣ всѣхъ вашихъ неумныхъ опытовъ и ошибокъ все же остаюсь, какъ вы знаете, неизмѣннымъ другомъ Франціи, то это лишь потому, что безспорно знаю: вы поступали такъ вслѣдствіе вашего, простите, полнѣйшаго незнанія Россіи.

— Соображенія были разныя, — замѣтил Chartier.

— Вы были искренни, — продолжалъ Азбелевъ, дѣлая жестъ рукой, требовавшій вниманія. — Да и не въ вашихъ интересахъ было разрушать Россію. Но въ бирюльки играть нельзя. Вы были искренни, повторяю. Иное дѣло англичане, наши исконные враги. Тѣ прямо свою карту ставили на большевиковъ.

Патекъ будто не слушалъ. Онъ продолжалъ свою мысль, упорно занимавшую его:

— Пусть англичане и нѣмцы выдумываютъ ядовитые газы, чтобъ отравлять человѣчество... — заговорилъ онъ.

Азбелевъ усмѣхнулся, и глаза его снова блеснули:

— Полезное дѣло.

Патекъ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Можетъ быть, и полезное, — замѣтилъ онъ съ усмѣшкой, но не для насъ, славянъ. На газы мы не хотимъ тратить средствъ. Мы тратимъ ихъ на другое.

Господа, — продолжалъ онъ одушевляясь, — развѣ вы не видите, что дѣлается въ Прагѣ? Загляните въ университеты, лабораторіи, библіотеки... сотни профессоровъ, тысячи студентовъ... Другія тысячи работаютъ надъ изученіемъ сельскаго хозяйства... Третьи готовятъ себя въ учителя, четвертые въ инженеры... У насъ нашли себѣ пріютъ не только русскіе, число которыхъ, какъ вы знаете, велико, но и украинцы, и кавказцы и всякіе иные народы... Посильно мы всѣмъ имъ оказываемъ помощь, когда они говорятъ намъ, что хотятъ мирно работать и учиться. Если это политика, господа, то согласитесь, совершенно исключительная въ Европѣ.

— Въ новой Европѣ! — усмѣхнулся Азбелевъ.

— Да, въ новой Европѣ, не смѣйтесь! Она должна родиться здѣсь, гдѣ родилась и великая мудрость исти-

ны: если люди не волки, не надлежитъ имъ грызться по-волчьи...

— А нѣмцы? — ядовито спросилъ Азбелевъ.

— Не безпокойтесь, и нѣмцы будутъ добрыми сосѣдями. Нѣмцы — умный и практичный народъ, знаютъ, что стѣну лбомъ прошибать не слѣдуетъ!..

Chartier не улыбался. Онъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ и что-то глубокомысленно соображалъ.

— Вотъ видите, — сказалъ онъ наконецъ, любясь перстнемъ на выхоленной рукѣ, — какъ трудно привести къ согласію политическіе взгляды представителей даже трехъ національностей, людей, во всемъ прочемъ отлично понимающихъ другъ друга. Я горячо желаю успѣха славянству. О, вы знаете, какъ я люблю славянъ!

И Азбелевъ и Патекъ хотѣли что-то сказать, но въ это время другіе гости шумно поднялись, благодаря хозяина и направились къ выходу. Пришлось кончать бесѣду. Было уже поздно — половина четвертаго.

— Мы еще поговоримъ, — шепнулъ Chartier Азбелеву, — а вы подумайте надъ тѣмъ, что я вамъ сказалъ: кому же помогать и на кого опираться? Вѣдь не на тѣхъ же, кто погубилъ Россію.

— Бросьте предрасудки, — быстро отвѣтилъ Азбелевъ, вставая: помогайте всѣмъ, кто станетъ уничтожать разбойничью банду. Этимъ поможете самимъ себѣ. Помогайте социалистамъ, помогайте монархистамъ, помогайте дьяволу, если онъ пойдетъ къ вамъ на службу...

Патекъ улыбнулся, неопредѣленно глядя на Азбелева:

— Нѣтъ, съ дьяволомъ мы не поидемъ. Намъ для нашей работы нужны люди, а не черти...

Азбелевъ направился къ выходу. Онъ былъ недоволенъ, что принималъ участіе въ политической бесѣдѣ.

«Слово хорошо — когда за нимъ сила или ручная граната въ рукѣ, а безъ этого оно — одинъ блудъ».

Въ просторной передней, внизу, Азбелевъ еще разъ встрѣтился съ супругами Claudet и еще разъ получилъ приглашеніе. Онъ поклонился и вопросительно посмотрѣлъ на m-me Claudet, у которой глаза снова были грустны, можетъ быть, утомлены — темный полукругъ только подчеркнулъ ихъ выразительность, ушедшую въ глубину.

— Venez, — еле слышно произнесла она и не улыбнулась.

Азбелеву запомнилось ея черное шелковое манто, изящный мѣшочекъ въ рукѣ и легкій желтый шарфъ, накинутый на голову. Онъ прослѣдилъ взглядомъ, какъ на подъѣздѣ маленькая стройная ножка въ шелковомъ сѣромъ чулкѣ и черной туфелькѣ поднялась на ступеньку и исчезла въ темной глубинѣ автомобиля. Увидавъ грузную фигуру банкира возлѣ открытой дверцы, онъ отвернулся.

XII

— Славянство? — говорилъ высокій лысый профессоръ Агѣевъ молодому, красивому юношѣ въ очкахъ съ лицомъ интеллигентнымъ и породистымъ: — славянство — та сила, что призвана удержать народы Европы и Азіи въ равновѣсіи.

Рядомъ сидѣлъ Азбелевъ, хмурый и блѣдный. Онъ въ споръ не вступалъ и только нервно теребилъ свою бородку. Слушалъ внимательно.

Молодой человѣкъ, Георгій Александровичъ Картацевъ, не соглашался съ профессоромъ и упорно отстаивалъ свою точку зрѣнія: или славянство пойдетъ

вмѣстѣ съ Востокомъ, усвоивъ его мудрость, или погибнетъ въ цѣпяхъ европейской политики и лицемѣрія.

— Пора міру начинать новую жизнь, — сказалъ профессоръ. — Пора снова развивать идеи объ общемъ міровомъ хозяйствѣ и равенствѣ всѣхъ за трапезнымъ столомъ.

— Но позвольте, — возразилъ Картавецъ, — вѣдь надо же предварительно измѣнить тотъ порядокъ, при которомъ одни желаютъ сидѣть господами за трапезой, а другіе, голодные, должны подавать имъ блюда. Ваша Европа не желаетъ отказаться считать славянъ своими рабами, и въ то время, какъ вы льнете къ ней и хватаетесь за пресловутое греко-римское преданіе, будто бы лежащее въ основѣ ея фальшивой цивилизаціи, она издѣвается надъ вами и на вашъ идеализмъ отзывается систематической организаціей подлости и предательства. Простите меня, если я потревожу священные тѣни вашихъ предшественниковъ. Но вѣдь только ихъ бездарности обязаны мы тѣмъ, что изъ здоровой въ корнѣ идеи славянофильства не вышло теоріи всеславянскаго политическаго и культурнаго единенія. Мы, русскіе, были въ исключительномъ положеніи. Мы были сильны, могучи, правительство у насъ было глупое, которое всегда можно было занять патріотическими игрушками а всѣ эти Григоровичи, Срезневскіе, да Ламанскіе — что они дѣлали? Занимались корнесловіями, да шушукались со славянскими дѣятелями, да съ умиленіемъ повторяли слова лѣтописца: мы-де, славяне, никакъ между собой сговориться не можемъ... и вмѣсто того, чтобы властно поставить на очередь идеалы всеславянскаго освобожденія и единенія, мы у себя усвоили робкій, часто подхалимскій тонъ, ожидая указаній свыше, гдѣ никакихъ на этотъ счетъ идей не было. Вѣдь умѣли же мы когда-то поставить ребромъ вопросъ о

крѣпостномъ правѣ и такъ его поставили, что самодержавіе дрогнуло, а здѣсь задача была исторически не менѣ важная...

— Мысли здравыя, — замѣтилъ Азбелевъ, пытливо глянувъ въ лицо Картавцева, — особенно если понимать ихъ такъ, что за идеей должна слѣдовать сила. Безъ силы идея ничто, для этой то силы намъ и нужна Россія, могучая, безъ обсъдающей ее дряни...

— Эхъ, молодой человѣкъ, — покачалъ головой профессоръ, добродушно улыбаясь: — исторія идетъ своими путями, все складывается постепенно, — славянское корнесловіе, и почтенные труды Срезневскаго и Ламанскаго, и дѣятельность Григоровича были необходимы для того же всеславянскаго единенія... Наконецъ, вы забываете Кирѣевскихъ, Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ: развѣ ихъ дѣятельность не развивалась съ почтеннымъ достоинствомъ, а иногда и съ большою гражданской смѣлостью?

— Нѣтъ, эти имена мы помнимъ. Но пора перестать смотрѣть назадъ. Надо думать о будущемъ.

— А исторія, она для васъ ничего не значитъ?

— Исторія? Исторія не слагается изъ фактовъ. Она — послѣдовательное накопленіе нашихъ представленій о томъ, что уходитъ въ прошлое. Гдѣ порука, что въ движеніи историческихъ событій лежитъ логическая закономерность, какую мы въ немъ предполагаемъ, а не тѣ механическіе законы сцѣпленія частицъ, въ которыхъ то, чего мы не понимаемъ и что мы называемъ случайностью, имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ логически учитываемые факты?

Профессоръ слушалъ разсѣяннo, со скучающимъ видомъ. Но Картавцевъ не замѣчалъ этого.

— Оставимъ философію, — продолжалъ онъ, —

скажите: почему мы сейчас не можемъ договориться со славянами?

— Можетъ быть, — вставилъ Азбелевъ, — и договариваться не стоитъ, пока нѣтъ Россіи.

— Вотъ и мы то же говоримъ, — подхватилъ Картавецъ, — сейчасъ всякій сговоръ — только усиленная распродажа нашей родины. А договориться мы не можемъ потому, что мы, русскіе, чехи, сербы, славяне вообще не умѣемъ заключать нашихъ домашнихъ распрей въ предѣлы нашихъ границъ, а дѣлаемъ ихъ предметомъ международной политики. А послѣдняя и отзывается на нихъ какъ ей выгоднѣе, стараясь изъ насъ сдѣлать звѣринецъ въ общей клѣткѣ...

Профессоръ строго остановилъ его:

— Чеховъ исключите. Они къ вашей характеристикѣ не подходятъ. Здѣсь чеховъ нѣтъ и въ лести вы меня не заподозрите.

— И чехи тоже! — съ жаромъ возразилъ Картавецъ: — возьмите ихъ печать: что за тонъ! что за узость въ пониманіи современныхъ задачъ! Что за грубость въ полемическихъ приемахъ! Назовите мнѣ хоть одного публициста, который ставилъ бы проблему широкаго европейскаго, если не мірового, значенія!

— И назову, и даже не одного! — спорилъ профессоръ. — Но дѣло не въ публицистахъ. Не забывайте, что чешская печать только со вчерашняго дня стала свободной. Естественно, что сначала ей хочется занять домашними дѣлами. Но замѣтьте одно — раздражающій васъ тонъ чешскихъ газетъ, вражда партій, недовольство тѣми или иными правителями — все это доказываетъ только, что съ извнѣ странъ не угрожаетъ никакая опасность. Но пусть явится хотя бы легкій признакъ этой опасности, и распри и внутренняя вражда исчезнутъ, какъ дымъ! Всѣ чехи, не исключая, я думаю,

и тѣхъ, что называютъ себя сейчасъ коммунистами, встануть, какъ одинъ человѣкъ. Нѣтъ! Чеховъ вы исключите! Народъ съ такимъ чувствомъ національнаго единства никогда не явится орудіемъ международныхъ интригъ.

Картавецъ смущенно улыбался.

— Но мы удалились отъ вопроса нашей бесѣды, — продолжалъ профессоръ. — Такъ чего же хотите вы и ваша группа?

— Не многого, — сказалъ Картавецъ, и лицо его приняло выраженіе не то ироніи, не то готовности къ оборонѣ. — Мы должны образовать теченіе, которое сомкнетъ Россію и русскихъ въ одно нераздѣльное цѣлое. Изъ расплывчатаго пятна необходимо сознать себя націей, призванной развивать свою собственную культуру и опредѣлить свой государственный и общественный бытъ сообразно тѣмъ особенностямъ, какія даны намъ нашей огромной страной и какія предопредѣлены прежнимъ ходомъ событій.

— Евразійство! — воскликнулъ профессоръ, — мало вамъ досталось на послѣднемъ собраніи.

Картавецъ хотѣлъ что-то сказать, но не успѣлъ. Профессоръ вдругъ неожиданно и громко расхохотался, обнаруживъ цѣлый рядъ золотыхъ зубовъ.

— Представьте себѣ, — говорилъ онъ, всхлипывая отъ хохота и обращаясь къ Азбелеву: — эти милые молодые люди отцомъ своимъ признають Чингисхана, а мамашей Византію...

Но Азбелевъ не смѣялся. Онъ думалъ:

— Ужъ не использовать ли и этихъ молодцовъ?

А Картавецъ сердился, и злые огоньки замелькали у него въ глазахъ. Онъ нервно потеръ себѣ лобъ и замѣтилъ, не глядя профессору въ лицо:

— Да, — этотъ образъ хорошо выражаетъ нашу

мысль. Но суть не въ образахъ. Суть въ томъ, что русскихъ надо отвлекать и отъ Европы, и отъ ея культуры, и отъ западнаго славянства....

— Поскольку оно не хочетъ итти за Россіей, — замѣтилъ Азбелевъ.

— Нѣтъ, оно стало слишкомъ европейскимъ, и намъ съ нимъ не по пути. Пора заняться только собой. Вотъ на эти-то темы мы и хотѣли бы устроить собесѣдованія. Вы придете, профессоръ? Тамъ вы можете бить насъ, сколько хотите.

— Обязательно, — продолжая добродушно смѣяться, сказалъ Агѣевъ.

— Чѣмъ сильнѣе насъ будутъ бить, — сказала Картавцевъ, лукаво улынувшись, — тѣмъ крѣпче сплотимся мы вокругъ нашей идеи. Можетъ быть, и вы придете? — обратился онъ къ Азбелеву.

— Можетъ быть...

— Только прошу васъ, молодой человѣкъ, фактовъ не забывайте, фактовъ! Не подмѣняйте ихъ энтузіазмомъ...

Картавцевъ всталъ, раскланиваясь:

— Этого не могу вамъ обѣщать: для насъ энтузіазмъ дороже фактовъ...

Онъ ушелъ. Азбелевъ остался обѣдать. Они продолжали сидѣть въ той же небольшой и заваленной книгами комнатѣ, немилосердно пропитанной запахомъ кухни. Жена профессора, Марія Ивановна, худая, желчная, ни за что не хотѣла отпустить Азбелева, которымъ она любовалась, какъ отпрыскомъ стараго аристократическаго рода.

— Я знала вашу кузину княжну Ольгу и вашу belle-soeur, графиню Наталью Владиміровну, — говорила она, разставляя своими сухими, костлявыми руками посуду. — Вѣдь здѣсь вы, да вотъ еще Макрѣвы,

да князь Петръ Александровичъ, да m-me фонъ-Рутценъ только и составляете кусочекъ общества, а прочіе, вѣдь, такъ себѣ.

— А графиня Ольга Павловна развѣ уѣхала? — спросилъ Азбелевъ.

— Да, недѣли двѣ назадъ.

— Куда же?

— Въ Парижъ, конечно, куда же больше? Тамъ она съ принцемъ какое-то коммерческое дѣло затѣваетъ. Я, вотъ, мужу говорю: Брось ты свою профессуру! Поѣдемъ, поищемъ. Откроемъ меблированныя комнаты, что ли! Такъ куда тамъ!

Профессоръ сконфуженно улыбался.

— Ну, вотъ, ты такое скажешь! Хорошо, что Владиміръ Ивановичъ насъ знаетъ... Я только что закончилъ свое изслѣдованіе...

Профессорша нервно передернула плечами.

— Очень оно нужно, твое изслѣдованіе! Что тебѣ за него деньги заплатятъ или пенсію дадутъ?

Профессоръ конфузливо крикнулъ и подмигнулъ Азбелеву:

«Простите, молъ, видите, какая она у меня»...

— Не повѣрите, какъ мнѣ трудно, Владиміръ Ивановичъ, — продолжала жаловаться Марія Ивановна. — Изъ дому не выгонишь, сиднемъ сидитъ и день и ночь пишетъ. Только электричество жжетъ, да бумагу изводитъ.

— Для будущаго, Марія Ивановна, для нашего славнаго будущаго, — сказалъ Азбелевъ, чтобы что-нибудь сказать, не увѣренный, что то, о чемъ писалъ профессоръ, дѣйствительно понадобится будущей Россіи.

— Ахъ, Владиміръ Ивановичъ, Владиміръ Ивановичъ! Что намъ въ этомъ будущемъ! Пока оно наступитъ, косточки наши сгніютъ. Хорошо еще, что милые

чехи Сережу въ школу устроили. Вы знаете изъ какой я семьи, вѣдь я до революціи въ кухнѣ никогда не была, а теперь — какой удѣлъ мнѣ достался! Remuer les casseroles!.. И такъ на всю жизнь. Стипендіи нашей едва-едва хватаетъ. Помѣщеніе... сами видите, въ какой дырѣ мы живемъ: здѣсь и кабинетъ и спальня и столовая — все тутъ. На кухнѣ повернуться негдѣ... Не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ отбросить предрасудки?

— Перестань, Марія Ивановна... это, наконецъ, скучно! — замѣтилъ съ раздраженіемъ профессоръ и тутъ же, сразу смягчаясь и поднимая свои добрые и наивные глаза, добавилъ: — погоди, издадимъ работу, тогда и подумаемъ.

Марія Ивановна поставила дымящуюся миску на столъ.

— Кушайте, пожалуйста!

Ѣли густой супъ, въ которомъ была и крупа, и кушочки мяса и картофель. Потомъ былъ снова картофель, только жареный въ салѣ. Затѣмъ для Владиміра Ивановича нашлось чайное печенье, а профессоръ, въ честь гостя, закурилъ дрянную сигару, что разрѣшалось чрезвычайно рѣдко. Марія Ивановна, поставивъ чайникъ на спиртовку, сѣла около Азбелева и, привѣтливо глядя на него своими когда-то прекрасными, теперь усталыми и впавшими глазами, рассказывала, какъ трудно живется профессорамъ, особенно семейнымъ. Большинство живетъ не въ Прагѣ, помѣщенія холодныя, сырыя. Мужья въ дождь и слякоть должны добираться до станціи и ежедневно нѣсколько часовъ тратить на поѣздку въ Прагу и обратно, а жена — возись по хозяйству.

— Милые чехи по-своему заботятся, домъ даже выстроили, да мой Андрей Николаевичъ, mon petit badaud, проворонилъ съ заявленіемъ!

— Ничего, ничего, — говорилъ добродушно про-

фессоръ. — А скажите, — оживился онъ вдругъ, — что же на газету деньги нашли?

— Конечно, нѣтъ.

— Этого надо было ожидать. А жаль, я для перваго номера статью написалъ. Немножко, можетъ быть, суховатая, специальная, но я, знаете, умышленно пишу такъ, чтобы не развращать молодежь легкостью пониманія. Языкъ науки долженъ быть суровъ и торжествененъ, чтобы въ немъ чувствовалась упругость мысли.

— Да, я тоже думалъ, — сказалъ Азбелевъ, принимая отъ Маріи Ивановны стаканъ съ чаемъ. — Наука, какъ и искусство должны быть удѣломъ немногихъ, своего рода касты. А для толпы — кинематографъ, грамофонъ, шарманка, футболъ.

— Ну, Владиміръ Ивановичъ, это не совсѣмъ такъ. Все-таки, знаете, культуру творить не каста, а весь народъ и просвѣщеніе массъ — дѣло обязательное.

— Для кого? — спросилъ Азбелевъ. — Для массъ? Ну, и пусть просвѣщаются на здоровье безъ нашей заботы!

— Я совершенно такъ же разсуждаю, — сказала Марія Ивановна, — совершенно такъ же. Мы столько отдали народу нашихъ заботъ и труда, столько возились съ нимъ, строили этимъ хамамъ народные дома, больницы, школы. А что вышло? Попали подъ жидовское иго.

— Марія Ивановна, помилосердствуй, — кротко взмолился профессоръ: — не извращай значенія фактовъ. Тебя не даромъ принимаютъ за черносотенку. Вы ей не вѣрьте, Владиміръ Ивановичъ: — въ жизни она весьма либеральна... Я могъ бы привести десятки примѣровъ.

— На этотъ разъ позвольте мнѣ защищать точку зрѣнія Маріи Ивановны, — сказалъ Азбелевъ и поднял-

ся со стула... — Я самъ такъ думаю... до нѣкоторой степени. Хамамъ будутъ пріятны только хамы, а не мы, сколько бы мы ни распинались за нихъ.

Марія Ивановна благодарно взглянула на него и въ свою очередь указала глазами на мужа:

«Старый, молъ, тюфякъ... Что съ него взять?»

Азбелевъ могъ еще и такъ истолковать ея взглядъ:

«*Quel malheur d'avoir un emplâtre de mari!*»

Прощаясь, Азбелевъ вскользь спросилъ у Агѣева:

— Скажите: заходилъ къ вамъ Вяльцевъ?

— Да, да, какъ же, нѣсколько разъ.

— Какое же онъ произвелъ на васъ впечатлѣніе?

— Милый человѣкъ, только... — профессоръ замаялся — разобраться въ немъ трудно... Знаніе большое, міровоззрѣніе цѣльное, но, какъ бы это сказать — академичности никакой. Больно ужъ все упрощаетъ.

— А я это въ немъ и люблю, — замѣтила Марія Ивановна. — Много знаетъ, хорошо и пріятно говорить, а книгъ не пишетъ... Хорошій человѣкъ!

— Спорить съ нимъ бесполезно — продолжалъ профессоръ: — онъ васъ обезоруживаетъ — профессоръ искалъ слова и уже заранѣе улыбался тому, что собирался сказать, — обезоруживаетъ... да, именно обезоруживаетъ тихой обструкціей своего фанатизма. За свои убѣжденія онъ дастъ себя сжечь на кострѣ...

«Это хорошо», — подумалъ Азбелевъ и добавилъ:

— Вотъ если и евразійцы станутъ такими, то потомки Чингисхана не откажутся отъ нихъ.

Агѣевъ продолжалъ ласково улыбаться:

— Молоды еще, учиться надо...

XIII

Вяльцевъ уложилъ свой тощій скарбъ въ небольшой холщевый мѣшокъ съ ремнями, какимъ пользуются

туристы-пѣшеходы, прибралъ комнату и сѣлъ къ столу писать письмо Азбелеву. Онъ долго сидѣлъ въ грустной задумчивости — думалъ не о письмѣ, но обо всемъ, что пережилъ въ Прагѣ. Ему казалось, что онъ вступилъ на зыбкую болотную почву — она колебалась подъ нимъ, грозила нравственной смертью. Жуткія картины сибирскихъ переходовъ по тайгѣ и тундрѣ вставляли въ его памяти. Вспоминалъ безконечную топь, зовущую тайнымъ блескомъ глубинъ. Ядовитые болотные запахи спирають дыханіе и кружатъ голову. Чахлыя ели зловѣще молчатъ, не говоря человѣку, куда направлять шаги. Впередъ и въ стороны, куда ни глянь, все ели, да кусты, да мхи... И пустыня, и смерть, смерть, падающая съ понураго сѣраго неба... И все мертво кругомъ, только человѣкъ пробирается по кочкамъ, неся въ душѣ яркій пламень и страстную мечту о жизни... Не могъ рѣшить Вяльцевъ, гдѣ его душа сильнѣе ощущала пустыню и печаль — тамъ, въ сѣверной тундрѣ сибирской, или здѣсь, въ прекрасномъ славянскомъ городѣ. И здѣсь и тамъ пути разбѣгались въ разныя стороны, и никто не могъ сказать, гдѣ истинная дорога. Въ сѣверной тундрѣ душа горѣла гордымъ огнемъ, вѣрила въ человѣческій Разумъ. Разумъ казался владыкой людей и жизни. Сердце рвалось къ его вершинамъ, откуда былъ виденъ весь міръ. Здѣсь, въ Прагѣ наступило уныніе и слабость, дѣти великой усталости, и послѣ встрѣчи съ Клеопатрой Ивановной захотѣлось опуститься съ высотъ безсмертнаго Разума къ его подножію, забыть цѣлый міръ, чтобы на мигъ отдохнуть и погрѣться въ темномъ, незамѣтномъ уголкѣ, у камелька самой простой, самой немудрящей чужой жизни.

Вяльцевъ зналъ, что у него было достаточно силъ преодолѣть охватившую его слабость. Но сегодня ему и преодолѣвать ее не хотѣлось. Сладка и жгуча была

печаль — она и мучила и нѣжила душу. Глаза безпредметно наполнялись слезами, а сердце томилось мечтой о счастьѣ, которой само не вѣрило.

Онѣ твердо былѣ убѣжденѣ, что гдѣ-нибудь онѣ еще встрѣтитѣ Клеопатру Ивановну, эту единственную женщину, съ которой почувствовалѣ себя связаннымѣ крѣпко, навѣки. Почему-то ему казалось, что встрѣча эта произойдетѣ во Франціи, гдѣ-нибудь на югѣ, можетѣ быть, у моря. Онѣ найдетѣ ее и скажетѣ... нѣтъ, ничего не скажетѣ, а только подойдетѣ и опуститѣся у ея ногѣ, смиренно, преданный и вѣрный. Что будетѣ дальше, о томѣ не думалѣ, оттого что загадывать о далекомѣ было бесполезно.

Поѣздѣ Вяльцева уходилѣ часа черезѣ три. Времени было много. Въ окно глядѣлась дождливая хмурость. Письмо Азбелеву, наканунѣ обдуманное обстоятельно и по пунктамѣ, онѣ рѣшилѣ сократить до нѣсколькихѣ строкѣ: вѣдѣ все равно, переубѣдить не удастѣся! «Владиміръ Ивановичѣ, — писалѣ онѣ своимѣ красивымѣ, растянутымѣ почеркомѣ, — когда вы получите это письмо, меня уже не будетѣ въ Прагѣ. Я уйду не отѣ васѣ и не отѣ встрѣчи съ вами, но дальнѣйшія свиданія наши были бы для обоихѣ насѣ и тягостны и бесполезны. Въ исканіи новыхѣ основѣ осмысленной жизни, пути наши слишкомѣ различны. Вы полагаете, что новую породу людей можно создать, уничтоживѣ девять десятыхѣ старой. Я же думаю, что ее начинаетѣ каждый человекѣ, сердце котораго раскрывается постиженію евангельскаго закона любви и истины. Тотѣ, кого это постиженіе коснулось, никогда не вступитѣ на путь насилія и крови, и самѣ радостно отдастѣ свою жизнь, какѣ жертву любви, во имя святости своего духа. Мнѣ жалѣ, что мы съ вами не сошлись на этомѣ пути: вашѣ проникновенный умѣ и богатые душевные

силы превратили бы вашу жизнь въ великій подвигъ любви и служенія человечеству...»

Написавъ эти слова, Вяльцевъ опять задумался, хотѣлъ прибавить еще многое, но потомъ махнулъ рукой, приписалъ «прощайте» и запечаталъ.

Едва надписалъ онъ адресъ, какъ услышалъ движеніе за спиной, у двери: кто-то несмѣло и ласково назвалъ его. Онъ обернулся, въ двѣряхъ стояла Варасова, которую онъ не видалъ со времени ихъ прогулки.

Вяльцевъ вскочилъ и остановился, пораженный ея видомъ. Она была блѣдна, губы вздрагивали. Изъ черноты глубокихъ расширенныхъ глазъ глядѣлъ смертельный ужасъ. Вяльцевъ усадилъ ее. Отъ волненія она не могла говорить. Но въ тотъ моментъ, когда произнесла первыя слова, внезапно изъ прорѣзавшейся темной тучи брызнуло яркое солнце. Оно упало на исхудалое, блѣдное лицо Варасовой такъ неожиданно для нея, что она вздрогнула. Потомъ улыбнулась.

— Хорошій знакъ, — сказалъ Вяльцевъ, и благодарно взглянулъ въ окно. — Что съ вами?

Варасова нѣрвно дышала. Слова падали, обрываясь, безъ логической связи. Ей видимо было неловко, неудобно говорить съ этимъ мало знакомымъ человѣкомъ такъ, какъ ей хотѣлось, но глаза выдавали отчаянную рѣшимость, и она говорила быстро-быстро, сбиваясь и путаясь въ словахъ.

Вяльцевъ не столько вслушивался въ слова, сколько старался постичь источникъ ея волненія.

— Я знала, что вы ѣдете сегодня... Вы единственный человѣкъ, къ которому душа моя прониклась безграничнымъ довѣріемъ... Вы одинъ можете помочь мнѣ выбраться изъ страшной душевной трясины. Я любила и страдала... Мнѣ двадцать лѣтъ. Я не ищу счастья, я ничего не хочу, кромѣ труда и покоя... Разбитая и по-

руганная, я хочу обрѣсти снова вѣру въ жизнь и людей... Если не найду, я умру. У меня нѣтъ учителя, нѣтъ ни друга, ни брата... Мнѣ показалось, что вы въ день нашего знакомства заглянули въ мою душу вашимъ свѣтлымъ и по-человѣчески любящимъ окомъ, бросили въ нее лучъ надежды...

Вяльцевъ былъ въ сильномъ волненіи и самъ едва могъ говорить.

— Мнѣ васъ жаль... мнѣ васъ безконечно жаль, но я не могу остаться въ Прагѣ... Я ѣду.... я самъ еще не знаю, куда я ѣду...

Она умоляюще взглянула на него своими воспаленными, черными глазами, рѣзко отгнѣнными длинными рѣсницами:

— Я приготовилась тоже уѣхать, не отгоняйте меня... по крайней мѣрѣ увезите меня отсюда. Одна — я брошусь подъ поѣздъ...

Вяльцевъ вздрогнулъ, но овладѣлъ собою, сдѣлался серьезенъ, въ глазахъ появилось скорбное выраженіе, смѣшанное съ тревогой.

— Вотъ видите ли... я долженъ вамъ сказать... впрочемъ, это васъ не касается... но на всякій случай надобно, чтобы вы знали. Я ѣду отыскивать женщину, которую люблю...

Выраженіе неожиданности прошло по лицу Варасовой. Глаза ее шире раскрылись, губы неопредѣленно дрогнули. Пріятно или непріятно поразило ее сообщеніе Вяльцева? — она и сама не знала, вѣдь она не думала объ этомъ.

— Да? — произнесла она, все еще не зная, какъ отнестись къ услышаннымъ словамъ. — Ну, такъ что же! Когда я помѣшаю вамъ, вы мнѣ скажете... Позвольте мнѣ при вашей помощи добраться до какого-нибудь

большого города, мнѣ все равно какого... я вездѣ устроюсь... я могу работать...

— Не знаю, что вамъ сказать...

Вяльцевъ посмотрѣлъ на часы, видимо затрудняясь поступить неосторожно и боясь взять на себя какія-либо обязательства относительно этой дѣвушки.

Взглянулъ ей въ лицо. Оно было печально и робко. Слезы готовы были выступить на глаза, пальцы тонкихъ рукъ судорожно сжимали платокъ. Вяльцеву стало жаль ея.

— Видите ли, — сказалъ онъ съ несвойственной для него суровой торжественностью, — я не боюсь иного суда, иныхъ людей, кромѣ суда моей совѣсти. Но я боюсь — онъ на секунду смутился — какой-либо неловкости или неясности въ нашихъ отношеніяхъ...

— Я понимаю васъ. Я не смѣю настаивать и... — въ голосѣ пробѣжала дрожь — я не хочу стѣснять васъ...

Она встала. Вяльцевъ остановилъ ее.

— Погодите. Я долженъ помочь вамъ. Но помните разъ навсегда, что я буду считать себя связаннымъ съ тою женщиной, которую люблю.

Она облегченно вздохнула:

— Дмитрій Павловичъ, я тоже... несвободна... я тоже люблю и — слезы хлынули у нея изъ глазъ — бѣгу отъ этой любви...

Вяльцевъ смутился. Строгость его исчезла. Онъ подошелъ, дотронулся до ея руки. Лицо его свѣтилось участіемъ и нѣжностью.

Она плакала.

— Успокойтесь, я сдѣлаю все, чтобы облегчить вамъ переходъ къ новой жизни. Я буду вашимъ братомъ и другомъ.

Она опустила руку съ платкомъ. Смотрѣла на него лучисто и умиленно.

— Да, я знаю, что вы такой... и Немѣшаевъ говорилъ...

— Да, Немѣшаевъ, — растроганно сказалъ Вяльцевъ: — что это за человѣкъ! Что за благородное сердце! Мнѣ жаль, что я не буду видѣть его!

— Онъ осиротѣетъ безъ васъ... Сиротѣть только не долго придется ему, бѣднягѣ!

— Онъ будетъ здоровъ и, можетъ быть, прїѣдетъ ко мнѣ... — поправился Вяльцевъ. — Гдѣ ваши вещи?

— На станціи. Я вѣдь приготовилась ѣхать съ тѣмъ же поѣздомъ, что и вы... о, если бы вы знали, какъ я признательна вамъ!

Не отвѣчая, онъ взялъ свой мѣшокъ и пошелъ прощаться съ хозяйкой.

— Ну, дай вамъ Богъ счастливой семейной жизни, — сказала ему толстуха, добродушно хлопнувъ его по плечу. Вяльцевъ смутился:

— Благодарю васъ... только эта дѣвушка не моя невѣста, — сказалъ онъ застѣнчиво и неловко.

— Не ваша? — толстуха лукаво подмигнула:

— Ich würde Ihnen raten, sich die Sache zu überlegen... es ist ein hübsches Mädel... Übrigens, mir kann es gleich sein... Вы были хорошій жилецъ!

Они вышли на улицу. При отѣздѣ ихъ провожалъ Немѣшаевъ. Онъ былъ очень опечаленъ, смотрѣлъ въ сторону, говорилъ незначительныя слова. Смахивалъ туманъ, набѣгавшій на глаза. Варасова утѣшала его, цѣловала на прощанье, а разъ, обмолвившись, даже сказала за себя и за Вяльцева, который былъ молчаливъ и задумчивъ:

— Мы васъ никогда не забудемъ...

Когда поѣздъ тронулся, Немѣшаевъ долго смотрѣлъ

имъ вслѣдъ, потомъ махнулъ рукой и, не надѣвая фуражки, медленно, съ тяжелымъ сердцемъ направился къ выходу.

Солнце озаряло мокрая улицы. Мимо бодрымъ шагомъ, подъ звуки марша, проходили солдаты.

Прага для него померкла.

XIV

Передъ Азбелевымъ сидѣлъ человѣкъ странный или такой, который долженъ казаться страннымъ. Юноша лѣтъ двадцати, двадцати двухъ, не больше, худой, почти скелетообразный, блондинъ съ коротко подстриженными густыми волосами, съ широкимъ приплюснутымъ носомъ, съ широкими тонкими губами, придававшими ему, когда онъ говорилъ, нѣсколько лягушачье выраженіе. Его сѣрые съ голубымъ оттѣнкомъ глаза поражали какимъ-то исключительно жаднымъ любопытствомъ, въ которомъ была и нѣкоторая доля наглости. Казалось, онъ не только смотрѣлъ, но пожиралъ то, на что смотрѣлъ. Говоря, онъ размахивалъ своими длинными, худыми руками, словно это была большая обезьяна, цѣплявшаяся за вѣтви невидимаго дерева. Поражало несоотвѣтствіе его порывистыхъ, самопроизвольныхъ движеній съ новенькимъ, съ иголки, костюмомъ и въ особенности пестрымъ шелковымъ галстукомъ, перехваченнымъ золотой, бьющей въ глаза булавкой. Это былъ Семень Федькинъ, рано оставшійся круглымъ сиротой, когда-то пригрѣтый Азбелевымъ въ его имѣніи. До революціи, онъ кое-чему учился въ школѣ, потомъ, поселившись въ барскомъ домѣ, пробовалъ читать. Былъ избранъ не то предсѣдателемъ, не то комиссаромъ мѣстнаго «исполкома» и пріобрѣлъ вкусъ къ «націоналізаціямъ» въ пользу «трудового крестьян-

ства». Перессорился съ окрестной «бѣдной» изъ-за дѣлежа добычи и рѣшилъ уйти изъ совѣтской Россіи. Цѣль представлялась смутно: тянуло поучиться, чтобы затѣмъ, вернувшись, рассказать народу всю правду. Заграничная жизнь ослѣпила его. Въ душѣ проснулось что-то неосознанное, но влекущее, — иной, еще невѣдомый, но уже заманчивый міръ. Сталъ думать, читать газеты, захотѣлось самому сдѣлаться писателемъ... плѣняла жизнь и слава Горькаго. Онъ чуть не плакалъ, жалуясь Азбелеву на даромъ потраченные годы, когда его, живого и способнаго мальчика, оторвали отъ школы, ничему не учили и только травили ядомъ всяческой комсомольской мерзости. Въ Россіи онъ пилъ, прошелъ всѣ виды разврата, кошунствовалъ, грабилъ, но въ душѣ жило и мучило сознаніе, что эта жизнь, которую онъ велъ, мерзка, что онъ долго жить такою жизнью не можетъ. Наконецъ, послѣ внутренней борьбы, по его словамъ, рѣшилъ уйти. Послѣ двухъ мѣсяцевъ блужданія по славянскимъ землямъ, разыскалъ Азбелева и теперь просилъ у него помощи и совѣта. Онъ принесъ ему довольно толстую тетрадь, прося прочитать и напечатать, чтобы на свѣтѣ знали, какіе такіе русскіе люди безъ господъ на Руси изъ революціи, какъ изъ яичка, вылупились. Азбелевъ взялъ тетрадь, бѣгло пробѣжалъ первую страницу и отложилъ въ сторону, обѣщавъ просмотрѣть на досугѣ.

Потомъ сталъ спрашивать о нравахъ и настроеніяхъ комсомольской молодежи. Азбелеву хотѣлось выяснитъ истинныя чувства, какія питаетъ такая же оторванная отъ школы молодежь къ совѣтской власти. Семень отвѣчалъ:

— Не знаю, какъ въ городахъ, а въ деревнѣ пока озорничаютъ, — довольны, а задумаются или за дѣло возьмутся, тутъ и пойдутъ ненавидѣть коммунистовъ,

какъ и всѣ. Прислушиваются къ старикамъ, а тѣ шепчутъ: обращаютъ-де Русь православную въ антихристово стадо...

— А если поднять ихъ противъ совѣтовъ, пойдутъ у насъ на селѣ? — спрашивалъ Азбелевъ.

— Рано еще... Часть пойдетъ, а часть — нѣтъ. И тѣ, что пойдутъ, вырѣжутъ и выжгутъ своихъ коммунистовъ, а апосля — домой, какъ воробыи по стрѣхамъ. Да и то, смотря по тому, кто поднимать будетъ. Васъ не послушаютъ, къ примѣру сказать, а вотъ человѣчки такіе, махонькіе, да незамѣтные, странники такіе да странницы, ежели такіе, знаете, что безъ рода, безъ племени, они-то народъ подымутъ хотъ противъ кого. А народъ сейчасъ страдаетъ и думаетъ, старики уже утѣшенія ищутъ. Туда, гдѣ это утѣшеніе надобно, и идутъ эти страннички да человѣки божьи и утѣшаютъ. Молодежь надъ ними смѣется, а тоже слушаетъ: гдѣ какое слово на коммунистовъ указываетъ, не прямо, а такъ, домекомъ однимъ, трепетно, — тамъ это слово, какъ роса, на сердце падаетъ. Только говорю вамъ: больно страдаетъ и слабъ народъ, а молодежь еще не вся «отугарилась»...

Долго говорилъ Азбелевъ съ Семеномъ, и Семень обѣщаль во всемъ поступить именно такъ, какъ совѣтовалъ ему «добродѣтель» — и учиться, и готовить себя къ борьбѣ со «врагомъ народа». Одного не могъ добиться Азбелевъ: признанія, что трудовая жизнь есть основа нравственности, и что чужія деньги, не заработанныя личнымъ трудомъ, своего рода — воровство. Этого Семень не могъ и не хотѣлъ понять.

— Да вотъ я, къ примѣру сказать, привезъ съ собой деньги. Первое — поучившись, я хочу ихъ въ дѣло вложить, вѣрное, настоящее дѣло. Потомъ, мнѣ что же въ наймиты, что ли, итти, ежели у меня есть деньги?

И разсудите, — онъ замахалъ руками, словно ловилъ кого-то въ воздухѣ: — ежели по-вашему, я должонъ владѣльцевъ искать и имъ эти деньги отдать? А владѣльцы-то, можетъ, ужъ на томъ свѣтѣ горохъ обираютъ. Да и почему мнѣ знать, какія кому деньги идутъ, да и сами то владѣльцы не обобрали ли ихъ у народа? Вѣдь сказываютъ же, что было время, когда у господъ никакихъ денегъ не было, и все ихъ богатство отъ народа пошло...

— Ну, и дуракъ же ты, — разсердился Азбелевъ. Семень усмѣхнулся:

— Извѣстно, дуракъ, потому и пришелъ у васъ уму-разуму поучиться...

Азбелевъ смотрѣлъ на него, усмѣхался и думалъ: «а что, братъ, если тебя, голубчика, и впрямь лицомъ къ совѣтскимъ благодѣтелямъ въ Совдепѣи оборотить?»

— Прохвостъ-то ты, братецъ, естественный, и если въ тебѣ мало совѣсти, то учить тебя только на свою голову можно. А? Какъ ты думаешь?

Семень скалилъ свои бѣлые клычистые зубы, столь же жадные, какъ глаза.

— Нѣтъ, это вы безъ сумлѣнія. Противъ народа не пойду, а народъ своихъ ругателей не принимаетъ. А я въ люди хочу выйти, а выйду — коммунистовъ буду душить, какъ собакъ... Мнѣ бы только человѣкомъ сдѣлаться...

— Не легкое дѣло, — улыбнулся Азбелевъ. — Ну, да ладно, я тобой займусь. А ты мнѣ еще кого приведи, въ родѣ себя, чтобъ веселѣе было...

— Есть ребята, только барышники все...

— То-есть... какъ? — удивился Азбелевъ.

— А такъ-съ, — пояснилъ Семень и захватилъ воздухъ обѣими пятернями худыхъ рукъ, — они не то, чтобы доброму чему научиться, а только, значить, что-

бы барышъ свой получить: съ коммунистами кашу хлеблютъ, а съ купцами вино распиваютъ. Но и они, не сумлѣвайтесь, какъ дѣло до расправы дойдетъ, какъ только смекнуть, что на другой сторонѣ сила, сичасъ за коммунистовъ примутся. Потому — и они отъ народа, а коммунисты народъ подъ себя подмятъ нороятъ.

— И сильно ненавидятъ коммунистовъ?

— То-есть вотъ какъ! — Семень зажмурился и изъ своихъ пальцевъ сдѣлалъ у горла петлю, словно галстухъ завязывалъ или душить собирался.

— Это хорошо, — задумчиво произнесъ Азбелевъ.

— Вѣдь вотъ, скажу я вамъ, — вытянувъ шею и протянувъ руку впередъ, вкрадчиво заговорилъ Семень, — человекъ тутъ есть одинъ, изъ солдатъ, такъ онъ въ нашу столовую приходитъ и все, значить, намъ про царя говоритъ. Рассказываетъ, заливается, а самъ насъ боится, все не можетъ понять, что мы за люди. Вотъ одинъ изъ нашихъ, Тимошка Ревуновъ, ему и говорить: ты чего антимоію разводишь, говори прямо: такъ и такъ. Тебѣ, молъ, плачено, а намъ не плачено, да на это намъ наплевать. Не мы царя принимать будемъ, а народъ, ежели что. Народъ разсудить, какой отъ него прокъ будетъ, отъ царя твоего, а мы и о царѣ потолковать не отрекаемся. Что же, можетъ и царь человекомъ будетъ! Ну, выпили, потолковали. Тимошей и говорить: теперь, братцы, время сурьезное, на всѣ стороны глядѣть надобно...

Азбелевъ ничего не сказалъ, только нахмурился, а потомъ отрывисто спросилъ:

— Отчего ты худъ, словно песь ободранный? Отъѣсться не можешь?

— Ума не приложу. Ёмъ, кажись, вволю. Видно, послѣ жизни моей проклятушей здоровьишко надорва-

лось, въ нутрѣ порча сидитъ. А теперича я не то, чтобы вовсе не пилъ, а супротивъ прежняго много меньше вина потребляю. И на лекціи въ Русскомъ Домѣ сказывали: много будешь алкоголя въ себя потреблять, безпримѣнно помрешь. Вотъ я и опасаюсь.

Азбелевъ повернулъ голову къ окну и сталъ сообщать. Семень хотѣлъ что-то сказать, но Азбелевъ приказалъ ему кратко:

— Помолчи!

Настала тишина. Тикали часы, неподалеку громы-хали трамваи, Семень удерживалъ дыханіе и съ напряженной почтительностью вглядывался въ лицо Азбелева — оно то хмурилось, то яснѣло, и когда хмурилось, подбородокъ обострялся, вздрагивала съ гримасой нижняя губа, и мускуль игралъ на щекѣ. Въ эту минуту лицо казалось непріятнымъ и жесткимъ. Въ полуотворенную дверь неслышно вошелъ небольшой и балованный котъ и тоже застылъ на мѣстѣ, не смѣя нарушить молчанія. Федькинъ оглядѣлъ комнату. Обстановка была солидная — ковры, зеркала, рояль, на стѣнѣ коллекція кинжаловъ и шашекъ. «Реквизнуть бы» подумалъ онъ и внутренне усмѣхнулся, вспомнивъ, что онъ не въ Россіи.

Азбелевъ молчалъ долго. Семень гадалъ о томъ, придетъ или не придетъ въ Чехію социальная революція. Если придетъ, то не скоро, а если не скоро, то ему, Семену, на нее наплевать. Не будетъ большой бѣды, впрочемъ, если и разразится, знать бы только за нѣсколькихъ дней, чтобы приготовиться къ новой работѣ. А лучше бы было, чтобы ея вовсе не было, ну ее къ шуту! Надоѣло! Человѣкомъ пожить хочется...

Онъ вздрогнулъ отъ неожиданности, когда Азбелевъ сдѣлалъ движеніе.

— Семень!

— Что прикажете, Владиміръ Ивановичъ?

— Ты пойдешь за мной?

— И въ огонь и въ воду!

— И къ самому чорту, если пошлю?

— Куда прикажете!

— Ну, смотри: лучше не общай. А то, въ случаѣ чего... Знаешь меня? Я тебя вездѣ найду.

Семень насмѣшливо скривилъ губы:

— Владиміръ Ивановичъ, я къ вамъ своей волей, самъ пришелъ...

Азбелевъ нагнулся къ нему и рѣжущимъ, какъ холодная сталь, взглядомъ впился въ его лицо:

— А не подослалъ тебя кто-нибудь? — спросилъ, стиснувъ зубы.

Тотъ не смутился:

— Незачѣмъ-съ! Ежели бы мнѣ что эдакое онъ поигралъ двумя пальцами въ воздухъ — понадобилось, я бы другого по вашу душу послалъ. Самъ ни за что не пошелъ бы. Знаемъ васъ достаточно-съ!

— Ну, ладно! подожди, — сказалъ Азбелевъ и вышелъ въ другую комнату. Черезъ минуту онъ вернулся съ бутылкой вина и стаканами.

— Ну, выпьемъ теперь! — сказалъ онъ не прежнимъ сухимъ и суровымъ, но почти ласковымъ голосомъ. Мы товарищи. Послужимъ народу, какъ умѣемъ! У Семена заблестѣли глаза. Онъ даже голову и плечи поднялъ отъ гордости, когда Азбелевъ чокался съ нимъ.

Минуту спустя Азбелевъ дѣловито и уже довѣрчиво спрашивалъ у него:

— Послушай, знаешь ты здѣшнюю сволочь?

— Какую, Владиміръ Ивановичъ? — безъ малѣйшаго удивленія, только чмокнувъ губами съ послѣднимъ глоткомъ вина, спросилъ Семень. — Сволочь — она тоже разная бываетъ...

— Ну, тѣхъ, что безъ всякаго дѣла по ресторанамъ и кафэ сидятъ!!

— Это коммунистовъ? — хитро щуря лѣвый глазъ, спросилъ Семень.

— Можно и коммунистовъ, а то, все равно — валай и монархистовъ, но такихъ, что ихъ и коммунисты къ себѣ не возьмутъ... чтобы ихъ только черезъ совѣтскую границу взадъ и впередъ пропускали.

Семень началъ соображать.

— Понимаю-сь, Владиміръ Ивановичъ, поищемъ. Найти не трудно будетъ-сь, потому въ эмиграціи, доложу я вамъ, большое оподленіе идетъ, и за деньги вы человѣка какъ угодно обработать можете... Опять же, не однихъ русскихъ...

— Ладно! теперь вотъ что я тебѣ скажу...

И подливъ еще вина въ стаканъ Семена, Азбелевъ сталъ посвящать его въ подробности своей мысли.

Прощаясь съ нимъ, Семень говорилъ:

— Хотя я и подлець, но не такой, чтобы за народъ на правое дѣло не пойти. Вѣрьте мнѣ... Я самъ себѣ голова, и напрасно лгать я не буду...

Въ передней передъ самой дверью, Семень вдругъ повернулся къ Азбелеву и, вскинувъ на него своими свѣтлыми глазами, воскликнулъ тономъ самаго искренняго восхищенія:

— Эхъ, Владиміръ Ивановичъ, Владиміръ Ивановичъ! Будь вы у насъ, въ Россіи, я хочу сказать — у большевиковъ, у коммунистовъ то-есть, цѣны бы вамъ не было! Вотъ вы какой человѣкъ.

И, описавъ кругъ обѣими руками, споткнулся о порогъ и скрылся за дверью.

Прошелъ мѣсяцъ, Прага осталась позади...

Азбелевъ имѣлъ особыя основанія любить Парижъ. Чѣмъ шумнѣе и разнообразнѣе билась вокругъ него жизнь громаднаго города, тѣмъ легче и спокойнѣе чувствовалъ онъ себя. Онъ поселился на Avenue de l'Opéra и часами просиживалъ у раскрытаго окна своей комнаты, съ наслажденіемъ вдыхая, вмѣстѣ съ жаромъ напояннаго асфальтомъ и бензиномъ воздуха, и непрерывный шумъ, звонъ, грохотъ, пыхтѣнье и клочкотанье неугомоннаго города. Нигдѣ не спалось ему такъ легко и такъ легко не думалось. Думалось же ему, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ живетъ какими-то миражами, тяжелыми облаками, заслонявшими душу отъ радостей, тепла и свѣта личной жизни. Все, что онъ оставилъ въ Россіи, казалось съ болью оторвавшимся отъ сердца, отмершимъ, особенно здѣсь, въ Парижѣ. «Вѣдь и на могильной насыпи, — думалъ онъ, — вырастаютъ живые цвѣты...» И улыбнулся легкости своихъ мрачныхъ мыслей и еще подумалъ, а потомъ произнесъ громко:

— Не могу, рѣшительно не могу думать о печальномъ въ Парижѣ. Пора дать себѣ отдыхъ.

Онъ еще молодъ, и нѣтъ причинъ отказываться отъ личныхъ радостей. Правда, рѣдѣютъ волосы, сѣдина пробивается въ усы, но въ крови еще такъ много огня, а въ сердцѣ ключомъ играетъ живая, переливчатая сила.

Вотъ вечерѣетъ, посвѣжѣетъ въ воздухѣ, и онъ въ своей новой, щегольской черной парѣ, съ сапфирной искоркой въ дымчатомъ галстухѣ, вернетъ себѣ прежнія чувства душевнаго равновѣсія, съ которыми раньше не разставался ни при какихъ обстоятельствахъ. Онъ

зналъ, что, спустя полчаса, ему позвонять снизу и доложить, что m-me Claudet съ мужемъ или съ теткой, или, можетъ быть, одна, изволить ждать его въ автомобиль, и что онъ выйдетъ къ нимъ, къ этимъ французскимъ патриціямъ, какъ равный къ равнымъ, и что прекрасная машина, какъ живое существо нервно вздрагивая на безконечныхъ поворотахъ, прорвется сквозь шумъ и веселые крики возбужденной толпы и вынесетъ ихъ въ свѣжее затишье вѣкового парка для ласковыхъ, по виду незначащихъ словъ, для поэтическихъ ощущений, для искрометныхъ взглядовъ, намековъ и догадокъ... Онъ зналъ себя хорошо, аристократъ по крови и по духу, артистъ, не торгующій своимъ вдохновеніемъ, знатокъ женщинъ, хоть и презирающій въ себѣ это знаніе... Такъ давно не сближался съ ними, только вспоминалъ тѣхъ и ту, кого любилъ прежде. И всѣ онъ — онъ твердо зналъ — помнили и разъ полюбивъ, не забывали его. Но не превращать же ему душу въ вѣчное кладбище печальныхъ взоровъ, зовущихъ устъ, видѣній, насыщенныхъ снами любви! Сегодня онъ долженъ быть свободенъ отъ прошлаго... Сегодня онъ будетъ ясенъ, и трезвъ, и спокоенъ, онъ будетъ только дышать и жить, если можно — даже безъ мысли, даже безъ словъ, наводящихъ на мысли! Вотъ только тонкая лайковая перчатка не сразу охватываетъ руку, надо подсыпать пудры, да лѣвый сапогъ, задорно смѣющійся блескомъ лакированного носка, слегка жметъ ногу у пальцевъ... Но ничего, и онъ обомнется и обойдется, какъ все обминается и обходится въ жизни!

Азбелевъ глянулъ въ окно. Безчисленные огни уже бросали вызовъ еще свѣтлому, голубовато-сиреневому небу. Темныя толпы запрудили широкія панели. Звенѣли автобусы, гудѣли, пыхтѣли, хрипѣли автомобильные гудки. Газетчики, надрываясь, орали и визжали, ста-

раясь докричать до Азбелева то, о чемъ сегодня ему не хотѣлось думать.

Онъ взялъ портретъ m-me Claudet, полученный вчера, послѣ сонаты, разыгранной въ четыре руки. Изъ загадочной темени широкаго фона, грустно и наивно глянули большіе, въ себя ушедшіе глаза. Длинное лицо съ застѣнчивыми, едва проступавшими линіями носа и губъ. Тонкая шея, оттѣненная слезинками жемчуга. Прекрасная, быть можетъ, нѣсколько сухія очертанія плечъ. Цвѣтокъ на груди, слѣва, у самаго сердца... Какъ оно бьется: тревожно или спокойно, какъ всегда въ ея будни? Изъ нихъ, быть можетъ, одного дня было бы достаточно, чтобы подарить ему, Азбелеву, праздничное воспоминаніе на всю жизнь... Онъ не зналъ, онъ ничего не понималъ въ этой женщинѣ — во всякомъ случаѣ теперь менѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда впервые увидалъ ее въ Прагѣ. Она была такъ спокойна, такъ замкнута, и въ то же время такъ ласкова и проста со всѣми и съ нимъ, да, и съ нимъ, какъ со всѣми — держала себя тепло, довѣрчиво и легко.

Тутъ въ настроеніе Азбелева вкрадывалась легкая зыбь — еще не раздраженіе, еще не досада, скорѣе ползучее облако грусти: онъ вообще не любилъ быть «со всѣми», не любилъ смѣшиваться съ кѣмъ бы то ни было въ ласковыхъ узорахъ женскаго сердца. Лучше безъ ласки, лучше безъ довѣрчивой нѣжности, лучше безъ дружеской простоты, только бы одному пробираться въ лабиринтъ волнующихъ тревогъ предразсвѣтнаго чувства. Пусть ему ставятъ преграды и бросятъ вызовъ соперники, онъ гордый, насмѣшливый и смѣлый, выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы! Но быть «со всѣми», особенно съ этой мясной тушей, съ этимъ заплывшимъ, полусоннымъ m-r Claudet, онъ не хочетъ... о, нѣтъ... non merci!

Снизу позвонили. M-me Claudet въ экипажѣ ожидаетъ m-г Азбелева. Лифтъ у двери. Еще минута, и свѣжій, улыбающійся, онъ цѣлуетъ нѣжную женскую руку. Запахъ ея духовъ слегка кружить ему голову.

— Мы сегодня одни. Мужъ ждетъ насъ къ чаю, — говоритъ m-me Claudet, улыбаясь.

— Но мы не будемъ торопиться? — смѣется Азбелевъ: — m-г Claudet терпѣливъ? къ тому же онъ очень занятъ?

M-me Claudet не перестаетъ улыбаться:

— О, нѣтъ! онъ очень нетерпѣливъ, напротивъ, и любитъ, чтобъ я возвращалась во-время. Однако, времени для прогулки у насъ достаточно...

Машина искусно лавируетъ среди сотенъ другихъ такихъ же машинъ, ревущихъ и гудящихъ.

Вечерній Парижъ клокочетъ, какъ лава, бурлитъ на бульварахъ разноразичной толпой. Изъ залитыхъ огнями кафэ, льется беззаботная музыка, какъ беззаботное французское вино. Всѣ — старики, старухи, подростки, безконечныя женщины — всѣ здѣсь молоды, нарядны и веселы. Это особенно кажется тѣмъ, кто не всматривается въ лица, кто подъ улыбкаами крашенныхъ губъ не видитъ ужасныхъ зіяній нужды и порока, кто легко и неслышно проносится, разрѣзая толпу на убаюкивающихъ пружинахъ самобѣгущаго экипажа. Дальше отъ этой веселой, нарядной, порочной и праздной толпы!

M-me Claudet смотрѣла прямо передъ собой, не глядя въ толпу, которую она, природная парижанка, слишкомъ хорошо знала.

Азбелевъ боковымъ, незамѣтнымъ взглядомъ оценивалъ изящную простоту наряда, который отличаетъ парижанокъ отъ женщинъ всего остального міра.

Онъ началъ испытывать то особое настроеніе, въ

которомъ мужское себялюбивое чувство радостно отдается во власть таинственной силѣ женскаго одухотвореннаго изящества. Онъ любилъ вызывать въ себѣ ощущение тайны и широко раскрыть свои чувства на встрѣчу всѣмъ чарамъ поэтической неуловимости, рожающей любовныя грезы.

Во внѣшнемъ обликѣ m-me Claudet все оставалось незамѣтнымъ, взятое порознь, и все гармонически сочеталось въ цѣломъ, общемъ, въ томъ ensembl'ѣ, который пріобрѣтаетъ неизъяснимую прелесть, отражая безсознательную игру цвѣтущей женской души. О, съ какой радостью отдавался Азбелевъ сладкому плѣну!

Эта маленькая женщина, пріобрѣтавшая надъ нимъ власть уже одними строгими очертаніями головы въ небольшой черной шляпѣ, въ тѣни которой глаза тонули, теряясь въ бѣглой застѣнчивости неразгаданныхъ взглядовъ.

Спокойныя, увѣренныя складки ярко-синей шали, падали на шелковое мanto. Въ тонкихъ, плотно обтянутыхъ свѣтлой замшей пальцахъ правой руки змѣйкой вился шнурокъ шелковой сумочки.

Азбелева не удивляло, что теперь ничто не соблазняло и не дразнило его мужского любопытства — ни маленькая ножка въ свѣтломъ, тѣлеснаго цвѣта чулкѣ и открытомъ узкомъ башмачкѣ, ни тончайшій ароматъ... Его покоряло то неуловимое, неизъяснимое вѣяніе тайны, что украдкой, незамѣтно для него самого, шевелило воображеніе лучами загадочной, застѣнчивой женской души.

Передавалась ли ей его покорная нѣжность?

На Place de l'Etoile машина пошла ровнѣе, безъ остановокъ и поворотовъ. Огни ярко горѣли и здѣсь, но шумъ оставался позади. На Champs Elysées уже можно

было разговаривать, но еще молчали, съ языка не сразу шли слова, открывавшія души.

— Вы очень обрадовали меня вчера, — говорила m-me Claudet, — у меня давно не было такого партнера.

— Не будемъ говорить о моей игрѣ, — тихо и вкрадчиво, почти просительно, сказалъ Азбелевъ: — лучше о васъ...

— Боюсь, что разговоръ нашъ скоро изсякнетъ... Но, впрочемъ, вы говорите такъ увлекательно, такъ интересно, что я готова слушать даже ваши слова обо мнѣ. Говорите...

Азбелевъ наклонилъ голову.

— Цѣню ваше разрѣшеніе, но робѣю, какъ мальчикъ. Не знаю, съ чего начать.

M-me Claudet засмѣялась и приказала шоферу ѣхать тише.

— Начинать надо всегда съ начала или съ конца, — произнесла она наставительно: — или со вчерашняго дня, или съ перваго дня нашего знакомства.

— Вы помните Прагу? — спросилъ Азбелевъ, придавая особый, тайный смыслъ своему вопросу.

— Смутно. Мы были тамъ недолго... Въ Прагѣ есть милые люди... Вообще память у меня слабая на мѣста и лица. Но васъ я запомнила. Вы меня очень удивили тогда...

— Могу узнать — чѣмъ?

— Вашей игрой... Но вы запрещаете мнѣ о ней говорить... а главное — вашими словами. Вы видѣли меня въ первый разъ и уже тогда дали мнѣ понять, что я напомнила вамъ ту, которую вы любите или любили. Иначе я не могла объяснить вашихъ словъ...

— M-me Claudet, могу ли я увѣрить васъ...

Она съ живостью перебила его и почти дотронулась кончикомъ своей перчатки до его руки.

— Не увѣряйте, m-г Азбелевъ, не говорите мнѣ того, о чемъ такъ хорошо пишутъ въ романахъ. Вы заставили и меня немножко наблюдать за вами, и теперь я знаю, какой вы... Вы скажете мнѣ, что играли только для меня... что для меня одной — замѣтьте: всегда одной! — развернулась восточная ткань вашей импровизации... Но я перебую сама себя: въ ней было столько глубокой грусти и какой-то высшей призывной красоты, что я тогда, признаюсь, повѣрила ей...

— А теперь? — темъ же ласковымъ шопотомъ спросилъ Азбелевъ.

— Вы поймали меня на неудачномъ словѣ. Дѣло идетъ не о довѣрії. Но тогда я совершенно не знала васъ, теперь же, кажется, начинаю васъ чувствовать. Вы слишкомъ хорошо воспитаны, чтобы въ бесѣдѣ съ дамой, которую вы еще такъ мало знаете, допустить, хотя бы въ музыкальномъ намекаѣ, воспоминаніе о другой женщинѣ... Не такъ ли? Въ то же время, какъ артистъ, вы слишкомъ впечатлительны, чтобы искренно, на одно мгновеніе, не вспыхнуть передъ этой дамой... и затѣмъ для нея погаснуть навсегда.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она ласково остановила его и продолжала, нѣсколько приближая къ нему свое лицо:

— И потомъ вы, какъ поэтъ и артистъ, любите не женщину, а мечту... Что же, пусть я буду вашей мечтой на нѣсколько часовъ, даже дней... и — хотите ли знать правду? Я такъ и смотрю на свою роль относительно васъ. Дама моего положенія не поѣхала бы сюда, въ этотъ лѣсной сумракъ... Слышите соловья? Слушайте, слушайте... Никогда бы не поѣхала съ иностранцемъ, русскимъ, да еще такимъ, который въ первую же мину-

ту знакомства готовъ занять все ея вниманіе, даже говорить о любви...

Азбелевъ слушалъ ея слова, какъ музыку, какъ поэтическое внушеніе, всматривался въ проступавшія звѣзды, жадной грудью пилъ вечернюю прохладу. Потомъ взглянулъ на нее и вздрогнулъ: изъ сумрака глазъ падали яркія искры. Соловей гдѣ-то вблизи пробовалъ свои силы. Машина мягко и сухо стлалась шелестящимъ звукомъ по сырому песку дороги.

— Когда вчера, — продолжала m-me Claudet, — вы мнѣ сказали за игрой, что я для васъ нето богиня вдохновенія, нето мечта, я избрала для себя послѣднюю роль. Быть мечтою поэта — лестно, не правда ли? Что же вы молчите, m-г Азбелевъ?

— О, я такъ счастливъ — прошепталъ онъ, нагибаясь и цѣлуя ея надушенную перчатку. — Я былъ словно въ зачарованномъ снѣ. Вашъ голосъ — сказка...

Она смѣялась, и смѣхъ ея казался ему теплымъ и ласковымъ дыханіемъ набѣгавшей любви.

— Да, да, будьте моей мечтой, будьте моимъ вдохновеніемъ, моей богиней, кѣмъ хотите, только не отгоняйте меня...

— Только не женщиной, — тихо, уже безъ смѣха, сказала она. — Женщина вамъ не нужна, или точнѣе, если нужна, то — раба.

Азбелевъ смутился. «Опять... и она тоже!» — Вспомнился ему такой же ласковый и нѣжный голосъ изъ далекаго прошлаго. Онъ отмахнулся отъ этого воспоминанія.

— О, нѣтъ! здѣсь и мечта и что-то другое, что я затрудняюсь сейчасъ опредѣлить, — сказалъ онъ въ тихой задумчивости, — не мечтатель говоритъ во мнѣ въ этомъ случаѣ, не поэтъ... И давно я пересталъ быть ловцомъ женскихъ сердецъ. Во мнѣ проснулось другое

чувство, когда я увидѣлъ васъ. Чувство, если позволите такъ выразиться, родственнаго одиночества. Я угадалъ, что вы бесконечно одна, и что музыка для васъ — путь въ иной міръ отъ жгучей тоски вашей жизни...

М-me Claudet нервно повернулась на мѣстѣ:

— Откуда вы взяли? У меня мужъ, родные, друзья... Азбелевъ остановился на минуту.

— М-me Claudet, — онъ слегка повысилъ голосъ, — вы позволите мнѣ быть искреннымъ съ вами?

— Конечно, но...

— Тогда позвольте мнѣ сказать вамъ, — перебилъ онъ мягко, но властно, — что съ мужемъ у васъ нѣтъ ничего общаго, что родные ваши, какъ всѣ родные — только обуза, и что друзей у васъ нѣтъ...

— Но позвольте...

— Вы одиноки и задыхаетесь въ своемъ одиночествѣ, какъ — простите за банальное сравненіе — птичка въ неволѣ. И скажу вамъ еще: вы одиноки болѣе, нежели я, бездомный бродяга. Меня по крайней мѣрѣ дома никто не ждетъ и не мучить, а васъ...

— Меня ждетъ добрый, ласковый мужъ... онъ во мнѣ души не чае. Я его очень люблю.

— Нѣтъ, простите, m-me Claudet! вы разрѣшили мнѣ быть искреннимъ, и я буду имъ до конца. Вы не любите и не можете любить вашего мужа, какъ бы къ тому ни принуждали себя. И онъ васъ любитъ только, какъ вещь, какъ самый дорогой предметъ своей обстановки.

М-me Claudet опустила голову и долго не отвѣчала. Потомъ она дернула шнурокъ и приказала ѣхать домой.

— Боже мой, допустимъ, что все сказанное вами — правда, — произнесла она нѣсколько измѣнившимся

голосомъ, — что же я по-вашему должна дѣлать? И зачѣмъ вы мнѣ все это говорите?

— Чтобы убѣдить васъ, что вы и я страдаемъ общимъ страданіемъ и можемъ и должны понять другъ друга. Повѣрьте мнѣ, m-me Claudet, что нѣтъ высшаго счастья для одинокой и гордой души, какъ встрѣтить другую, такую же душу и понести свое одиночество вмѣстѣ...

M-me Claudet ничего не отвѣтила на это, только указала на звѣзды:

— Взгляните, какъ ихъ много, а знаютъ ли онѣ тамъ, что и онѣ одиноки?

— Вы говорите, — продолжалъ Азбелевъ, — о женщинѣ, о любви, о поэтическихъ символахъ. Но увѣряю васъ: простое сочувствіе одареннаго и одинокаго существа, безконечно выше всѣхъ наслажденій, дающихъ повседневной любовью.

M-me Claudet промолчала. Напряженно всматривалась въ густую чащу деревьевъ.

— Paul, — обратилась она къ шоферу, — возьмите аллею налѣво, тамъ шире дорога и свѣтлѣе.

— Слушаю, сударыня.

Машина круто повернула.

— Я боюсь темноты, — пояснила она Азбелеву, — я люблю все ясное и свѣтлое... чтобы все видно было... а вы, m-g Азбелевъ?

— Я темноты не боюсь, — смущенно-ласково, словно выражая сожалѣніе, отвѣтилъ Азбелевъ.

— Не боитесь?

— Нѣтъ.

— Тогда я... я начинаю васъ бояться. Мнѣ становится страшно съ людьми, которые ничего не боятся, даже темноты, а вы именно такой...

Ея смѣхъ не звучалъ весельемъ, хотя и казался безпечнымъ.

— А я такъ боюсь вашей ясности: въ ней царить безнадежность.

— Да, ясная безнадежность лучше, чѣмъ темная надежда. Первая не обманываетъ, а вторая—кто знаетъ! — Но вы, m-г Азбелевъ, повторяю, ничего не боитесь — и вотъ къ этому я не знаю, какъ отнестись. Вы сказали... вы предположили, что я одинока. Допустимъ, что это дѣйствительно такъ. Мой мужъ очень занятъ, это правда... я много бываю одна... но я такъ или иначе справляюсь со своимъ одиночествомъ, а вы? Чѣмъ наполняете вы его? Ищете сочувствія у женщинъ?

Она снова повернула къ нему свое лицо, но блеска въ ея глазахъ онъ не замѣтилъ; почувствовалъ только, что это былъ первый личный вопросъ, къ нему обращенный.

— Чѣмъ я наполняю свое одиночество? — спрашиваете вы. Объ этомъ я могу рассказать вамъ когда-нибудь, если вамъ будетъ угодно. Но сейчасъ позвольте мнѣ отвѣтить вамъ, что я живу напряженной и довольно разнообразной жизнью. Но женщины въ ней не принимаютъ участія, ни малѣйшаго, не принимали по крайней мѣрѣ... до встрѣчи съ вами. Я боюсь, что вы заподозрите меня, слыша эти слова, въ чемъ-нибудь очень обыкновенномъ и пошломъ, но я не ищу словъ, я знаю вашу чуткость...

Онъ ждалъ возраженія, но она молчала.

— Вы можете мнѣ вѣрить или не вѣрить, — продолжалъ онъ, — но мнѣ неизъяснимо отрадно, что съ вами, послѣ многихъ лѣтъ мучительнаго одиночества, я говорю такъ искренно и просто. И я знаю — почему...

— Почему же? — едва внятно спросила m-me Claudet.

— Потому что я читаю въ вашей душѣ такъ же легко, какъ въ своей.

— Смотрите, не ошибитесь...

Она смѣялась, смѣялась весело, почти задорно.

Улыбался и Азбелевъ:

— Не беспокойтесь...

Потомъ стала серьезна, и сказала тепло и задушевно:

— Послушайте, у васъ нѣтъ родины, вы одиноки. Мнѣ жаль васъ безконечно; я чувствую, что вы работаете для спасенія вашей прекрасной страны... О, чего бы я не сдѣлала, если бы Францію постигло такое же несчастье! Но что можетъ дать вамъ моя маленькая душа, кромѣ самаго пламеннаго, самаго искренняго сочувствія? Послушайте, я не скрою отъ васъ, что ваши рѣчи, ваша игра, благородство вашего сердца произвели на меня живѣйшее впечатлѣніе... Вы угадали: я одинокая птичка въ золотой клѣткѣ, а золото, вы знаете, крѣпче желѣза... Вы мнѣ сказали, что читаете мою душу, какъ раскрытую книгу... Другъ мой, чтеніе это можетъ быть больно и вамъ и мнѣ... прекратите его.

Она не отнимала руки, которую Азбелевъ покрывалъ поцѣлуями. Ласковый, дружескій тонъ голоса, ея «другъ мой», дрожавшее нѣгой неизъяснимой прелести въ его ушахъ, показались ему слаще всѣхъ звуковъ, всѣхъ ласкающихъ словъ.

— Я безконечно благодарю васъ... я никогда не забуду этихъ минутъ! — шепталъ онъ, прижимая къ губамъ нѣжную кожу ея ладони.

Еще одинъ поворотъ, и блескъ Елисейскихъ полей вернулъ ихъ изъ вечерней сказки къ Парижу, автомобилямъ, толпѣ. Шумный городъ бѣжалъ навстрѣчу и заносилъ чуждой суетой поэтическіе призраки лѣснаго сумрака и ласковыхъ словъ.

— Вы не забудете? — мы завтра въ концертѣ. Дирижируетъ вашъ же, русскій, вотъ только не могу имени вспомнить, они такъ трудны, ваши русскія имена... Вы не любите моего мужа, а между тѣмъ это онъ позаботился о ложѣ, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе.

— Въ такомъ случаѣ я обязанъ ему вдвойнѣ. Я никогда не забуду его расположенія.

Легкая усмѣшка играла на губахъ m-me Claudet. Лицо ея выплывало изъ темноты. И Азбелевъ видѣлъ на яркомъ свѣту, что оно утратило прежнее выраженіе кроткой покорности судьбѣ.

— Вы видите, — продолжала она шутливо, — кто изъ васъ добрѣе?

— О, безъ сомнѣнія — m-г Claudet!

А самъ думалъ:

«Изъ благодарности я съ удовольствіемъ досталъ бы ему билетъ и на поѣздку въ царство небесное»...

Машина на этотъ разъ миновала особенно шумныя и людныя мѣста, пересѣкла Place de la Concorde, пронеслась маленькой пустынной улицей къ Place Vendôme и, сдѣлавъ два-три поворота, остановилась у красиваго особняка съ чугунной рѣшеткой.

— Вотъ мы и дома, — сказала m-me Claudet, выходя изъ экипажа.

Азбелевъ снялъ шляпу:

— Позвольте мнѣ откланяться сегодня. Завтра я буду имѣть честь особенно благодарить m-г Claudet за его любезность... Теперь же, мнѣ хочется сказать вамъ, что за всѣ годы, проведенные мною въ изгнаніи, эта прогулка оставила неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ.

— До свиданія! я понимаю васъ. Смотрите, не простудитесь: было свѣжо и сыро, — добавила m-me Claudet, улыбаясь. — Вы не хотите, чтобы m-г Claudet заѣхалъ васъ завтра провѣдать?

— Благодарю васъ, вы очень добры. Итакъ, до завтра!

— До завтра!

Тяжелая дверь открылась, и стройная фигура m-me Claudet исчезла въ ярко освѣщенномъ вестибюлѣ.

Азбелевъ шелъ и умиленно думалъ о ней.

XVI

На слѣдующій день Азбелевъ проявилъ кипучую дѣятельность. Онъ съ ранняго утра носился по городу, перевидалъ множество народу, исчертилъ записную книжку шифрованными замѣтками и къ двѣнадцати часамъ испыталъ сильнѣйшую потребность разобратъся въ своихъ впечатлѣнiяхъ и подвести итоги. Завтракать онъ предполагалъ у своей тетки, княгини Подольской. До завтрака оставалось еще болѣе часа, и онъ присѣлъ за однимъ изъ столиковъ кафэ на бульварѣ Malesherbes, куда ему подали содовой воды и виски. Прежде всего онъ вспомнилъ свою бесѣду съ товарищемъ по полку Троицкимъ, который велъ оживленную работу по организаціи монархическаго движенія. Азбелевъ сочувствовалъ этой работѣ не потому, что вѣрилъ въ торжество монархіи или чувствовалъ себя ея приверженцемъ. Но онъ привѣтствовалъ всякую организацію русскихъ людей для борьбы съ большевизмомъ, изъ какихъ бы круговъ и партій она ни исходила. «Тамъ разберутся», думалось ему, «а будетъ ли однимъ кровопусканіемъ больше или меньше впослѣдствіи, не важно. Станутъ ли республиканцы или монархисты у власти, все равно — это будутъ русскіе люди... только бы убрать этихъ»... Троицкій сообщилъ ему, что все было бы ладно, да нѣтъ еще полного довѣрія въ широкихъ кругахъ офицерства, уже столько разъ обманутаго: пристають боль-

шей частью элементы ненадежные, съ расчетомъ на кормежку. «Надо пока что терпѣть, а тамъ начнется чистка». «Съ Рогозинымъ неудача, — записалъ далѣе Азбелевъ: эта отѣбывшаяся свинья забыла, что въ свое время онъ, благодаря мнѣ, нажилъ свои миллионы. Я ему говорю: дай деньги индусамъ, чтобы напакостить англичанамъ! А онъ мнѣ: всѣ мои компаньоны — англичане — какъ же я въ глаза имъ буду смотрѣть?»

Новыя свѣдѣнія Азбелевъ сопоставилъ съ тѣми, какія онъ получилъ изъ другихъ мѣстъ, и результаты занесъ въ свою книжку. Затѣмъ пересмотрѣлъ нѣсколько социалистическихъ газетъ и перебралъ въ памяти свой разговоръ съ однимъ лѣвымъ депутатомъ и двумя журналистами. Послѣдніе жаловались на скудость средствъ — не хватало на оплату сообщеній изъ Россіи. Азбелевъ подѣлился съ ними кое-какими свѣдѣніями, предостерегъ отъ сотрудничества Нордмана и обѣщаль достать нѣкоторую сумму, съ обязательствомъ не упоминать его имени при внесеніи денегъ въ газетную кассу. Деньги онъ рѣшилъ взять у княгини Подольской. Азбелевъ зналъ: старуха будетъ журить, но онъ пугнетъ ее призракомъ красной революціи, и она дастъ денегъ «на дѣло».

Потомъ онъ занесъ нѣсколько мыслей о поражающей бездарности русской зарубежной журналистики: она больше полемизировала о принципахъ будущей власти, чѣмъ о большевикахъ. «На словахъ они ловки, а на дѣлѣ — трусы, — думалъ онъ о вожакахъ политическихъ партій. — Сами вѣдь понимаютъ, что терроръ прекращается только терроромъ, а не хлесткими газетными статьями. А взяться за дѣло не умѣютъ или боятся». Онъ вспомнилъ свой разговоръ съ ними:

— Убивать некого, — сказалъ ему одинъ изъ видныхъ политическихъ дѣятелей: — за смерть какого-

нибудь ничтожнаго комиссаришки Россія заплатить кровью послѣднихъ остатковъ русской интеллигенціи.

— Вамъ нравится присутствовать при медленномъ засыпаніи ихъ землею? — спросилъ его Азбелевъ. — Вѣдь терроръ рассчитанъ на трусость захватчиковъ власти, а не на личности. И, наконецъ, развѣ то, что еще осталось цѣннаго въ Россіи, не ушло изъ нея?

Въ этихъ мысляхъ онъ освѣжилъ себя содовой водой, расплатился и пошелъ вдоль бульвара. Былъ тихій, солнечный день, создававшій праздничное настроеніе.

— Ничего, — думалъ онъ, внутренне потягиваясь, словно встряхивая душу, — пока еще толстая газетчица на углу продаетъ свою отраву, а тѣ кокетки не перестали мазать губы и брови — жить еще можно въ этомъ городѣ, а, можетъ быть, еще и вообще слѣдуетъ подумать о жизни..

Онъ вспомнилъ о предстоящемъ свиданіи съ m-me Claudet и тутъ же, неожиданно обернувшись, очутился носъ къ носу съ рыжимъ малымъ, въ щегольскомъ сапотіер, который — Азбелевъ замѣтилъ это — давно уже слѣдовалъ за нимъ. Онъ пристально взглянулъ ему въ лицо и произнесъ, стиснувъ зубы, по-русски:

— Эй ты, тульская морда! ты не умѣешь носить шляпы! Я тебя поучу...

И слегка приподнявъ палку. Малый отскочилъ и черезъ минуту исчезъ въ толпѣ.

Какъ ни въ чемъ не бывало, Азбелевъ продолжалъ свой путь. Онъ свернулъ въ одну изъ улицъ налѣво и вошелъ въ первый подъѣздъ углового дома.

— Княгиня дома? Принимаетъ? — спросилъ онъ представительнаго русскаго швейцара въ синей ливреѣ.

— Точно такъ-съ, ихъ сіятельство у себя-съ, — отвѣтилъ швейцаръ, открывая дверь на устланную ковромъ лѣстницу.

Наверху въ гостиной, Азбелевъ засталъ старую, хорошо знакомую картину. Въ креслѣ, у круглаго стола, подъ большимъ портретомъ царя Николая Александровича, спиной къ жардиньеркѣ съ живыми цвѣтами, сидѣла полная, сановитая старуха въ лиловомъ шелковомъ платьѣ, съ наколкой на тщательно зачесанныхъ волосахъ; у ногъ ея, на особой подушкѣ, лежала крошечная болонка, уже не лаявшая, а только хрипло кашлявшая отъ старости. Возлѣ помѣщалась грузная фигура друга покойнаго князя, генерала Воротынцева, въ поношенномъ черномъ сюртукѣ, съ трехцвѣтной ленточкой въ петлицѣ. У генерала былъ красный носъ и отвислыя щеки со слѣдами бакенбардовъ; волосъ на головѣ почти не было. Азбелевъ зналъ, что генераль разъ навсегда получилъ разрѣшеніе завтракать у княгини, когда у него не бывало денегъ. А такъ какъ денегъ у генерала почти никогда не было, то онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ княгини. Зналъ Азбелевъ и то, что, накормивъ генерала, скупая старуха не дастъ ему больше десяти франковъ, да и то скажетъ:

— Вамъ вѣдь, генераль, сколько ни дай, все равно въ ближайшемъ кабачкѣ оставите.

Иногда добавитъ въ утѣшеніе:

— Вотъ ужѣ, Богъ дастъ, корпуса дождетесь...

За тѣмъ же круглымъ столомъ, вѣчно перебирая альбомы, воссѣдала еще не старая, даже не дурная собой вдова одного изъ прибалтійскихъ укротителей, графиня фонъ-Моль, исполнявшая обязанности придворной гадалки и пророчицы. Она жила у княгини и настолько свыклась со своей ролью предвѣщать все доброе, что старый дворецкій Филиппъ Терентьевичъ, вывезенный вмѣстѣ съ прочимъ скарбомъ и состояніемъ княгини послѣ первой революціи 1905 года, не иначе называлъ ее, какъ «доброносицей ея сіятельства». Привыкнувъ

вѣщаетъ, эта домашняя пиѣя, въ общемъ существо безвредное и безобидное, разучилась употреблять глаголы въ иныхъ временахъ, кромѣ будущаго.

У нея спрашивали:

— Графиня, ея сіятельство намѣрены выѣхать послѣ обѣда, такъ онѣ желали бы знать, какъ вы изволите полагать: будетъ дождь или нѣтъ?

Она отвѣчала:

— Богъ дастъ, если и прольется дождичекъ, то потомъ выглянетъ солнце.

Другіе интересовались, вознаградить ли будущее правительство дворянъ за убытки.

Графиня, не задумываясь, отвѣчала:

— Богъ дастъ, будетъ законная власть, по закону и вознагражденіе будетъ.

Вотъ только насчетъ болонкиной хрипоты и насморка, графиня ничего путнаго предсказать не могла: напророчить скорую кончину не рѣшалась, а средства къ болонкиному безсмертію боги не открывали.

Возлѣ графини сидѣла въ черномъ кашемировомъ платьѣ сухопарая, старая швейцарка, m-lle Guinet. Она была необыкновенно свѣдуща въ католической богословской литературѣ, хотя и не отличалась особымъ рвеніемъ къ исполненію обрядовъ. Въ ея обязанности входило вести съ княгиней религіозныя бесѣды и въ неизбѣжно возникавшихъ богословскихъ спорахъ уступать, соглашаясь, что православныя толкованія правильнѣе и выше католическихъ.

Таково было общество роскошно обставленной гостиной княгини Подольской, когда въ нее вошелъ Азбелевъ. Его оживленно привѣтствовали, считая его не безъ основанія единственнымъ наслѣдникомъ крупнаго состоянія княгини.

— Ну, что, налетался? — спросила княгиня, когда

онъ почтительно цѣловаль ея руку. — Разсказывай: обѣгалъ полъ-міра, Россіи не видалъ?

— Въ Россію, тетушка, всѣ вмѣстѣ экспрессомъ поѣдемъ... только не скоро.

— Гдѣ мнѣ ужъ! — вздохнула княгиня, — я не надѣюсь... Да, сказываютъ, теперь и Россіи никакой нѣту — все хохлы, да жида, да татары пошли, и самое имя «Россія» изъ географіи убрали...

— Пришествіе антихриста... въ Апокалипсисѣ сказано... — заговорила, шепелявя, m-lle Guinet.

— И вовсе нѣтъ, — прервала ее графиня фонъ-Моль: — вотъ увидите, княгинюшка, Богъ дастъ, скоро придетъ законная власть, и скоро всѣ мы на старія мѣста полетимъ... Полетимъ, полетимъ... быстро, быстро, какъ птицы... вотъ увидите! Вы ничего не читали объ этомъ въ вашихъ газетахъ? — обратилась она къ Азбелеву, окидывая его широкимъ, ничего не выражавшимъ взглядомъ.

— О законной власти? — переспросилъ Азбелевъ, насмѣшливо улыбнувшись: — нѣтъ, пока ничего не читалъ.

Въ его намѣреніе не входило сегодня успокаивать общество. Напротивъ, слѣдовало немного напугать.

— Я удивленъ, — продолжалъ онъ, — наглости коммунистовъ у васъ здѣсь, въ Парижѣ. Колебаніе франка, тонъ лѣвой печати...

Онъ взглянулъ на княгиню. Колебаніе франка она приняла спокойно, но упоминанія о печати не держала:

— Не говори мнѣ ничего о здѣшней печати, — почти закричала она, — ничего, ни слова! Послѣ ухода Мильерана я не читаю ни одной газеты, ни одной... Слышишь? Я не хочу знать, что дѣлается въ Парижѣ. Эти политическіе младенцы — она энергично махнула

рукой въ ту сторону, гдѣ, по ея представленію, должно было находиться новое правительство — Богъ знаетъ, до чего договорились... они хотятъ мириться съ большевиками, хотятъ санкціонировать лишеніе насъ власти и правъ!...

Княгиня волновалась. Генераль Воротынцевъ пробоваль успокоить ее.

— Пока у правительства есть войска, — густо, съ барской оттяжкой забасиль онъ, — вамъ, княгиня, беспокоиться нечего. Ваша жизнь и состояніе защищены силою и честью лояльнѣйшихъ гражданъ Франціи.

— Боюсь, ваше превосходительство, — почтительно вставилъ Азбелевъ въ сторону генерала, — положеніе значительно серьезнѣе, чѣмъ было прежде, когда можно было опираться на силу военного оружія...

— Ахъ, я всегда такъ любила, такъ любила французовъ, — съ жестомъ отчаянія произнесла княгиня.

— Подождите, княгинюшка, — вставила графиня фонъ-Моль, — Богъ дастъ, они образумятся, и все будетъ хорошо.

— А я вамъ скажу, молодой человѣкъ, — наставляль генераль Азбелева, — помните одно: армія — опора порядка. Если бы государь — онъ не рѣшилъ произнести «покойный», — сохранилъ за мной корпусъ...

— Кушать подано! — доложилъ, появляясь въ дверяхъ, дворецкій.

Генераль оборвалъ свою рѣчь, княгиня встала, болонка захрипѣла, графиня фонъ-Моль подняла съ ковра оброненный княгиней платокъ, m-lle Guinet сокрушенно закрыла альбомъ, и все общество направилось въ столовую.

За завтракомъ Азбелевъ велъ себя такъ, что даже княгиня, считавшая его озорнымъ, замѣтила, когда

подали сладкое, что ея племянникъ, кажется, измѣнился къ лучшему. Онъ не издѣвался надъ предсказаніями графини фонъ-Моль, не расхваливалъ старой m-lle Guinet наружности чорта, съ которымъ, если вѣрить ему, былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Генералу, въ третій разъ подставлявшему стаканъ для лафита, не рассказывалъ, будто невзначай, сохраняя почтительность въ тонѣ, что за послѣднее время участились случаи апоплексического удара отъ краснаго вина. Ни разу не поперечилъ княгинѣ, когда она бранила, по обыновенію, неблагодарныхъ мужиковъ, не оцѣнившихъ своихъ благодѣтелей, и жидомасоновъ, создавшихъ Государственную Думу.

— Я уже тогда все предвидѣла: — говорила княгиня, — и тогда рѣшила, что въ странѣ, гдѣ жидамъ разрѣшено обманывать государя, я жить не останусь!

— Видите, какъ вы были правы! — восторженно вскидывая глаза, воскликнула графиня фонъ-Моль.

— И развѣ Всевышній не вознаградилъ васъ? — вздохнула m-lle Cuinet, кладя себѣ вторую порцію шоколаднаго бисквита со сливками.

Соглашался со всѣмъ и Азбелевъ. Ълъ съ аппетитомъ и охотно чокался съ генераломъ. Безпокоился только отсутствію еще одной обычной темы — сѣтованія на колебаніе франка:

«Что это значитъ? — думалъ онъ съ тревожнымъ недоумѣніемъ: раздѣлалась она съ франками, что ли?»

Послѣ завтрака, когда они остались одни, княгиня дѣловито спросила:

— Ну что, соколикъ, небось денегъ надо?

— Надо, тетенька.

Княгиня задумалась.

— Много не дамъ. Потеря у меня вышла большая.

Не во-время франки продала и доллары купила. Меня мой банкиръ отговаривалъ, но я настояла на своемъ: не вѣрю этому правительству — и конецъ. Въ долларахъ надежнѣе... ну, а разница вышла большая... да тебѣ на себя или на дѣло?

— На дѣло, тетенька... на себя еще есть.

— А какъ подвигается?

— Трудно сказать что-нибудь положительное. Работать во всякомъ случаѣ надо.

— Такъ сколько же тебѣ?

— Долларовъ тысячу.

Княгиня стала высчитывать, вода золотымъ карандашикомъ по маленькой записной тетрадкѣ.

— Возьми пятьсотъ!

— Маловато...

— Ну, на семистахъ помиримся... Скоро вѣдь снова запросишь. А я тѣмъ временемъ кое-что поднакоплю... на курсѣ.

«Научилась» — промелькнуло у Азбелева, и произнесъ вслухъ:

— Ну что-жъ, и на томъ спасибо!

— Надѣюсь, работать на эти деньги будутъ русскіе люди?

— Конечно...

Когда онъ уходилъ, его провожалъ дворецкій Филиппъ Терентьичъ. Это былъ высокій благообразный старикъ, гладко выбритый, съ сѣдыми, коротко подстриженными волосами. Въ его сѣрыхъ и тусклыхъ глазахъ, наполовину скрытыхъ мѣшками, свѣтилась глубокая тоска.

— Владиміръ Ивановичъ, ваше сіятельство, — обратился онъ къ нему, титулуя по привычкѣ общимъ титуломъ этого сіятельнаго дома, — дайте вы мнѣ, старику, надежду, что мы и впрямь когда-нибудь въ нашу

Россію-матушку попадемъ. Невмоготу жить тутъ больше, задыхаюсь! вотъ какъ бы безъ воздуха...

И въ доказательство онъ взялся за воротъ своей тонкой, бѣлоснѣжной рубахи.

— Княгиня — оно извѣстно — дѣло барское, опять же своимъ капиталомъ живутъ... А, скажемъ, его превосходительство — человѣкъ еще не старый, образованный, а сами въ приживальщикахъ состоятъ. Да и мнѣ покою отъ нихъ нѣтъ: почти каждый день франками ихъ снабжаю, опять же и мадеру изъ буфета норовятъ стянуть, да еще, по старой генеральской привычкѣ, меня, заслуженнаго человѣка, тыкаютъ... да я не къ тому, ваше сіятельство, Владиміръ Ивановичъ, житье здѣсь не настоящее — вотъ что! Простору нѣтъ... Ну, и народъ не солидный... Не любилъ бы я княгини, право слово, баринъ дорогой — голосъ дворецкаго дрогнулъ — я бы сейчасъ въ Россію ушелъ бы, въ какую ни на есть Россію, хоть помереть бы тамъ... А все думаешь: подожди, да подожди, авось съ этими нехристями какое-нибудь рѣшеніе выйдетъ...

Азбелевъ обласкалъ и обнадежилъ старика:

— Скоро, Филиппъ Терентьичъ, скоро! Всѣ мы засидѣлись здѣсь.

И сталъ спускаться по лѣстницѣ.

— А моя жизнь — настоящая? — спросилъ онъ себя, выйдя на улицу и направляясь въ свой отель.

На углу его кто-то окликнулъ. Онъ оглянулся и не сразу узналъ въ толстомъ, нѣсколько тяжело одѣтомъ господинѣ съ свѣтлой бородой и усами, инженера Торопова, котораго знавалъ въ Россіи.

— Здравствуйте! Какъ вы поживаете?

— Вотъ встрѣча! Давно ли въ Парижѣ?

Азбелевъ пытливо смотрѣлъ на него: съ кѣмъ онъ: съ ними или съ нами?

Тороповъ тотчасъ же отрекомендовался:

— Я командированъ сюда по дѣламъ заказовъ для нашего завода. Вы знаете — я вѣдь остался въ Россіи.

— Вы работаете съ большевиками? — сухо спросилъ Азбелевъ.

Тороповъ добродушно, съ легкимъ сокрушеніемъ посмотрѣлъ на него.

— Я работаю на томъ же заводѣ, гдѣ и прежде работалъ. Большевики, конечно, мѣшаютъ. Я на нихъ такъ и смотрю: обхожу препятствія.

— Но сами вы не большевикъ? — хмуро допрашивалъ Азбелевъ: — вы, если не ошибаюсь, въ свое время тоже хотѣли покинуть Россію?

— Хотѣлъ и даже могъ, да потомъ раздумалъ: какова же жизнь моя будетъ за порогомъ моего народа? Думалъ — думалъ, и рѣшилъ остаться и дѣлать его судьбу до конца. И знаете, Владиміръ Ивановичъ, я не раскаиваюсь. Большевикомъ не сталъ, душу не продаю, а дни дѣлю на черные и бѣлые. Привыкъ ничего не бояться и совѣсть въ порядкѣ держать. А вы, Владиміръ Ивановичъ?

— Долго рассказывать...

Они дошли до Avenue de l'Opéra. Азбелевъ остановился:

— Это вы хорошо сказали насчетъ совѣсти. Можетъ-быть, вы и правы. Я радъ встрѣчѣ съ вами. Прощайте!

И повернулъ къ своему отелю.

— Да... о чемъ я думалъ? Я думалъ — настоящая ли моя жизнь? Не знаю. Знаю одно лишь: жить еще хочется... А тамъ...

Мысли не кончилъ.

Безъ двухъ минутъ восемь Азбелевъ, свѣжій, довольный, въ смокингѣ, открываль дверь ложи большого зала Grand Opéra, гдѣ долженъ былъ состояться концертъ. Супруги Claudet, по этикету, какъ лица, отъ которыхъ исходило приглашеніе, пріѣхали нѣсколькими минутами ранѣе. М-me Claudet, казавшаяся еще меньше, еще граціознѣе въ вечернемъ туалетѣ съ обнаженными плечами и руками, сидѣла уже въ первомъ ряду справа. Кресло рядомъ было оставлено для Азбелева.

Кромѣ m-r Claudet, занимавшаго мѣсто во второмъ ряду, было еще два лица, кавалеръ и дама, видимо, очень занятые другъ другомъ. М-r Claudet познакомилъ ихъ. Супругъ м-me Claudet показался ему еще толще, еще неуклюжѣе, особенно противно ползла у него по толстому животу массивная цѣпь съ брелоками, украшенными камнями.

Толстякъ имѣлъ видъ человѣка, котораго только что разбудили, и который еще не пришелъ въ себя послѣ пріятнаго сна. М-me Claudet улыбулась Азбелеву своей обычной улыбкой — учтивой и равнодушной, и тотчасъ же стала съ той же спокойной учтивостью глядѣть внизъ въ первые ряды переполненного нарядной публикой зала.

Странное ощущеніе испыталъ Азбелевъ — блеска, простора и холода. Робко настраивались инструменты — громадный оркестръ готовился къ рожденію великой, торжественной, поэтической сказки—въ ней должны были потонуть заботныя морщины, волненія длиннаго, трудового дня. Еще мгновеніе, и — замерли инструменты. Огромный залъ, какъ одинъ человѣкъ, затихъ въ волнующемъ ожиданіи. Ударъ магической палочки. Косматая голова дирижера вытянулась на длин-

ной, тонкой шеѣ, распластанныя руки дрогнули въ воздухѣ — и нѣжные звуки віолончели, воздушно подхваченныя скрипками, понесли мечту въ заколдованный міръ.

То была пасторальная симфонія съ сладкими аріями флейтъ и горныхъ рожковъ, съ отзвуками шумящихъ водопадовъ и весельемъ долинъ. Она мало говорила душѣ, и Азбелевъ отдавалъ свое вниманіе техническимъ свойствамъ оркестра.

Онъ слѣдилъ за движеніемъ дирижера, за тѣмъ, какъ онъ смѣшно приподнимался на носкахъ и замигалъ, застывалъ, казалось, не касаясь пола, на патетическихъ пассажахъ. Ихъ ложа была съ правой стороны, и, глядя на дирижера, Азбелевъ могъ видѣть милыя черты профиля *m-me Claudet* и благородныя линіи ея плечъ. Она сидѣла неподвижно, опутивъ свою руку съ маленькимъ перламутровымъ биноклемъ на колѣни. Не спуская глазъ съ оркестра, Азбелевъ незамѣтно, боковымъ взоромъ любовался ею и постепенно переставалъ видѣть и смѣшныя движенія дирижера, и напряженную жизнь могучаго оркестра. Онъ скоро привелъ себя въ состояніе музыкальнаго самозабвенія, когда не думается ни образами, ни словами, и женщина, покорявшая его сердце, сама начинала казаться ему частью симфоніи. Когда симфонія потонула въ рукоплесканіяхъ зала, онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать ей:

— Я испытываю двойное наслажденіе...

Она слабо улыбнулась:

— Какъ вы чувствуете себя послѣ вчерашней прогулки? Я сказала *m-g Claudet*, что вы были нѣсколько утомлены.

Онъ отвернулся такъ, чтобъ его могъ слышать и *m-g Claudet*:

— О, если бы я потерялъ всѣ свои силы, сегодня

онѣ воскресли бы вдвойнѣ. Я безконечно вамъ признателенъ...

— Для вечернихъ прогулокъ надо тепло одѣваться, — наставительно произнесъ m-r Claudet: — я не довѣряю парижской веснѣ.

Дирижеръ взмахнулъ палочкой, и сложный симфоническій вальсъ французскаго композитора, яркой звѣзды музыкальнаго міра, поразилъ его слухъ своей неожиданностью и новизной. Азбелевъ не слыхалъ его прежде. Въ пьесѣ явственно боролись два міра. Въ старое содержаніе, строгое и ясное, ворвалась кипучая и нестройная новая жизнь, не подчиненная гармоніи, не ведущая къ законченности. Что-то ударило Азбелева по самымъ чуткимъ струнамъ его сердца, и въ немъ проснулась та же борьба старыхъ и новыхъ стремленій. «Вѣдь это я... вѣдь это обо мнѣ...» — вспыхнула мысль. Вотъ изъ стараго міра выдѣлился знакомый мотивъ, нѣжная мелодія, рассыпавшая зарницы воспоминаній — свѣтлыя улыбки, пылающіе взоры, забытыя пѣсни... Старая мелодія протянулась надъ зіяющей, черной бездной и упала въ нее съ воплемъ отчаянія и муки. Хаосъ, мракъ, призраки смерти... Ужели все прежнее, все дорогое, любимое, навѣки исчезло во мракѣ безнадежности и забвенія? Нѣтъ, старая пѣсня вырывается изъ хаоса звуковъ, она поднимается, падаетъ снова, и снова взлетаетъ, слабѣющая, еще зовущая къ жизни, къ любви... Любовь, одна любовь можетъ спасти, можетъ поднять душу и открыть передъ ней въ безпредѣльной лазури божественную солнечность счастья...

И не отдавая себѣ отчета, въ самозабвеніи экстаза, не видя передъ собой ничего, кромѣ любимой женщины, Азбелевъ шепчетъ — такъ, чтобы она слышала:

— Je vous aime...

Она вздрагиваетъ, словно отъ электрической искры. Блѣднѣетъ, рука ея безпомощно опускается.

— *Taisez-vous*, — не столько слышитъ, сколько угадываетъ онъ, по еле замѣтному движенію губъ.

— *Je vous aime...* — повторяетъ онъ, замирая въ безуміи страсти, но тихо, — тихо...

Отвѣта нѣтъ ни движеніемъ, ни звукомъ, но онъ чувствуетъ, что и она захвачена тѣмъ же безуміемъ вальса... Въ эту минуту она отдастъ жизнь за легкій призракъ счастья. Ея рука такъ близка... Онъ инстинктивно оглядывается и, видя, что взоры всѣхъ устремлены на сцену, приближаетъ свою руку къ ея холодной, неподвижной рукѣ. Тонкіе и нѣжные пальцы нервно вздрагиваютъ и сильнымъ движеніемъ внезапно сжимаютъ руку Азбелева. Секунда — молнія въ нервахъ... Оркестръ живетъ, бушуетъ, несется. Старая пѣсня гибнетъ безслѣдно, съ нею гибнетъ все прежнее — прежніе годы, прежнее счастье, прежнія муки. Новая любовь осѣняетъ радостными серебристыми крылами. Онъ высоко взлетаетъ и не видитъ уже сѣрой и скучной земли, слышитъ только торжествующій призывъ къ безбрежной свободѣ, къ вѣчному солнцу, къ любви и счастью!

Не сразу приходитъ въ себя Азбелевъ, когда обрывается пѣса. Онъ видитъ — и она упоена экстазомъ, и для нея нѣтъ старой пѣсни, и нѣтъ воспоминаній. Онъ еще грезитъ звуками, а m-г Claudet касается его плеча свернутой программой и спрашиваетъ, понравилась ли ему новая пѣса.

Азбелевъ не помнитъ себя.

— Я думаю... — говоритъ онъ, слегка повернувъ поблѣднѣвшее лицо и словно просыпаясь. — Я думаю, что эта пѣса способна преобразить душу и открыть въ ней самое затаенное чувство...

— Eh bien! — смѣется m-г Claudet, — какое же чувство сейчасъ владѣтъ вами?

Азбелевъ улыбается, но лицо его по-прежнему блѣдно.

— Единственное чувство, о которомъ я сейчасъ способенъ говорить, это любовь къ прекраснѣйшей изъ женщинъ — m-me Claudet.

M-me Claudet бросаетъ на него взоръ, полный нѣмого ужаса. Но m-г Claudet скорѣе польщенъ, чѣмъ пораженъ этимъ неожиданнымъ признаніемъ. Онъ самодовольно улыбается.

— Какъ это мило, что вы дѣлаете меня посредникомъ въ истолкованіи вашихъ чувствъ къ моей женѣ. Этотъ методъ я во всякомъ случаѣ предпочитаю методу непосредственной передачи. Какой вы энтузіастъ, однако!

Господинъ и дама, присутствующіе въ ложѣ — въ восторгѣ отъ искренности Азбелева.

M-me Claudet овладѣваетъ собою и тоже смѣется:

— Пожалуйста, — обращается она къ Азбелеву, — если еще когда-нибудь музыка произведетъ на васъ такое же дѣйствіе, обращайтесь ко мнѣ непосредственно. Мой мужъ не найдетъ подходящихъ словъ для изображенія вашей любви.

— Но, друзья мои, — говоритъ m-г Claudet, играя брелокомъ, — если ваши сердца такъ пылко стремятся другъ къ другу, предупредите меня во-время. Мой другъ, m-г Nodault — онъ указываетъ на своего сосѣда — адвокатъ и, въ случаѣ необходимости, можетъ ускорить разводъ.

Смѣхъ становится общимъ. M-г Nodault пользуется случаемъ «имѣть честь» передать «князю» Азбелеву свою визитную карточку. Его дама заявляетъ, что она

испытываетъ чувство мучительной зависти къ m-me Claudet.

— Можетъ быть, ревности? — шутить m-r Nodault.

— Можетъ быть, — отвѣчаетъ она, дѣлая блуждающіе глаза.

Азбелевъ почти не слыхалъ второй половины концерта. Онъ не выходилъ изъ состоянія поэтического забвенія, въ антрактахъ разсѣянно слушалъ, что ему говорили, и напрягалъ всю свою волю, чтобы отвѣчать на вопросы и не проронить неосторожнаго слова. «Точно мальчикъ!» — подумалъ онъ и не дѣлалъ особенныхъ усилій воли, чтобы выйти изъ состоянія поэтической влюбленности. Онъ помнилъ отдѣльныя мгновенія. Концертъ кончился. Онъ послушно вошелъ вмѣстѣ со всѣми въ ярко-залитый свѣтомъ залъ ресторана, послушно занялъ указанное ему мѣсто. Когда поднялъ глаза, увидалъ передъ собою бѣлую скатерть, цвѣты, вино и загадочно устремленный на него взглядъ m-me Claudet. Рядомъ съ ней сидѣлъ молодой адвокатъ. Сосѣдкой Азбелева слѣва была m-me Clémentine, какъ ее называли, далѣе помѣщался m-r Claudet.

M-me Clémentine что-то лепетала о русской музыкѣ и отказывалась отъ *salade Olivier*. M-r Nodault говорилъ, что музыка развиваетъ въ немъ непомѣрный аппетитъ. M-r Claudet трудился съ помощью *maître d'hôtel* надъ составленіемъ меню. M-me Claudet не говорила вовсе, слегка провела рукой по волосамъ, потомъ погладила нарциссы, потомъ раскланялась съ кѣмъ-то изъ сидѣвшихъ за другимъ столомъ и стала внимательно слушать m-r Nodault о томъ, какія блюда подавались у одного изъ турецкихъ пашей въ Константинополѣ.

M-me Clémentine обратилась къ Азбелеву:

— Вы много путешествовали?

И не вслушиваясь въ отвѣтъ, продолжала:

— Какъ это жаль, что вы не скоро увидите вашу Россію!

Азбелевъ отвѣтилъ:

— Я могу увидѣть ее, когда угодно, но теперь меня влечетъ къ себѣ только Франція.

— Вамъ нравится Парижъ? Вы любите нашу культуру? М-г Claudet говорилъ мнѣ, что вы прекрасный музыкантъ, настоящий артистъ.

М-me Claudet прислушивалась.

— Я люблю и Парижъ, и французскую культуру, и прекрасное французское общество, и вотъ это вино, которое продолжаетъ дѣйствіе музыки... Но теперь, и замѣтите — это случилось въ первый разъ въ моей жизни, — я больше всего люблю свое собственное сердце...

— Какъ это оригинально! — засмѣялась m-me Clémentine. — Слышишь Elise? онъ больше всего любитъ свое собственное сердце! Эти русскіе — совсѣмъ особый народъ. Наши не догадываются сказать что-нибудь подобное — простое, правдивое и не банальное...

М-me Claudet улыбнулась:

— У м-г Азбелева много основаній любить свое сердце.

Она взглянула на Азбелева. Взгляды ихъ встрѣтились.

— Позвольте мнѣ досказать, — замѣтилъ онъ: — я люблю свое сердце, но полюбилъ его лишь съ тѣхъ поръ, какъ ощутилъ въ себѣ большую любовь...

— Къ чему или къ кому? — съ живостью подхватила m-me Clémentine.

Азбелевъ взглянулъ на m-me Claudet. Она глядѣла въ пространство.

— Къ музыкѣ Франціи, — отвѣтилъ онъ, — къ той музыкѣ, которая достойна французской женщины. М-г Claudet вслушивался, но ничего не понималъ.

— Mesdames, — вдругъ заявилъ онъ, повязывая салфетку, — нашъ дорогой русскій гость страдаетъ сегодня ужасно. Онъ музыкантъ, артистъ, послѣ концерта можетъ говорить только о женщинахъ, да о любви. Беру вину на себя, что у него не оказалось другой дамы, передъ которой онъ могъ бы излить свои чувства, кромѣ моей жены... N'est-ce pas, Elise? М-г Азбелевъ, предупреждаю васъ: и m-me Clémentine не свободна: на-дняхъ она получитъ разводъ и станетъ супругой моего друга Nodault. Но вы не отчаивайтесь: мы васъ женимъ, непременно женимъ... я даже знаю, на комъ... Je ne vous dis que ça... Это будетъ превосходно... Ваше здоровье!

Вино горѣло въ стаканахъ, путало чувства и мысли. Звуки струнного оркестра соблазняли къ веселымъ и острымъ словамъ.

— Вамъ нравится планъ моего мужа? — спрашивала m-me Claudet.

Азбелевъ выразительно и восторженно глядѣлъ на нее:

— О, да! онъ безподобенъ! Я былъ бы счастливъ испытать блаженство, о которомъ до вчерашняго дня и не мечталъ!

— Васъ манитъ тихая пристань?

Азбелевъ смутился.

Тихая пристань? О ней онъ не думалъ.

— Не знаю... Быть можетъ: Боюсь, не оказался бы мой берегъ по ту сторону бурнаго океана...

M-me Claudet задумалась на мгновенье.

— Значить, я должна искать вамъ невѣсту среди отважныхъ женщинъ, не боящихся бурь?

— А вы ихъ боитесь?

Мускулъ на щекѣ чуть замѣтно дрогнуть.

— Я ненавижу бури. Еще будучи ребенкомъ, я не любила картинокъ, гдѣ изображались большія волны и вздутые паруса...

Нѣсколько секундъ помолчала, потомъ добавила тихо:

— Съ меня довольно и тѣхъ волненій, какія бываютъ на сухой и твердой почвѣ Парижа.

Азбелевъ залпомъ выпилъ свой стаканъ вина. Окружающій говоръ и музыка позволяли имъ говорить, о чемъ хотѣлось, но онъ былъ неувѣренъ, не слышитъ ли ихъ *m-me Clémentine*, въ промежуткахъ веселой болтовни и смѣха.

— Ну, какъ же, сговорились ли вы? — обратился къ Азбелеву *m-r Claudet*.

— О, да, сговорились! — отвѣтилъ Азбелевъ. — Я положилъ свое сердце къ ногамъ *m-me Claudet* и отдалъ свою судьбу въ ея руки. Кому она вручитъ его, та и будетъ моей безконечно любимой, единственной и несравненной госпожой на всю жизнь. Лучшаго рѣшенія своей судьбы я не жду. Моя воля, мои чувства, мои мысли — все будетъ принадлежать этой единственной женщинѣ!

— Bravo! bravo! — закричалъ *m-r Claudet*: — пью за ваше счастье и за женщину, пью за вашу любовь!

— Слышишь, Jules! — кричала, хлопая въ ладоши, *m-me Clémentine*: — ты никогда не говорилъ мнѣ такихъ словъ. Такъ можетъ говорить только русскій князь. Я не люблю тебя...

— М-г Азбелевъ, вы пожиратель женскихъ сердецъ, — кричалъ *m-r Nodault*, поднимая стаканъ. Что вы дѣлаете съ нами?

Струнная музыка ласкала старыми пѣснями, но

старыя пѣсни умерли въ душѣ Азбелева. Закрадывалась новая нѣжность.

— Вы предпочитаете рабство или дружбу въ любви? — спросилъ онъ *m-me Claudet*, пользуясь окружающимъ шумомъ.

— Я предпочитаю любовь.. безъ примѣси другихъ чувствъ... Любовь уравниваетъ сердца...

— И вы склоняетесь къ моей мольбѣ?

— Нѣтъ... да... я ничего не знаю...

— Но вы не забудете?

— О, нѣтъ!

И подарила его быстрымъ и любящимъ взглядомъ.

Вернувшись въ отель, Азбелевъ долго сидѣлъ, не раздѣваясь и стараясь собрать въ одно сильное и яркое впечатлѣніе музыку, чарующій женскій голосъ, смыслъ сказанныхъ словъ. Но это не удавалось: чувства и мысли разбѣгались, словно потоки талой воды, подъ лучами солнца.

XVIII

На слѣдующій день, около пяти часовъ, послѣ цѣлаго ряда дѣловыхъ свиданій и разъѣздовъ, Азбелевъ заѣхалъ къ *Claudet*. Господъ не было дома. Онъ оставилъ карточки съ любезной припиской. Вернувшись въ отель, нашелъ у себя письма и нѣсколько книгъ изъ Россіи. Чтобы заполнить чѣмъ-нибудь время, спасти душу отъ жгучей тоски, охватывавшей его, когда онъ думалъ о *m-me Claudet*, онъ взялъ рукопись, оставленную Федькинымъ, и началъ читать. Сначала ему показалось скучно, но затѣмъ онъ заинтересовался и, раздражаясь время отъ времени смѣхомъ, прочелъ вслухъ діалогъ между сознательнымъ Петромъ и не менѣе сознательной Ариной Митревной...

«Арина Митревна, луща подсолнухи, таращила глаза на Пётра. Сказала:

— Небойсь, натюкамшись самогону, башка-то трещить?

Пётра обтеръ губы замызганнымъ рукавомъ и почесалъ затылокъ. Сказалъ:

— Трещить, Митревна. Кабы опохмелиться дала, я бы тебя во-какъ поцѣловалъ.

Митревна, уперевъ руки въ бедра, выпялила богатскія груди, и остро, вожделънно поглядѣла на Пётра, словно молодая, здоровая телка на быка. Сказала:

— Плевать мнѣ на твои поцѣлуи, опять штоль захотѣлъ штобъ я въ родильный пошла?

И подобравъ подолъ, стала мыть лавку.

Пётра мымрился, не сдавался, вихриль усы, лохматилъ кудри. Глядѣла на него Митревна. Сказала, разгибая спину и крикая:

— Ну, ты... тово... больно вшей то не напусти...

Пётра ее успокаивалъ:

— Чтой ты, Митревна, али не знаешь, что вошь самогону боится?

— Ладно! поговори еще!

Пётра хлопнулъ ее по крутому бедру и сѣлъ на лавку.

Убравшись по избѣ, Митревна подняла половицу у печки, достала оттуда бутылъ и двѣ поцарапанныя чашки съ княжескими вензелями, потомъ наскребла воблы. Сѣла рядомъ на скамью, провела мокрой, корявой рукой по лицу Пётра. Сказала:

— Ы-ы, харя! Лакай, штоль!

Потомъ сочными, слюнявыми, жесткими губами прильнула къ губамъ Пётра. Оттолкнула. Сплюнула. Сказала:

— Вишь, вусищи! Словно свиная щетина...

Пётра вытянулъ впередъ голифеи и щелкнулъ языкомъ такъ, что стекло въ оконницѣ зазвенѣло. Рука потянулась къ бутылѣ».

— Вотъ тамъ, — вслухъ произнесъ Азбелевъ, — настоящая жизнь, а здѣсь — мечта. Что лучше? — И швырнулъ рукопись въ корзину.

Раздался телефонный звонокъ.

Онъ снялъ трубку и радостно измѣнился въ лицѣ. Узналъ голосъ m-me Claudet.

— Вы дома? Были у насъ?

— Да, я хотѣлъ поблагодарить... надѣялся васъ увидѣть...

— И я хотѣла бы переговорить съ вами...

Въ голосѣ ея новыя нотки: быстрота и мягкая рѣшимость. Онъ хочетъ что-то сказать, но она перебиваетъ его:

— Повторяю: я хочу видѣть васъ... только не у насъ... Вы одни? Я заѣду къ вамъ, если можно...

— Можно, конечно... но зачѣмъ же... Я могъ бы самъ, — волнуется Азбелевъ.

— Нѣтъ, такъ лучше. Adieu...

Руки Азбелева дрожатъ. Сердце бьется. Ему и радостно и страшно.

Звонитъ гарсона. Сбивчиво даетъ приказанія... Черезъ четверть часа — ни минутой позже! — чай, фрукты, бисквиты!

Оглядѣлъ комнату. Ногой отшвырнулъ чемоданъ за альковъ. Убралъ верхній свѣтъ, оставилъ на письменномъ столѣ и на другомъ, овальномъ, прошелся по комнатѣ, сжимая пальцы. Вотъ такъ же себя чувствовалъ, когда шелъ на экзамень по стратегіи. И зналъ и боялся.

Чай появился во-время, но гости еще не было. Аз-

белевъ не любилъ, и не привыкъ ждать, но теперь онъ ждалъ съ наслажденіемъ. Сквозила легкая тревога. Онъ былъ слишкомъ искуснымъ чтецомъ женскихъ сердецъ, чтобы не знать, что женщины, въ родѣ m-me Claudet, не рискуютъ быть заподозрѣнными въ авантюрѣ. Терялся въ догадкахъ, но ни одной изъ нихъ не доводилъ до конца. Черезъ десять минутъ ожиданіе становится томительнымъ, черезъ двѣнадцать оно нестерпимо. «Она не пріѣдетъ, — думаетъ онъ въ отчаяніи, — вернулся мужъ, помѣшали...» — Онъ мечется по комнатѣ, хочетъ телефонировать, но въ эту минуту раздается стукъ, и гарсонъ широко распахиваетъ дверь передъ дамой.

— Простите, я васъ заставила ждать. Мой мужъ долженъ былъ раньше отпустить своего гостя, чтобы отвезти меня къ вамъ, но гость засидѣлся, а благодаря этому я опоздала. Здравствуйте!

Она сбрасываетъ перчатки, протягиваетъ обѣ руки, оглядываетъ комнату. Тонкій ароматъ духовъ раздражаетъ Азбелева, напоминаетъ вчерашнюю музыку. Но упоминаніе о m-r Claudet ему опредѣленно не нравится.

— M-r Claudet? онъ знаетъ, что вы у меня?

Она лукаво улыбается:

— Конечно, что же здѣсь особеннаго! Вѣдь m-r Claudet считаетъ васъ нашимъ другомъ... Онъ самъ хотѣлъ заѣхать къ вамъ, но вы знаете, какъ онъ занятъ.

Азбелевъ суетится у чайнаго стола. Онъ нѣсколько растерянъ и не вполнѣ знаетъ, какъ вести разговоръ.

— Я думалъ... — начинаетъ онъ, опрокидывая бисквиты на скатерть...

M-me Claudet перебиваетъ и беретъ чайникъ изъ его рукъ.

— А вы не думайте лишняго, — говоритъ она, не переставая насмѣшливо улыбаться. — Вы не умѣете обращаться съ чайной посудой. Дайте мнѣ. Безъ сахара? Крѣпкій? Я вашъ вкусъ знаю.

Азбелевъ смотритъ большими глазами. Передъ нимъ — совсѣмъ другая женщина.

«Смѣется она надо мною? или ей и впрямь весело?» — думаетъ онъ и слѣдитъ съ безпомощной учтивостью за быстрыми движеніями ея красивыхъ рукъ.

Она въ темномъ костюмѣ строгаго англійскаго покроя, шляпа съ неровно загнутыми полями, идущая къ ней, но смѣлая для моды.

— Послушайте, — говоритъ онъ, усаживая ее въ глубокое кресло: — вы явились воскресить или уничтожить меня?

Глаза ея смотрятъ ласково, безъ обычной грусти.

— Я угадываю мысли на вашемъ лицѣ, вы удивлены. Вамъ кажется, что передъ вами не m-me Elise Claudet, но другая женщина. Какая же лучше?

— Нѣтъ, я плохой угадчикъ! Ужъ лучше скажите мнѣ сами: какая изъ васъ двухъ настоящая?

— Угадайте, говорю вамъ...

Азбелевъ вытягиваетъ голову, всматривается въ черты лица. Губы улыбаются, маленькіе ровные зубки сверкаютъ въ улыбкѣ. Но въ глазахъ смѣха нѣтъ, только грусть прячется въ мягкую ласковость.

— Пейте же чай, — напоминаетъ она и беретъ свою чашку.

«Ы-ы, харя, лакай, штоль!» — вспоминается ему совѣтская беллетристика.

Внезапно лицо m-me Claudet мѣняется, глаза тускнѣютъ, становятся печальными. Улыбка исчезаетъ. Съ участіемъ смотритъ на Азбелева и дѣлаетъ движеніе, словно хочетъ коснуться его руки.

— М-г Азбелевъ,—говорить она тихо, слегка упавшимъ голосомъ. — Мнѣ очень жаль васъ, безконечно жаль. Я вѣрю вамъ, что вы безумно одиноки...

Азбелевъ откидывается на спинку кресла. Чувствуетъ холодную дрожь.

— M-me Claudet, позвольте мнѣ не говорить вамъ лишнихъ словъ. Я слишкомъ люблю васъ, чтобы воспользоваться вашимъ участіемъ. Я его ничѣмъ не заслужилъ. Я благодаренъ вамъ...

И замолкаетъ. Сердце его сжимается колючимъ холодомъ ужаса и оскорбленія. Съ минуту молчитъ и m-me Claudet.

— Ахъ, Боже мой! — восклицаетъ она, — неужели вы не понимаете, что я не для участія пришла къ вамъ!

Голосъ ея выдалъ сильное волненіе. Глаза расширились, лицо стало строже.

— М-г Азбелевъ, вы не злой человѣкъ. Вы человѣкъ благородный. Вы будете со мной говорить правдиво. Вы не пожелали моего участія, а теперь я вамъ поставлю вопросъ: зачѣмъ вы разбудили меня? Зачѣмъ вы открыли мнѣ всю глубину моего одиночества и несчастья? Зачѣмъ вы поманили меня мечтами иныхъ горизонтовъ? Вамъ никогда не было жаль меня?

— Нѣтъ, потому что я любилъ васъ, а полюбивъ такъ, какъ я полюбилъ, не жалѣешь ни себя, ни любимую женщину. И если любовь моя пробудила въ васъ только жалость...

М-me Claudet закрыла лицо руками.

— Молчите, ради Бога молчите! Развѣ вы не видите, какъ я страдаю?

Азбелевъ подвинулся къ ней и отвелъ ея руки отъ лица. На этомъ лицѣ было выраженіе растроганности и муки. Въ глазахъ сіяла беззавѣтная нѣжность.

— Я, какъ милости, прошу васъ, — прошептала она, — пожалѣйте меня, будьте мнѣ другомъ!

Азбелевъ заглянулъ ей въ глаза и приложилъ ея горячую руку къ своей рукѣ.

— Значить, и вы... и вы... — зашепталъ онъ страстно, — любите меня?

Она не отвѣчала.

— Мы будемъ счастливы, да?

Крупныя слезы бѣжали по ея щекамъ.

— Боже мой, — почти простонала она, сжимая его руку, — мы стоимъ съ вами на краю темной бездны...

— Вамъ не должно быть страшно со мной...

— Нѣтъ, вы ужасный человѣкъ. Я боюсь васъ, но...

Азбелевъ восторженно глядѣлъ на нее и ждалъ.

— Но, — она оттолкнула его отъ себя и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, повернулась къ нему и положила руки на плечи.

— Но, — вы первый человѣкъ, котораго я полюбила...

Азбелевъ вскочилъ и хотѣлъ было броситься къ ней, но она отстранилась и остановила его рѣшительнымъ жестомъ.

— Я не о томъ хотѣла говорить съ вами, — сказала она твердымъ голосомъ. — То, что я вамъ сказала, вы и безъ того знали, а наше глупое поведеніе вчера могло насъ обоихъ выдать. Такъ я вамъ заявляю: я васъ люблю, и замѣтите: я не играю этимъ словомъ.

Она остановилась. Азбелевъ слушалъ ее, замирая отъ волненія.

— У меня мужъ, положеніе, свѣтъ... я все это брошу и уйду къ вамъ, но при одномъ условіи: если вы откажетесь отъ вашей бродяжеской жизни, если меня вы любите больше вашихъ приключеній. Если на землѣ, хоть гдѣ-нибудь, гдѣ хотите, окажется клочокъ, о ко-

торомъ вы скажете: это мой домъ, мой очагъ, моя семья. Я знаю, что вы работаете надъ освобожденіемъ вашей родины, и я не хочу мѣшать вамъ въ этой работѣ. Но вы придадите ей иную форму. Я такъ благодарна вамъ за то, что вы сами дали мнѣ почувствовать, какъ вы живете. Я плохо понимаю въ этихъ дѣлахъ, но на роль вождя вы не годитесь, у васъ для этого слишкомъ артистическій темпераментъ, а зауряднымъ бойцомъ вы не станете. Видите, какъ я много думала о васъ. Я рѣшила не подвергать далѣе нашихъ отношеній риску вашего бурнаго темперамента и объясниться. Вы понимаете меня? Я хочу мирной и покойной жизни съ человѣкомъ, котораго я люблю, я хочу видѣть міръ, узнать людей разныхъ... я готова трудиться, помогая вамъ во всемъ... я способна пожертвовать собой для счастья того, кого люблю, но связать свою жизнь съ человѣкомъ, который готовъ каждую минуту броситься въ кровавую борьбу, я не могу. Я чувствую, что и вы не такой. Что вы сами не знаете себя и только мечетесь, никому не давая счастья. Вы рѣшительный, смѣлый, но, мнѣ кажется, бесплодный въ дѣлахъ вашихъ.

Азбелевъ слушалъ ее, какъ замороженный. Онъ не пытался ни возражать, ни воспринимать ея словъ полнымъ сознаніемъ. Онъ дивился только смѣлости, съ какой эта женщина говорила съ нимъ о немъ же самомъ.

Кончивъ, смягчилась. Пошла къ дивану и сѣла.

— Подите сюда, — позвала она, — садитесь рядомъ, не бойтесь. Вамъ страшно со мной, а послушать васъ, такъ вы и чорта не боитесь!

— Вы опаснѣе, — замѣтилъ Азбелевъ.

Она засмѣялась:

— О нѣтъ, и вы не опасны, надо только, чтобъ мы съ вами оба были людьми и просто и ясно любили другъ

друга. И странные мы люди. Я не знаю, за что вы полюбили меня, обыкновенную, маленькую женщину, какихъ такъ много, и за что я полюбила васъ — одинокаго русскаго бѣженца? Ужели за то, что вы одарены душою артиста? Нѣтъ, еще и за многое другое. Я думаю за тонкій аристократизмъ вашей души... Но, какъ бы ни было, все это дѣлаетъ за насъ судьба, а она, какъ извѣстно, слѣпа: предоставимъ ей, если ужъ такъ случилось, устроить насъ. Хотите?

Онъ положилъ голову къ ней на колѣни. Она цѣловала ее, ласкала своими тонкими, нѣжными пальцами его лицо. Въ эти минуты онъ чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ, маленькимъ передъ ней, этой хрупкой, избалованной женщиной, готовившейся взять въ свои руки его гордую, непреклонную волю.

— А я, — медленно и тихо говорила она, — словно убаюкивая бархатной мягкостью своего грудного голоса, — я сдѣлаю все, чтобы дать вамъ счастье. Тамъ, гдѣ люди добиваются мирнаго, спокойнаго, яснаго, какъ лѣтній день, счастья, главная роль принадлежитъ не мужчинѣ, а женщинѣ. Мужчина созданъ для общества, для свѣта, для дѣятельности, а женщина поддерживаетъ и сохраняетъ свѣтъ и огонь домашняго уюта. Я буду беречь вашу душу — она у васъ истерзанная, больная... я буду изучать языкъ вашей родины — онъ мнѣ представляется стремительнымъ, какъ потокъ, падающій съ горы и разсыпающійся серебромъ въ сладко журчащемъ ручьѣ...

Онъ слушалъ, какъ зачарованный, не произнося ни слова, растворяясь въ ласкающихъ ощущеніяхъ забвенія и счастья. Она продолжала:

— Да, я отдамъ вамъ всю теплоту и нѣжность моего сердца, всю глубину сочувствія, на какую способна француженка, чтобы смягчить ваши страданія оскор-

бленнаго патріота. Я буду передавать въ звукахъ моихъ пѣсенъ и моей игры тѣ мысли и чувства, для которыхъ не найду словъ. И, когда умолкну, глаза мои доскажутъ остальное, чего не выразятъ звуки. И если Франція окажется слишкомъ маленькой страной, чтобы оградить насъ отъ бурь и страстей политической жизни, мы съ вами уѣдемъ куда-нибудь далеко-далеко, въ моря съ тропическими островами, въ пустыни, горы, и остановимся тамъ, гдѣ вы скажете: довольно скитаній, сердце проситъ покоя и отрады! О, да! Я могу любить вашу страстную и гордую душу, я уже люблю вашу отточенную, какъ кинжалъ, смѣлую и честную рѣчь, я уже люблю отблескъ вашей души въ вашемъ сверкающемъ взорѣ... Но въ этомъ взорѣ еще такъ много муки и такъ много горечи въ вашей улыбкѣ, что бѣдной маленькой женщинѣ есть на что направить свою цѣлительную нѣжность, есть надъ чѣмъ склониться заботливо любящимъ взоромъ!

Онъ съ трудомъ поднялъ свою голову, и глаза его сіяли чистымъ блескомъ восторга, когда онъ смотрѣлъ на нее. Ничего не говорилъ, только тихо и нѣжно гладилъ ея руку и, казалось, сочеталъ мгновенія своихъ переживаній съ біеніемъ ея сердца.

— О чемъ вы думаете? — тихо спросила она.

— Помните вчерашнюю музыку? — отвѣтилъ онъ тоже тихо и кротко: — музыка вашихъ словъ — безумнѣе и слаще!

M-me Claudet подняла глаза:

— Безумнѣе? Слова мои безумны?

Дрожь улыбки прошла по губамъ Азбелева.

— Слова не безумны, но музыка ихъ можетъ быть безумной... Впрочемъ, и это не точно: ваши слова дѣлаютъ меня безумнымъ, они опьяняютъ меня, они отнимаютъ у меня волю... Я не могу противиться вамъ!

— А вамъ это непріятно? Вамъ хочется противить-
ся мнѣ?

— Не хочется... о, нѣтъ! Но будетъ большое горе,
если я потеряю власть надъ собою!

Она заглядывала ему въ глаза. Въ ея взглядѣ было
столько безграничной преданности и правды честнаго,
ничѣмъ не возмущеннаго чувства.

Онъ не выдержалъ, глаза ушли въ себя. Стало
тревожно, жутко, точно темная душа испугалась прони-
кавшихъ въ нее лучей.

— Мы будемъ счастливы?

Теперь она поставила этотъ вопросъ:

— Счастливы оба — вы и я? О, я могу быть счаст-
лива съ вами!

Онъ вздрогнулъ, какъ отъ электрической искры.

— Счастливы? — повторилъ онъ. — Счастливы?
— не знаю...

Всталъ и неувѣренной походкой, протирая глаза,
отошелъ къ столу и задумался, бессмысленно уставив-
шись въ темный уголъ, точно видѣлъ или искалъ тамъ
кого-то.

M-me Claudet слѣдила за нимъ, не говоря ни слова.

Вдругъ онъ сжалъ свои руки такъ, что хрустнули
пальцы.

Мертвенная блѣдность разлилась по лицу. Глаза
погасли, губы шевелились, произнося невнятные, неслы-
шимые слова.

— Не могу... не могу... — разслышала m-me Clau-
det.

Она бросилась къ нему:

— Другъ мой! Что съ вами?

Онъ остановилъ ее рукою и сдѣлалъ усилие.

— Это ничего... Это бываетъ... Это пройдетъ... Не
подходите ко мнѣ, потому что иначе я не найду словъ,

которыя долженъ сказать вамъ... — Звуки хрипло и прерывисто срывались съ языка.

— Скажите, скажите все, что хотите, — умоляющимъ голосомъ сказала m-me Claudet. — Что мѣшаетъ быть намъ счастливыми? Вы любите другую?

Азбелевъ поднялъ голову. Въ глазахъ снова была рѣшимость и воля.

— Другую? Нѣтъ, m-me Claudet, я люблю только васъ, люблю, какъ никогда не любилъ, нѣжно и глубоко — до безумія. Но потому-то я и не стану вамъ лгать. Я вдругъ понялъ васъ, озаренную солнцемъ... Вы жаждете счастья и ждете его отъ меня. А я... вижу только мракъ передъ собою...

— О, нѣтъ! Свѣтъ, яркій свѣтъ! — воскликнула m-me Claudet...

— Я вижу только мракъ, — продолжалъ Азбелевъ, — и я веду васъ въ этотъ мракъ, въ эту неизвѣстность... Передо мной борьба, лишенія, игра жизнью и смертью... Я былъ бы не только безумцемъ, но даже негодяемъ, если бы увлекъ васъ туда за собою.

M-me Claudet встала, тоже, какъ и онъ, рѣшительная и гордая. Съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ не было ни гнѣва, ни удивленія. Только рука не попадала въ перчатку.

— Да, я слишкомъ полюбилъ васъ, чтобы не сказать вамъ всей правды. Я могъ бы умолить васъ, и вы пошли бы на всѣ тревоги и испытанія моей жизни, но это значило бы — навсегда отнять у васъ надежду любить жизнь такую, какой вы хотите ее любить. Это значило бы сдѣлать васъ глубоко несчастной. Но могло бы случиться и худшее: вы овладѣли бы мною, моей волей и моимъ разсудкомъ, и я пересталъ бы быть господиномъ своихъ дѣйствій. Тогда я проклялъ бы самого себя за слабость и страсть къ вамъ и былъ въ такой же

мѣрѣ несчастливѣ, какъ и вы. Этого ли хотимъ мы съ вами?

Говорилъ уже съ ледянымъ спокойствіемъ, а самъ чувствовалъ, какъ мертво и нѣмо становится въ душѣ. Казалось, все тускнѣло вокругъ, только воспаленныя губы произносили слова, не справляясь съ чувствомъ, ихъ отрицавшимъ.

— Простите меня... я виноватъ передъ вами, но... но я измѣнилъ бы себѣ, если бы связалъ свою судьбу съ вашей... Простите меня!

M-me Claudet сдѣлала шагъ впередъ.

— Благодарю васъ...

Азбелевъ старался не глядѣть на нее. Лицо его искривилось судорогой, и руки дрожали, когда онъ подавалъ ей манто. Искаль, и съ минутой не могъ найти пуговку звонка. Нашелъ наконецъ.

— Автомобиль у подъѣзда?

— Точно такъ.

Она подняла на него свои свѣтлые, слезами дрожавшіе глаза. Онъ хотѣлъ ей что-то сказать и не могъ. Когда дверь закрылась, схватилъ себя за голову и со стономъ упалъ на диванъ.

На слѣдующій день покинулъ Парижъ.

XIX

Въ Прагѣ лѣто было неровное — то непогодное, мрачное, то солнечное, знойное. Жители окрестностей очень бранили такое лѣто, но утѣшались, когда имъ говорили, что и по всей Европѣ тоже порядка нѣтъ: гдѣ знойно, гдѣ холодно. Въ дождливые, темные дни спасало доброе чешское пиво, у кого оно было. Жару продолжвалъ чай или кипятокъ съ малиновымъ сиропцемъ — здѣсь онъ не дорогъ. Особенно много выпито было чаю на помолвкѣ у Флегонта Иваныча Званкова, въ

яркій и душный воскресный день. Помолвка-то, собственно не была помолвкой, потому что свадьба совершилась, кажется, мѣсяца за два передъ тѣмъ, но тогда у него денегъ не было. Теперь же Флегонтъ Иванычъ былъ при мѣстѣ, въ какой-то торговлѣ, и видъ имѣлъ чрезвычайно довольный. Чай пили во дворѣ, на просторѣ. Дворъ называли садикомъ, потому что черезъ заборъ любопытно заглядывали вѣтви чужого, обширнаго сада. Симпатичная, кругленькая, пышущая здоровьемъ и весельемъ дама едва успѣвала рѣзать пирогъ и подливать чай. Она уже начинала изъясняться по-русски и, какъ и Флегонтъ Иванычъ, не всегда кстати, вставляла его любимыя словечки. У нея это выходило чрезвычайно мило, гораздо милѣе, чѣмъ у самого Флегонта Иваныча, который сіялъ гордостью и счастьемъ. Она только нѣсколько конфузилась, когда Ружена Францевна пристально поглядывала на ея станъ, хотя, вообще говоря, въ этомъ отношеніи не было замѣтно ничего особеннаго. Обручевъ тоже сидѣлъ въ новой лѣтней парѣ, какъ всегда — благодушный и скромный. Былъ еще кое-кто изъ пражанъ, кого мы раньше не знали. Славилъ Господа Бога за погоду, говорили, что чай въ жару — лучшій напитокъ, перебирали газетныя новости.

— А Немѣшаевъ-то умеръ, — неожиданно сказалъ Обручевъ, — третьяго дня хоронили. Говорятъ, передъ смертью все бредилъ Вальцевымъ, собирался уйти нето въ горы, нето въ пустыню...

Всѣ на минутку притихли. Флегонтъ Иванычъ перекрестился:

— Ну, царствіе небесное... Хорошій былъ парень. Калейдоскопъ въ душѣ имѣлъ...

Никто не понималъ, что хотѣлъ сказать этимъ словомъ Флегонтъ Иванычъ. И самъ онъ нѣсколько сму-

тился и, чтобы замять печальный разговоръ, разска-
заль, что ему видѣлось въ прошлую ночь:

— Сижу я будто верхомъ на стулѣ и вотъ этакъ
руками размахиваю. Размахиваю и размахиваю, а самъ
думаю... знаете — во снѣ тоже думаютъ иногда... самъ
думаю: что это я безъ пользы энергію употребляю, пси-
хику, по совѣсти говоря, зря трачу. А самъ все болтаю,
все болтаю, сначала руками, а потомъ и ногами началъ,
какъ полоумный. Потомъ гляжу — анъ подо мной земля
бѣжить... бѣжить, бѣжить, словно шаръ катится. И
все на ней, какъ полагается — и рѣки, и долины —
вотъ какъ въ біографѣ показываютъ... Проснулся я, и
говорю Аннѣ Вацлавнѣ... Какъ вы, моль, полагаете,
что сей сонъ значитъ? Она и говоритъ: дорога, безпре-
мѣнно дорога. А что, по совѣсти говоря, если и впрямь
такая консолидація выйдетъ: айда въ Россію?

Всѣ оживились.

— Ну, конечно, въ Россію, — сказалъ Обручевъ и
выразительно посмотрѣлъ на Ружену Францевну.

— Зачѣмъ же непременно въ Россію? Намъ и здѣсь
хорошо, — сказала Ружена Францевна и еще вырази-
тельнѣе посмотрѣла на Обручева.

Одинъ изъ незнакомыхъ пражанъ замѣтилъ, что и
гадалка съ «улицы алхимиковъ» на великое переселеніе
народовъ нагадываетъ.

Стали перебирать знакомыхъ — кто, гдѣ, кого
ждетъ въ Россіи. Не сомнѣвались, что у Клеопатры
Ивановны будетъ и свой домъ, и котъ, и та же разбитая
чашечка. Не говорили только о Вяльцевѣ. О немъ не
было ни слуху, ни духу. Какъ въ воду канулъ. Разска-
зывалъ кто-то, что онъ въ Швейцаріи: нето въ тюрьмѣ
сидитъ, нето книгу пишетъ. Точно не знали.

К о н е ц ъ.

4,80 (1987)

РЛ
У

7202 у

~~13.527~~

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ

ТУНДРА

II

ПЛАМЯ

Центральные склады:

„PLAMJA“

Praha II, Ječná ul. 32.

—
„RODINA“

Berlin W 50,

Regensburgerstrasse 13.

ЕВГ. ЛЯЦКІЙ — ТУНДРА

П Л А М Я

П Р А Г А